

№8 (1619)

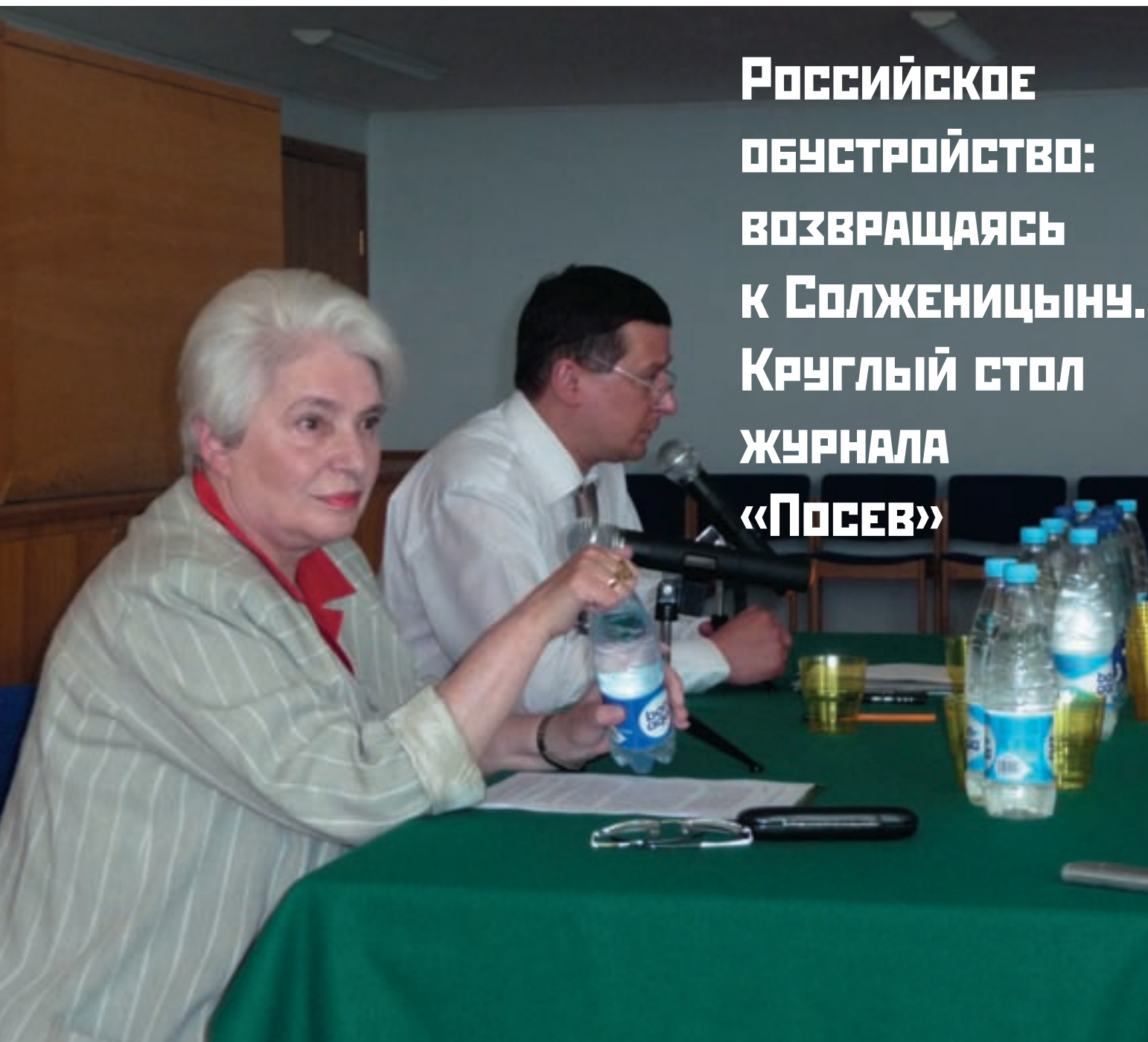
2012

Не в силе Бог, а в правде!

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**РОССИЙСКОЕ
ОБУСТРОЙСТВО:
ВОЗВРАЩАЯСЬ
К СОЛЖЕНИЦЫНУ.
КРУГЛЫЙ СТОЛ
ЖУРНАЛА
«ПОСЕВ»**



Журнал «Посев».
Учредитель: Некоммерческое Партнёрство
«Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии
издательства POSSEV GmbH Frankfurt am
Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

*Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долнин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.*

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва,
ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@gmail.com
<http://www.posev.ru>

Адрес типографии ООО Принт сервис
групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский
пер. 7. Телефон (495) 797-8124

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.07.2012

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
<http://www.posev.de>
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федера-
ции 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издатель-
ское, исследовательское и просветитель-
ское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции. Ответствен-
ность за точность приводимых сведений
несут авторы. Редакция в переписку с не-
опубликованными авторами не вступает.
Рукописи не возвращаются и не рецен-
зируются. При перепечатке любых мате-
риалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 08 (1619) август 2012 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

ВОЗВРАЩАЯСЬ К СОЛЖЕНИЦЫНУ

Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну	2
Солженицына Наталия Дмитриевна	3
Роднянская Ирина Бенционовна	7
Сараскина Людмила Ивановна	10
Краснов Михаил Александрович	11
Иванов Святослав Павлович	13
Зибницкий Эдуард Валентинович	16
Гальцева Рената Александровна	18
Сараскина Людмила Ивановна	20
Роднянская Ирина Бенционовна	22

ИНТЕРВЬЮ

Ирина Смирнова.

Князь Димитрий Романович: «Мы — Романовы, значит, надо что-нибудь делать для России»	24
--	----

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Валерий Сендеров.

На карабахском направлении	26
----------------------------------	----

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Екатерина Андреева.

Петербург — «парадиз» или «ГУЛаг» Петра Великого?	28
--	----

Игорь Чубайс.

Стояние на Совке	35
------------------------	----

Василий Ласкавый.

Погодный фактор в советско-финской войне	36
---	----

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Владимир Строгоцкий.

Из прошлого в будущее	40
-----------------------------	----

АРХИВ

Георгий Вербицкий.

Ещё раз о Власове	45
-------------------------	----

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Открытое письмо в журнал «Посев»	48
--	----



Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну

Круглый стол с таким названием провела редакция журнала «Посев» 17 мая 2012 года в Москве в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Участникам мероприятия было предложено обсудить проблему, поднятую в статье Александра Солженицына «Как нам обустроить Россию?», применительно к сегодняшнему дню. Приглашение на Круглый стол сопровождала следующая преамбула.

*«Часы коммунизма — своё отбили.
Но бетонная постройка его ещё не рухнула.
И как бы нам, вместо освобождения,
не расплющиться под его развалинами».*

Этими словами Александр Исаевич Солженицын начал вышедшую осенью 1990 года статью «Как нам обустроить Россию?». Обустройство, о котором беспокоился писатель, касалось самых разнообразных вопросов. От внешней политики и внешних приоритетов грядущей России до внутреннего — нравственного, политического, экономического — преобразования страны. Последнее — внутреннее — было, разумеется, самым важным. И обращался Солженицын, как обычно, к широчайшему кругу читателей. И к новым «вождям», к руководству страны; и — в первую голову — к обществу, к народу.

Вышедшая приложением к многомиллионной «Комсомольской правде» статья тотчас стала сенсацией, её обсуждали в различных кругах. А как раз в привлечении внимания к идеям и состоит первая цель любого подобного труда. Цель эта, казалось, была достигнута. Смуцал, однако, уровень обсуждения. Лишь малая часть споривших вдумывалась в обсуждаемые идеи по существу. Неприятие писателем многих форм современной западной демократии воспринималось по-разному. Кто-то видел в нём этакую маргинальную «крутость». Другие — возмутительное мракобесие. Для третьих — сторонников принципиально антиевропейского «русского пути» — само обращение к демократии как к кардинально важному понятию уже казалось крамолой...

Левый для правых. Правый для левых. Так с Александром Исаевичем получилось и на сей раз.

Между тем время шло. Шло быстро. Бетонная постройка рухнула — менее чем через год после солженицынской статьи. А все мы закопошились под развалинами. И в копошении этом идеи Александра Исаевича забылись. «На самых верхах», на президентском уровне, перед великим писателем подчас подчёркнуто демонстрировали пиетет. На других же уровнях — не заботились и о внешних приличиях. Думский зал с зевающими при выступлении Солженицына депутатами — достойный символ постсоветского парламентаризма...

Суть же, при разной символике, была одна. Солженицынские идеи игнорировались. Строительство новой России проводилось по простейшим, стандартным рецептам, не выверенным для специфики конкретной страны. К чему мы пришли на этом

пути? Назовём лишь самое очевидное. Демократия, свобода — в России это, в лучшем случае, формальное отсутствие запретов: правового подкрепления демократии и свобод нет. Либерализм, права человека — для подавляющего большинства наших сограждан эти слова стали чуть ли не ругательствами. Либеральные реформы продолжают — при поддержке националистической риторики, призванной смягчить и канализировать недовольство ими. Это опаснейший путь, на него Россия уже вступала — сто пятьдесят лет назад...

Можно ли сказать, что мы сейчас — в тупике? По солженицынскому же выражению — «в обвале»? Так ли, нет ли, но мы мечемся без ясных ориентиров. Общечеловеческих и национальных. И, быть может, главные опасности подстерегают нас впереди.

«Россия в тумане». Так можно перефразировать название ещё одной известной солженицынской работы. И в этом тумане хочется вновь обратиться к общественным идеям писателя. Сегодня они начинают воплощаться — подчас неожиданным образом. Взглянем хоть на Евразийский союз. Внутри же страны — важность местного, земского самоуправления ясно обозначилась сегодня для знакомых и незнакомых с идеями Александра Исаевича людей.

Будущее России — в руках ее граждан. И в строительстве страны у каждого своя роль. Серьёзное изучение и критическое осмысление солженицынских идей станет, надеемся, нашим посильным вкладом в это будущее.

Участники Круглого стола

Ведущий — **Ю. С. Цурганов**, главный редактор журнала «Посев»

Выступили:

Н. Д. Солженицына — президент Русского общественного фонда Александра Солженицына

И. Б. Роднянская — литературный критик, филолог, исследователь русской религиозной философии; член редсовета журнала «Новый мир», редактор словаря «Русские писатели. 1800—1917»

Л. И. Сараскина — главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, доктор филологических наук

М. А. Краснов — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, доктор юридических наук

С. П. Иванов — публицист, редактор альманаха «За Россию!» (Воронеж)

Э. В. Зибницкий — публицист (Псков)

Р. А. Гальцева — философ и публицист, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, редактор издания

«Эон. Альманах старой и новой культуры»; автор книг и статей по русской философии и истории идей

С. Д. Серебряный — директор Института высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского, доктор философских наук

Солженицына Наталия Дмитриевна

Когда меня приглашали на эту мини-конференцию, то я с самого начала сказала, что не могу, скорее даже — не хочу участвовать в дебатах по существу дела. По поводу того, почему не воспринята была «Как нам обустроить...» и можно ли что-то полезное взять отсюда для сегодняшней жизни. Я, честно сказать, считаю, что нельзя. Что ту систему, которая сегодня утвердилась и заостенела, — на те пути, что были предложены в «Как нам обустроить...», не повернуть. Но, с другой стороны, меня очень трогает и волнует желание хотя бы немногих людей всё-таки перечитать, пересмотреть статью и подумать: нельзя ли что-то приложить к сегодняшней жизни? У меня самой горечь выжгла всякое желание рассуждать, не поздно ли как-то применить мысли Александра Исаевича, высказанные двадцать с лишним лет назад. И поэтому я сразу ответила, что могу предложить только свои воспоминания о том, как это было, как писалась статья.

Переменами на родине мы только и жили. С 1987 года сидели как на иглоках, ожидая, что вот-вот вернут гражданство, что мы вернёмся в страну, а это все не случилось и не случилось. Мы очень внимательно, с биением сердца следили за всем, что происходит в стране. Читали ежедневные тассовки. Александр Исаевич получал в день 20—30 писем из России, больше всего из провинции — из столицы, очевидно, как-то пресекали письма. То время прочертило глубокую борозду личную в его жизни, и в моей, и в жизни мальчиков. И я подумала, что сегодняшние мои воспоминания всё равно не передадут той атмосферы так, как могут передать мои же записи того времени. Я вообще не всегда вела записи, но в то время вела. И, если позволите, предложу вашему вниманию то, что я тогда записала, это по крайней мере точнее передаст наше состояние, всё-таки это документ. Конечно, я выбрала из толстой тетради за 1990 год только то, что относится к работе над «Как нам обустроить...», и немного атмосферы вокруг, без которой было бы вовсе сухо. И, если позволите, я вам прочитаю¹.



Наталия Дмитриевна Солженицына

1990

КАВЕНДИШ, ВЕРМОНТ

2 февраля, птн., Сретенье, по-новому. — В церкви, наверно, никого не было: снегопад, гололёд, по радио тревога — «сидите дома». <...> Говорили о предстоящем российском строе: конечно, демократия. Альтернатив не видно, хотя они, может быть, были бы безопаснее для начала перехода от тоталитарного строя. АИ: «Но к чему наш народ совершенно неспособен — к организации. Разве что большевицкие бандитские годы воспитали жёсткие поколения, изменили хватку, — может, теперь найдутся и организаторы». — Я: а как же купцы? — АИ: я говорю — неспособны к организации политической жизни.

5 февраля, пнд. — Ослепительный день. Ездил на почту и за покупками — жалела, что нет времени просто поехать — покружить по нашим холмам, онемевшим от собственного великолепия. <...> Первый день Пленума прошёл. Горбачёв предложил многопартийную систему. Вероятно, он победит несогласных. Выиграет ли от этого страна — совершенно неясно... В общем, Горбачёву удаётся мимикрия, и он вовлекает в неё не вовсе сгнившую часть номенклатуры, — а лучше бы сгнули они все. Но так не бывает: за собой потащат и тех, кому жить да жить. Саня, после новостей: — Когда я прежде представлял падение коммунизма, в чём всегда был уверен, — то мне виделось: всё старое сметено, пришло всё новое, чистое, пусть и нищее. А теперь: вся мразь, вся гниль — на тех же местах, всё заполонила,

¹ В апреле сокращённые выдержки из этих записок были напечатаны в книге-подарке Владиславу Фронину к 60-летию: Из записей Н. Д. Солженицыной. Кавендиш, Вермонт. 1990 // Фронин Вл. Пепел и алмаз. М.: Российская газета, 2012. С. 103—108.

спускают на тормозах, — и всё захрюканное. Реальность — и должна быть такой, те мечтания были поэтические — но так уж тоскливо сегодня на экран смотреть.

15 февраля, чтв. — Вчера Наполеон Сергеич вошел в штопор на Верх. Совете: желает, чтоб его избрал Президентом Съезд народных депутатов, — а Верх. Совет и Съезда созывать не хочет, и Президента уж если избирать, то *всенародно*... — словом, скачка пошла со спотычками. А тем временем в Душанбе больше сотни убитых, танки, пожары — и уже загорается во Фрунзе. Сегодня Латвия заявила, что хочет быть отдельным государством. За Литвой как ледоколом.

Нас лихорадит — и мы стараемся канализировать эту лихорадку в рабочую. <...> АИ — почти в полёте, скоро от земли приподымется, в горячих струях (под ногами горит). Спрашиваю: Что ж будет с Россией? — Он: «Ночью и днём думаю».

17 февраля, сб. — <...> «Это должна быть брошюра. Я умею написать сложное — понятно».

24 февраля, сб. — Москву лихорадит перед назначенной на завтра демонстрацией (ожидают полмиллиона).

АИ: «Писал я свои книги — слишком рано, общество к ним было не готово; а теперь приходят они в Россию — слишком поздно».

И ещё, позже: «Сейчас там — не время литературы вообще. И писатели — вошли в свое трудное десятилетие (что ни напиши — устареет, а писать неустаревающее — мешает лава событий). Но долго так не останется, лет через 10 литература опять займет свой объём».

26 февраля, пнд. — <...> АИ в последние дни особенно остро оценивал российские события, накопилось много свежей информации. Сегодня записал в Дневник¹ (я записи не видела, знаю с его слов):

— «Красное Колесо» сейчас появляется не вовремя, — а когда в 60-х годах вышла «Война и мир» — вообще освистали: что это? зачем? к чему?

27 февраля, вт. — <...> Сегодня Верх. Совет, обработанный Горбачёвым в кулуарах, — проголосовал дать ему Президента (но с полномочиями диктатора): он может смещать и Верховного Судью, и Председателя Президиума Верх. Совета; объявлять войну; объявлять военное положение единолично. В нынешнем безнадежном положении диктатура — верное было бы средство, да только Горбачёв — не диктатор, АИ говорит: «у него заячьё сердце».

28 февраля, среда — <...> Сейчас, после вечерних новостей, обсуждали российские новости: президентство и сегодняшнее голосование о земле: нельзя покупать-продавать, но можно получить в пожизненное пользование с правом передать детям.

Саня: что нельзя торговать землей — хорошо. В Московском периоде было так: «Земля — государственная, а леса и рощи — наши». Вот найдутся ли работники?

27 марта, вторник. — АИ сказал: думаю о погибающей стране — непрерывно. Что, и как, и возможно ли — сделать. И когда с этим выйти. Тяжёлая, горькая работа.

10 мая, четверг — Среди почты: два номера ново-политического советского журнала *Родина* (в одном — отрывок из «Республики труда»). В них много фотографий, Саня их листал вечером, а перед самым сном стал показывать мне. Стоят бабы, пожилые, опершись на мотыги, тяжело, — и смотрят в упор на фотографа (значит — на каждого, кто смотрит снимок), — Саня головой крутит: «не могу такое видеть».

21 мая, пнд. — [Саня:] «Да, убогой нам родина открылась. Казалось всегда: развалятся Советы — какая радость будет! А вот — до такого жуткого развала довели, что и радости нет».

28 мая, пнд. — На родине — страшно. В Армении кровь, войска НКВД. В Москве — паническая скупка всего съестного. А в Георгиевском зале — битва за «Российский трон», Ельцин близок к цели, да не укусит никак (завтра — 3-я переголосовка).

Опять «проверяли позиции» с Саней: мы оба думаем, что времени — уже не осталось, и ничто, никто не может спасти от хаоса. АИ: «Дожил бы Лев Толстой до 17-го года — кто б его в том гвалте слушал?» И позже: «В такой быстродинамичной обстановке — писателю не время, не место». (Малые страны, Вацлав Хавел — другое дело.)

3 июня, воскр., Троица — <...> Служба сегодня в Springfield'e (Троицкая церковь у них) — и мы не ездили. И траву не косили, старимся.

Говорили с Саней об одичании нравов и сбито-сти с толку на родине. Он: «Уже потому Россия не на верном пути, что она ни в чём не очищается от мерзости. Германия всё время судила своих нацистов, все эти годы. А у нас не только *никого* не судили, но теперь смершевцы смеют еще в суд подавать на своих жертв — зачем назвали их, да не так описали! (Чульпнев). Ведь какую экономическую реформу ни проведи, хоть и накорми всех в самом деле, а эта вся мерзость в поколениях скажется».

4 июня, Духов день — Санин любимый праздник. Провели часа два, обсуждая предстоящие работы, Саня рассказывал подробно... и о проблемах своих с «государственной работой» (не может нащупать входа, решил отложить начало собственно работы, продолжать летом чтение впрок).

5 июня, вт. — Резня между киргизами и узбеками. Называют десятки убитых — значит, их сотни. В районе Оша, из-за земли для строительства частных домов. Горит повсюду. АИ: «доведет нас Империя, неужто Горбачёву не ясно?»

11 июня, пнд. — «Ну, Ладка, у меня сегодня лавинный день!» Его втянуло в «государственную работу», и даже сквозь это многотрудное и прозаическое — выбил фонтан счастья.

Читает огромное количество сегодняшнего российского, самое задевающее пересказывает мне, каждый день обсуждаем.

¹ «Дневник Р-17» — «дневник Романа», сопровождавший работу А.И. над «Красным Колесом»; обычного дневника он не вёл. — Н.С.

14 июня, чтв. — Саня работает буквально весь день — и только совсем поздно, перед сном, «увороывает» — и перечитывает Цветаеву, подряд, — и захлабывается: «Что ж это делается? Первые же десять стихотворений, детских, — замечательны. Вот послал Бог талант!»

22 июня, птн. — Саня прочёл обзор советской прессы о детях в СССР — подавлен. «Что ни день — открывается беда горше вчерашней. Заражена и природа, и, главное, *народ*, — это очищаться будет долго, так долго...»

29 июня, птн. — <...> Сегодня оценил, что первой редакции «госуд. работы» осталось около недели. И я сразу должна (прервав *Невидимки?*) её набрать и «драконить», как Саня называет. А *Невидимок*-то как хорошо бы кончить к сентябрю, чтобы мама отвезла в Москву.

5 июля, чтв. — <...> Открылась встреча НАТО в Лондоне. Президент Буш привёз важные предложения, главное — смена доктрины: ядерное оружие — не мгновенный ответный удар, а «крайний случай». (Татчер справедливо заметила, что от этого ядерное оружие не перестаёт быть ядерным, и потому необходима полная ясность, а это — двусмысленность.) Но всё равно — перемены в воздухе. <...>

Саня считает, что — «мы живем в историческое время; я рад, что дожил до этого поворота: кажется, белые опомнились и перестанут уничтожать друг друга. Если ось противостояния и останется, то изменится: не Запад — Восток, а, условно, Север — Юг».

Днём несколько часов обсуждали дела наши и общие; рассказывал Саня детально о «весах»: почему сейчас время ему выступить с «госуд. работой»; как она питалась из трёх источников: 1) многие годы — думал и читал, делал выписки из «мудрецов», о государстве; 2) «Красное Колесо» — в работе над ним узнал гораздо более того, что туда вошло, охват знаний много шире («Колесо» мне теперь отплачивает»); 3) «перестроечные» события, газеты, журналы, — весь ком нынешних сдвигов.

Сейчас идет 2-я редакция — идёт хорошо, эффективно и с подъёмом.

10 июля, вторник — Саня: «11 июня начал писать всерьёз — завтра, 11 июля, кончаю 2-ю редакцию. Послезавтра отдам тебе». У него ясное чувство, что *сейчас* — время для такой статьи. Обычно чувство времени и — уже — чувство момента у него остры и сильны, так что не приходит и в голову ему с ними спорить; «весь» пишет, думает, взвешивает, — но внутреннее знание (надо или не надо, сейчас или позже) приходит независимо от «весов», и каким-то образом оно убедительнее всего.

15 августа, ср. — Свалился на голову Указ Горбачёва — смутно, неясно, без текста, без имён, одни намёки, — но как будто: возврат гражданства целому (непоименованному) списку лиц, включая «Солженицына и Бродского» (которого никогда гражданства и не лишали).

[**16 августа**] — Выявилась картина — мелкая, позорная: да, отменили Указы о лишении гражданства

23-х лиц, включая АИ (потом оказалось, что и меня); хотели запихнуть АИ в кучу-малу, чтобы «не привлекать внимания к его имени» (сказал какой-то высокий аноним), — вышло, конечно, наоборот. Вылез какой-то ещё Черемных от ВерхСовета — что якобы «у Солженицына были контакты на высоком уровне с сов. властями и он дал предварительное согласие», — лгун бесстыдный. АИ сам не стал и мараться об него, просил меня заявить о лжи. И что о гражданстве говорить можно только после снятия обвинения в «измене родине».

18 августа, сб. — В газетах опубликовано письмо Ивана Силаева, премьера России. Приглашает АИ приехать, быть его личным гостем; словарь — удивительный, так правители не говорили за все 70 лет.

/Вклейка:/ «...Обращаясь с этим письмом к Вам, великому сыну народа русского, я руководствуюсь прежде всего нашей общей любовью к многострадальной российской земле и её народу. Вы в своих произведениях на весь мир произнесли Слово о России, её судьбе в жестоком и беспощадном XX веке. <...> Обновление России, возвращение её к истинным человеческим и духовным ценностям — вот наша цель. Мы знаем, что это — и Ваша цель».

23 августа, чтв. — Ответ АИ Силаеву; с утра передала в Союз через ТАСС (в Нью-Йорке), а также — Комсомолке и Правде (в Нью-Йорке), ЛитГазете и Известиям (через Париж).

/Вклейка:/ «Уважаемый Иван Степанович! Спасибо за приглашение быть Вашим гостем.

Но для меня немыслимо быть гостем или туристом на родной земле — приехал и уехал. Когда я вернусь на родину — то чтобы жить и умереть там. В свой возврат я верил и в самые безнадежные годы.

Болями нашей страны я и живу всегда. И как раз сейчас окончил статью: мои посильные (и сколько мне доступно извне) соображения о нынешнем состоянии страны и возможных и необходимых мерах, как я их понимаю. Вот неизвестно, «найдется ли бумага» в СССР для дешёвого и массового издания этой брошюры...»

24 августа, птн. — Всех обогнав, Комсомолка напечатала письмо АИ. Тираж у них 22 млн., самая тиражная газета в мире. Ничего громыхнули!

[В тот же день] — звонок их главреда (Фролина): премьер Силаев получил через нашу газету письмо АИ — и хочет немедленно отозваться: мы совместно предлагаем напечатать статью АИ, упомянутую в письме, — в Комсомолке, — это будет «и массовое, и дешёвое» издание: 22 млн., по 3 копейки. Я: решение за АИ, но думаю, что его обрадует это предложение. (Ещё бы! Уж как мы обрадовались: ведь всё гадали — как будем печатать, где, кому предлагать? — и вдруг такая трибуна.)

28 августа, вт. — Все эти две недели стоял гвалт от Указа Горбачёва, обрывали телефоны корреспонденты, — и сквозь этот гвалт и напряжение, и обмен письмами с Силаевым, — мы работали по 16 чистых часов, переделывая статью, споря и переписывая це-

лые абзацы, — и ещё изготовили окончательный набор, — молодцы, да и только.

1 сентября, сб. — В Комсомолке на 1-й странице — «Жить не по лжи», — напутствие к учебному году, так сказать. Ну и времена пошли...

5 сентября, ср. — Ещё сквозь эти бури — я непрерывно собирала чемоданы и коробки в Москву, 11-го мама и Митя едут. Из 4-х чемоданов — 3 целиком подарки друзьям (белье, свитеры, обувь). А ещё — 15 коробок багажа: еда, лекарства, канцелярия — для Фонда. Эти все коробки — 150 кг — Стёпа повёз утром в Нью-Йорк — и вечером сдал их вместе с Митей в аэропорту Кеннеди.

9 сентября, воскр. — Убили отца Александра Менья. Утром, по пути на службу. Убийство не бытовое — политическое, нет сомнений.

Саня поражён был известием («Оттого ещё, что так ясно, светло его помню»), спустился в часовню, молился там.

Позже заказали панихиду, служил отец Андрей... Саня вечером вспоминал-рассказывал, как видел о. Александра последний раз: «Был у него в храме на Всенощной, миропомазался. Вышли после службы вместе, пошли к сторожке. Отец Александр оглядывался очень пристально: не следит ли кто. Вошли, сели. Начали разговор — и посреди него отец Александр сказал вдруг: «Сегодня я узнал о смерти отца». После той службы, того вечера — мы уже не виделись до высылки моей. То была — смерть его отца. А теперь вот — его смерть».

11 сентября, вт. — Мама и Митя улетели в Москву. Повезли статью — экземпляры для Комсомолки, Литературки и Димы. Всю ночь накануне — писала письма.

18 сентября, вт. — Статья вышла в Комсомолке и Литературке, общим тиражом — под 30 млн. Как бы её ни встретили, как бы ни ругали автора, — всё равно это победа: статья глубоко пропашет. (АИ: «Ну, девочка, большое дело сделали. И такие клинья я вбил, что легко их не вытащат. Но ты готовь нервы: будет большой хай. (Позже:) Странно, что-то принимаю пока без ругани. Ну — всё, значит, впереди».)

21 сентября, пнтн. — Идёт (совсем нами не предвиденный) газетный бум на Западе. Франция, как всегда, впереди. Но даже Нью-Йорк Таймс, врагиня, напечатала 19-го большие выдержки и статью — где впервые за 16 лет не было ни ругани, ни лжи об АИ, — чудеса. Но в своих выдержках они не привели ни слова из раздела об Украине, а только изложили сами: «призывает создать славянское государство», — так украинцы вскинулись аки львы (чего, впрочем, и ожидал АИ). По Голосу Америки — Роман Шпарлюк, профессор из Чикаго, кроет АИ почем зря, — а АИ хохочет: «Всё как по писаному! Я этот монолог мог заранее за них составить, 90% словесных совпадений».

Слава и Галя [Ростроповичи] позвонили из Вашингтона: «Это — историческое событие, всё сказал, всё влепил — и с какой силой! — обними его, Аля», — прогудела Галя своим неповторимым сопрано.

Дима: в Москве отклик огромный, «от всего сказанного АИ, и от силы его слова — хочется жить, не хочется погибать».

Но и: кто бы ожидал? — сегодня устроили дебаты по статье в Верховном Совете, — ну, Россия, только у нас такое возможно: выступили два украинца и казах с руганью — а вслед Президент Михаил Сергеевич с хитрым (но глупым) пассажем: Солженицын хотя и великий человек, но мне чужды его политические взгляды, он весь в прошлом, монархист, а я — демократ, радикал.

Смех, да и только.

Звонок Фроина (по-московски глубокой ночью): не хочет ли АИ ответить Горбачёву? И как вообще, не обиделся ли? Я отклонила такое «частное» вторжение: АИ семь лет молчал — а теперь вы ждёте: будет каждый второй день выступать?

22 сентября, сб. — Опять Фронин: прямо по просьбе секретариата Горбачёва: «Важно, чтобы Президент и великий писатель сохранили хорошие отношения». Я: о каких отношениях речь? их до сих пор не было. — «Да, но важно на будущее». — Я взорвалась и выдала целую филиппику о правилах критики (сперва прочесть), монархизме, национализме, ярлыках и проч. Бедный Фронин (но в ГБ записали разговор, передадут Горбачу, даже если Фронин сробеет).

10 октября, ср. — Саня в ужасе от положения в стране, читает обильные и свежие вырезки, — но который раз замечаю: когда он в сильной творческой полосе — ничто и никто не повергает его в уныние, в безнадежность, — через все мраки и ужасы ему светит свет, и он верит в спасение. Если бы вера его передалась всем нашим дома, в России, — да как ею заразить? Там перед глазами у всех — болтун Горбачёв, балансирует между Ельциным и Рыжковым, это его лучшая среда обитания, — а реформы опять отложили, а страна расплатится за его танцы на одном месте — жестоко.

12 октября, пнтн. — <...> Вчера звонил Афанасьев из «Комсомолки»: благодарил за подписанные книжки (ему и Фронину, только что получили — Силаев сам приехал в газету и передал). Об откликах — письмах в газету (на статью АИ) говорит: русские — почти 100%-но поддерживают; украинцы и казахи — против; другие республики писем не пишут (мол, отпускаете, нет ли, — нам до вас и дела нет).

22 октября, пнд. — <...> Из письма Никиты [Струве; по возвращении из Москвы в Париж]: Лидию Корнеевну особенно 1-я часть «Как обустроить...» пронзила, несколько раз повторила — «гений». И её собственное письмо подтверждает как будто эту оценку (без таких радикальных выражений, конечно). И — многим 1-я часть кажется удачей... она всех и зацепила, — но обсуждение, приходится признать, прикрыли, или стараются прикрыть.

24 октября, среда — <...> «Комсомолка» напечатала гнуснейшую статью Эд. Лимонова (!), с плевыми в Сахарова и Солженицына, вкупе со всеми «новыми лидерами», — угодливую к нынешней власти — до ощущения, что он так и остался сабвейской прости-

туткой. Значит — не только цыкнули на газету, чтоб не смела дискуссия разворачивать, но и указывают горбачёвские референты — что именно напечатать *надо*. Это натурально, впрочем: если сидишь в партийном здании, получаешь государств. зарплату, печатаешь газету на госуд. бумаге, — то должен быть потолок над твоей гласностью.

9 ноября, птн. — <...> Сойфер: принёс со своих ученых конгрессов отзывы академической верхушки на «Как обустроить...» (Сагдеев, Спириин), — мол, отношение к АИ в их кругах изменилось, то «презирали», а теперь «высоко оценивают», «работа — по существу, научная, будет иметь большие следствия», — ну, утешили, отцы просвещения, спасибо. Что бы вам на 20 лет пораньше «высоко оценить» — может, меньше пришлось бы теперь обустраивать.

27 ноября, вт. — <...> Что-то случилось в Датском Королевстве: «трубадуры перестройки» развернулись против шефа — и как по команде начали его поклёвывать; и одновременно переступили «табу» (его же, конечно, горбачёвское) на Солженицына и хором принялись обсуждать «Как обустроить...», как ни в чём не бывало, — будто не было этих 2-х месяцев полного замалчивания. «Комсомолка» напечатала большую подборку читательских писем (мне показались они довольно убогого уровня, но Саня не согласен, ему нравится и состав писем, то бишь как подобраны, и что в них). «Огонёк» — беседу с Ципко (критика Горбачёва, но половина статьи — о Солженицыне). Бьюсь об заклад — завтра, в среду, «Литературка» тоже оскоромится.

В чём дело? Испугались, что Горбачёв заворачивает «вправо»? Единится с КГБ (но он с ними и всегда был един), и с армией (это ему хуже удаётся).

28 декабря, птн. — <...> Ночью и утром — шёл снег, напало много, но — лёгкий, пушистый, можно было за ворота выехать и без чистки. Отправила кучу писем (остаток рождественских плюс деловые). <...> В присланных вырезках газетных попала статья из надутого «Коммерсанта», с попыткой «политического анализа» выступления Солженицына. Боже — что за жалкий уровень, и в прямой пропорции с самоуверенностью опытного раскидывателя пасьянса. Ни обзора, ни высоты — как курица в круге. («Письмо вождям» было адресовано, оказывается, Брежневу, Суслову, Андропову, а это — Горбачёву... «Письмо вождям» было адресовано — *следующим за Брежневым*, и они его явно изучили, да только не в глубине; это письмо — тоже не Горбачёву, и не Ельцину с Силаевым, — а *следующим за ними*, кто ещё не явился пред очи «Коммерсанта». Но эти будущие, надо надеяться, изучают его сейчас, с умом и зрением дальним, не как наши новые пузаны.)

Сегодня в Комсомолке — 2-я подборка писем о «Как обустроить...», — но теперь — мы не скоро её получим...

30 декабря, воскр. — Ермоше — 20 лет. Умён, хорош собой, здоров, — дай ему Господь счастья и чтоб он сумел послужить России. С романтическим сердцем и дисциплинированным умом можно оказаться очень на месте в стране, разрушенной до самых основ жизни. Пили за Ермошу весь праздничный обед.

[Отец подарил ему «Как нам обустроить...», отпечатанную брошюрой в парижской ИМКА-пресс, — с надписью:

«Сыну моему Ермолаю в день его 20-летия, на переходе во взрослость. О нашем трудном будущем ещё думать и думать всем вам.

30 дек. 1990».]

Роднянская Ирина Бенционовна

Я — литератор, и, конечно, моя компетенция намного ниже значительной части сидящих в этом зале. Но вышло так, что сначала, на Солженицынской декабрьской конференции, на эту тему говорила Рената Александровна, а потом я — в надежде, что будет такого рода обсуждение, — написала некоторые тезисообразные пункты, излагая с некими комментариями остова этой работы Александра Исаевича. Поэтому я дерзну выступить вслед за Натальей Дмитриевной, просто чтобы напомнить некоторые вещи тем, кто не успел перечитать статью. Как мне кажется, это облегчит дальнейший ход дискуссии.

Появившиеся в 1990 году «посильные соображения» Александра Исаевича Солженицына не только не были приняты к сведению в практическом плане. Они даже не были всерьёз обсуждены и обдуманы. После краткого ажиотажа, о котором нам поведала сейчас Наталья Дмитриевна, всё стихло и забылось. А дальнейшее в стране совершалось словно бы в нарочитую противоположность тому, что советовал Солженицын.



Ирина Бенционовна Роднянская

Он предлагал не ностальгировать по советской «империи», уже непосильной народу, а заняться ду-

ховным и телесным его, народа, спасением. Между тем, со временем исчезновение СССР было почти на официальном уровне объявлено не неизбежно-спасительным актом, а величайшей катастрофой и/или «сговором трёх мужиков в Беловежской Пуще».

Он, предсказав распад СССР ещё до всякого Беловежья и указав на относительную благоприятность такого исхода для России, предупреждал о необходимости *постепенной* разметки границ между новообразованными государствами и пересмотра административных делений, произвольно проведённых на карте коммунистическими властями. И он уже предвидел нужду в чётких гарантиях прав меньшинств в новых государствах — как условие «развода». Совершили же всё второпях, согласившись на прежние произвольные границы и потеряв обширные российские земли, а о гарантиях для русских меньшинств не подумали вовсе.

Он (в другом месте) замечал, что Россия, в отличие от Соединенных Штатов, исторически не слагалась как *федеративный* договор отдельных государственных образований, и в соображениях 1990 года предлагал назвать новое государство — Российским Союзом. Назвали — РФ, «Эрефией», то есть федерацией Бог весть чего.

Он ратовал за вполне реальное численное сокращение бюрократии в освободившемся от окраин Российском Союзе («При новом порядке жизни 4/5 министерств и комитетов не станут нужны»). А теперешняя Россия обгоняет Советский Союз по количеству чиновников и дублирует управляющие инстанции (администрация президента и правительство, как прежде — подразделения Политбюро и соответственные министерства).

Он убеждал «не состраивать теперь для позорной преемственности новую РКП» (нынешнюю КПРФ), не принимать «всю кровь и грязь на русское имя». Не только «сстроили» под приветственные клики либеральных борцов против «охоты на ведьм», но и превратили в «левую» альтернативу существующему ныне режиму, в перспективе не менее опасную, чем он сам.

Он писал, что частная собственность на землю крестьянских хозяйств должна обеспечиваться необходимой инфраструктурой («свободный рынок, доступный транспорт, кредит, ремонт техники»), опасаясь при этом спекулятивной скупки земли и монопольного владения огромными угодьями. Всё было сделано ровно наоборот, и частнособственнической, фермерской России ныне фактически не существует, брошенные земли пустеют, а отдельные латифундии обрабатываются завезённой извне рабочей силой.

Он прокламировал свободу хозяйственного и культурного дыхания для провинции (в ногу с «сильным и всё растущим по весу самоуправлением») — взамен была выстроена жёстко централизованная пресловутая «вертикаль власти», которую пока лишь на словах призывают восполнить местными «горизонталями».

Он говорил, что устойчивое общество может быть достигнуто не на «равенстве сопротивлений» (на нынешнем языке: баланс интересов, «система сдержек

и противовесов»), но на сознательном самоограничении во имя нравственной справедливости. У нас же все силы ушли на поиски этих «сдержек и противовесов», пока не остались одни только сдержки и пока общество не стало судорожно искать противовес им на путях митинговой оппозиции.

Не прислушавшись ни к одной из рекомендаций и ни к одному из предостережений, мы оказались отброшены назад, ко времени, когда эти рекомендации и предостережения были впервые нам представлены, — но отброшены в худшем состоянии, духовном и гражданском, чем двадцать с лишним лет тому.

Хотим ли мы того или нет, но объективно мы сейчас стоим перед вопросом: «Как нам *переустроить* Россию?» И это дает настоящий повод перечитать труд Солженицына — не только вдохновенного пророка, но и трезвого *прогнозиста* — свежими, сегодняшними глазами.

В связи со сказанным решаюсь предложить для конкретного обсуждения следующие положения Александра Исаевича Солженицына.

1. «Государственное устройство второстепеннее самого воздуха человеческих отношений», — сразу упреждает нас Солженицын, и это особая тема (которая, надеюсь, ещё будет поднята). Однако, говорит он, «пришёл крайний час искать более высокие формы государственности», чем те, которые мы до сих пор пытались копировать с западных образцов. «Изначальная европейская демократия была напитана чувством христианской ответственности, самодисциплины. Однако постепенно эти духовные основы выветриваются, [пригибаются] диктатурой <...> групповых интересов. Мы входим в демократию не в самую здоровую её пору». В этих обстоятельствах российской демократии надо искать «свой путь».

2. Чтобы «не повторить хаос исторического Февраля», «государству, если мы не жаждем революции, неизбежно надо быть плавно-преемственным и устойчивым. Уже созданный статут потенциально сильной президентской власти нам ещё на немалые годы окажется полезным. Что-то в нынешнем государственном строе приходится пока принять просто потому, что оно уже существует». И автор предлагает не ломать, а — удивительное слово! — «*пересоставлять*» государственный организм. Устарели ли эти советы в сегодняшних условиях? Мнения могут резко разделиться. От себя смею заметить, что сегодня я уже не так уверена в пользе сохранения института президентства в том его виде, как он оформлен Конституцией 1993 года. Конституционная монархия в сочетании с парламентом, формирующим правительство, была бы наилучшим для страны, но пока, к сожалению, чисто теоретическим планом переустройства.

3. «Что значит «пересоставлять»? Ответ автора: «Наш путь к выздоровлению — *с низов*» (а не с демонтажа всего государственного строя) — «терпеливо и настойчиво расширять права местной жизни». Солженицын эскизно описывает «порядок построения институтов свободы *снизу*» при временном сохранении «центральной власти в тех формальных чертах,

как она уже существует». Он называет этот принцип «демократией малых пространств» в её отличие от «централизованной демократии», достигаемой посредством знаменитой «четырёххвостки» — всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права. Эта смелая постановка вопроса не может не стать остро дискуссионной, но её невозможно обойти, ибо в условиях почти повсеместного кризиса демократических процедур она уже не выглядит утопической.

«Парламент не может быть отвлечённо центральным», — считает Солженицын; высший законодательный орган должен формироваться путём многостепенного делегирования представителей с мест. Фактически это близко к идее «съезда советов», подмятой под себя и опороченной коммунистами. Но без них-то мы ведь ещё не пробовали?

Что касается расширения прав местного самоуправления (а вернее, реального возврата к нему), то мне, как и многим, кажется, что следует добавить сюда принцип выборности и (при определённых обстоятельствах) сменяемости судей и «шерифов». Солженицын, справедливо критикуя юридизм западных демократий, недостаточно внимания, на мой взгляд, уделяет независимому суду, который мы сегодня совершенно утратили и оздоровление которого тоже можно начинать *снизу*. Стоит учесть, что старт «с мест», с муниципальных образований, не только совершенно легитимен в рамках существующей системы, но и поставлен (конечно, на словах) высшими государственными лицами в повестку дня. От общества требуется обеспечить и проконтролировать неподдельность такого переустройства.

4. Важнейший — и совершенно проигнорированный на всех участках нашего политического спектра — момент «поисковых соображений»: «Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям». Избирательная система на каждом её этапе — от уезда и выше — строится на выдвижении *личностей*, а не представителей партий и не на партийных списках. «На всех ступенях государственного представительства <...> воспрещается образование партийных групп. И, само собой, перестаёт существовать понятие “правящей партии”».

Здесь автор дальше всего отходит от той системы политического устройства, которое мы чуть ли не поголовно и автоматически привыкли отождествлять с «демократией». Между тем Солженицын, следуя С. А. Левицкому, подчёркивает, что дух демократии заключается в уважении к человеческой личности и в наличии правового государства, а прочие исторические её черты — вторичны и факультативны. Наш почти четвертьвековой опыт фальшивой многопартийности и сколачивания «правящей партии» из корпорации высших чиновников, топ-менеджеров и их обслуги уже мог бы убедить нас в справедливости солженицынских оценок.

На Западе прагматика многопартийности (на деле — двухпартийности, при коалиционной игре с «добавочными» малыми партиями) держится пока на

том, что избиратели имеют какие-то основания отождествлять свои интересы с той или другой из этих двух партий: по сути — неоконсервативной и социалистической, как бы они ни именовались в разных странах. Двухчастный цикл их попеременного прихода к власти строится так: сначала страна богатеет при усилении экономической свободы, но одновременно и экономического неравенства, а потом недовольные последним избиратели вручают власть тем, кто потрясает накопленный жирок, раздавая социальные выплаты (сегодняшняя Франция); следующий засим застой в экономике побуждает население снова обратиться к другой стороне двухпартийного расклада. (Возможно, мировая рецессия уже произвела необратимый сбой в этом механизме.)

Но для нашей ситуации заявление Солженицына: «интересы партий <...> вовсе не тождественны с интересами избирателей» — более чем справедливо. У нас никто не вникает в программы существующих партий (не слишком отличные одна от другой), никто не отождествляет с какой-либо из них даже свой «шкурный» интерес, не говоря уже о высоких идеалах, и голосование мотивировано либо довольно-таки жалкой харизмой медийных политических лиц, либо протестом против тех, кто уже дорвался до власти. Непродуктивность формирования власти на партийных началах за эти годы блистательно подтвердила прогнозы Солженицына. Это не значит, что, по его мысли, партии как добровольные политические объединения должны быть воспрещены; просто они не могут быть основой властного устройства.

5. Поэтому автор «поисковых соображений» предполагает, как уже говорилось, многостепенную «земскую» (территориальную) систему выдвижения народных представителей на основании их личной репутации — систему, ведущую в три-четыре ступени к образованию Всеземского собрания (то есть парламента). Возможно, автор преувеличивает эффект тесного «соседского» знакомства избирателей с их выдвиженцами, что легко счесть естественным для деревень, посёлков и малых городов, но в той России, которую уже можно назвать урбанизированной, сетевые, виртуальные способы близкого ознакомления с личностями кандидатов могут преобладать над «соседскими» *вживую*. Однако сути дела это не меняет: принцип «земского» голосования за личность, укоренённую на территории данного уровня и там проявившую себя с достойной стороны, может оставаться в силе.

6. Этот способ формирования парламента Солженицын дополняет параллельной процедурой: для краткости назовем её сословно-цеховой. Автор отводит структуре, избираемой по этому принципу, роль «Думы» с совещательным голосом — как верховной моральной инстанции. Однако представляется, что совещательные функции, как правило, оказываются недостаточно весомыми (это видно и на примере нашей Общественной палаты, которая, не являясь совсем уж пустым симулякром, всё же мало что значит).

Представители «сословий» и «цехов» (фермеры, промышленники, военные, академические учёные,

юристы, члены художественных союзов, держатели малого и среднего бизнеса и проч.) могли бы иметь свою квоту выдвиженцев в парламент наряду с «земской» квотой. Их присутствие укрепило бы профессионализм парламента. (Уже имелся соответствующий краткий опыт, когда Горбачёв, желая получить на выборах Съезда Советов солидную квоту от КПСС, разрешил выдвижение и от других организаций, например от Академии наук. Тогда депутатами, с пользой для дела, стали Лихачёв, Аверинцев и др. — те, кто по партийным спискам, естественно, никуда бы не прошли, да и по земскому принципу, быть может, тоже.)

7. Президент, как предложено Солженицыным, выбирается всенародно, после выдвижения нескольких кандидатур на этот пост Всеземским собранием, «без изумительной предвыборной кампании» — и на-

значает профессионально компетентный Совет министров. Всенародное голосование возможно также при возникающей в редких случаях необходимости плебисцита (референдума), и никаких других поводов прибегать к такому голосованию нет. Тем самым автор «посильных соображений» предлагает свести к нулю современные предвыборные «шоу» как знакомый по опыту способ циничного манипулирования волей электората.

Последняя главка солженицынских соображений называется «Давайте искать». Сейчас, когда, ввиду затянувшегося — и, возможно, надолго — кризиса власти и назревающего конституционного кризиса, открылся некий люфт не только для протестных выступлений, но и для общественного и политического творчества, хочется повторить эти слова: «Давайте искать!»

Сараскина Людмила Ивановна

Уважаемые коллеги, для нашего сегодняшнего круглого стола, может быть, не лишним будет вспомнить, что размышления Александра Исаевича на тему «Как нам обустроить Россию?» возникли не тогда, когда они стали публично известны, то есть не тогда, когда он сказал: «Бирнамский лес пошёл», а тогда, когда этот лес стоял ещё мощно и нерушимо, то есть двадцатью пятью годами раньше. Есть один документ, добытый, как говорят спецслужбы, оперативным путём. Известно, и это уже восемнадцать лет как опубликовано, что летом 1965 года у физика Н. И. Кобозева, друга Александра Исаевича, которого он часто навещал и с которым был весьма откровенен, была установлена прослушка, о которой Александр Исаевич ничего тогда не знал. Хотя он предполагал, что «под потолком» бывают прослушки, и старался быть осторожным, но именно об этой прослушке он в то время так и не узнал и только по возвращении из изгнания смог прочесть опубликованную расшифровку магнитофонной плёнки.

Итак, летом 1965 года прослушка была произведена, и крамольная плёнка поступила на службу в органы госбезопасности. В сентябре 1965 года был захвачен архив у В. Л. Теуша, который включал много разных текстов, это тоже многим известно, я не буду перечислять. И всё это вкупе — и прослушка, и архив — было тщательно проанализировано в спецслужбах, и тогдашний председатель КГБ В. Е. Семичастный пишет 5 октября 1965 года информационную записку в ЦК КПСС «О настроениях писателя Солженицына». Причём о захваченном архиве и о тех текстах, которые в нем имелись, ЦК и КГБ могли говорить открыто — и этой информацией широко пользовались. Например, захваченная пьеса «Пир Победителей» специально навязывалась многим писателям для чтения, чтобы компрометировать автора. Однако сведениями из оперативно добытой прослушки спецслужбы не могли открыто манипулировать, ибо скрывали, что



Людмила Ивановна Сараскина (в центре)

практика прослушек имеет место: говорить публично, что имеется прослушка, из которой ясно то-то и то-то, было невозможно. Тем не менее, совершенно очевидно, что те самые «настроения Солженицына», о которых шла речь в магнитофонной записи, всегда ими учитывались. Оперативное преимущество было у КГБ: в своих тактических действиях Солженицын, не знавший о пленке, исходил из того, что гэбэшники не догадываются о его планах, а они догадывались и его тактикой не обманывались. Кроме того, особо доверенным персонам, например К. Федину, возглавлявшему СП СССР, они наверняка давали точные сведения об истинных настроениях Солженицына.

Мне кажется, не только в связи с захваченными текстами, но и в связи с имевшейся в КГБ пленкой Семичастный, уже будучи отставным генералом, скажет, что писателя Александра Солженицына следует отнести к самой серьёзной категории противников советского режима. В эту формулу входит, в частности, и то,

что Александр Исаевич откровенно говорит на плёнке, в частности, о Ленине, о советском правительстве, о своей литературной тактике. Но там, на плёнке, есть фрагменты его высказываний и о будущем Советского Союза. Казалось бы, в 1965 году говорить о том, что Советский Союз распадется, было немислимо, невозможно. И я могу себе представить, как воспринимали те, кто прослушивал эту плёнку, кто её расшифровывал и делал из неё текст, как они это все могли читать! Вот этот фрагмент, с вашего позволения, я прочитаю его. «Высказывая мнение по национальному вопросу, Солженицын заявил: “Меня поражает, что либеральные русские люди не понимают, что надо расставаться с республиками, не понимают, что надо смотреть сознательно”, — и далее — “Либеральные люди. Я им говорю, что Украина — всё, должно отойти. ‘Нет, нет’. Ну, Украина — спорный вопрос. О правобережной, безусловно, разговаривать даже не о чем, пусть идет. А в левобережной по областям надо делать плебисцит и разделить по количеству населения. Но какой разговор — Закавказье, Прибалтика! В первый же день хотите — кто куда хочет, ради Бога! Только решите вопрос по финансовым расчётам. Что нам предстоит? Это будет ужас, если начнется развал у нас на Западе, да еще совместится с центральным! Я вообще не знаю, что будет. Полный развал. Интересно, что армяне, как и грузины... Это республика, которая подвергается такому жестокому контролю, как и многие другие. Допустим, как Прибалтика или Украина. А вместе с тем она достаточно самобытна и может избрать полурумынский путь. У армян есть течения, желание освободиться, как у румын”».

Хочу попутно сделать ещё одно замечание. Я сравнивала реальные тексты Солженицына, которые можно прочитать в их опубликованном, финальном виде, с тем, как они воспроизводились в документах ЦК. (Это всё дается подробно под рубрикой «совершенно секретно», иногда бывает просто анекдотично: уже во всём мире печатаются его произведения, и весь мир их читает, а у нас Андропов, который на посту председателя КГБ сместил Семичастного, докладывает в ЦК о содержании, допустим, «Архипелага ГУЛАГ» в формате «совершенно секретно». Сегодня это выглядит очень смешно.) Так вот, я хочу сказать, что всегда почти изложение выступлений Солженицына по сравнению с тем, как они реально существуют, смещается. Почему это они делали? Я не могу понять. То ли им самим было как-то не по себе, то ли они ёжились. Я несколько мест таких нашла, когда в материалах По-

литбюро или КГБ цитируется что-то из Солженицына и, как правило, цензурируются, выбрасываются самые острые и самые неприятные места. Это они делали не для читателей, не для публики, это они делали для себя, они друг друга так информировали. Допустим, отдел культуры ЦК направляет некий документ Брежневу и для Брежнева делает какие-то купюры, чтобы Брежнев не испугался. Причём там же написано: «Читать вкруговую». Значит, они сами от себя скрывали какие-то вещи. Совсем недавно я обнаружила одну смешную деталь. Наталья Дмитриевна, на днях я попросила у вас Послесловие к первому изданию «Августа Четырнадцатого», которое вышло в Париже в 1971 году. Я читала это Послесловие в изложении от Андропова — как он относится к только что напечатанному в Париже «Августу Четырнадцатого». Он цитирует текст, а я чувствую, что он что-то не договорил, что-то изъяс. Я взяла текст — точно, выбросил целую фразу, самую острую. У Солженицына в Послесловии сказано: «И верующие и неверующие согласятся, что когда Областное Управление Заготовок пишется с больших, а КГБ или ЗАГС — из одних больших, то для понятия, обозначающего высшую творческую силу Вселенной, можно было бы отпустить одну большую букву». Вот эту фразу КГБ убрало. Андропов направляет Брежневу секретный документ и выбрасывает из цитируемого фрагмента целый кусок. Я думаю, что и в расшифровке прослушки, по аналогии, могли содержаться более резкие вещи, более определённые и неудобные. Тут полно многоточий, быть может, какие-то слова даже им было трудно переварить.

Я не знаю, насколько это поможет нашему обсуждению. Ведь получается, что размышления Александра Исаевича о развале СССР родились не в 1990 году и не в 1987-м, а гораздо раньше — в 1965-м, когда Советский Союз стоял нерушимо. Но Солженицын думал об этом ещё тогда. Нужно ли нам это учитывать или не нужно, я не знаю, это мы все можем обсудить.

Цурганов. — Если я правильно понял, то Семичастный использовал слово *режим* применительно к советскому государству?

Сараскина. — Я цитирую: «Писателя Александра Солженицына следует отнести к самой серьезной категории врагов *режима*». Иногда он пишет: «советского режима», «советской власти», «советского строя» — это у него были синонимы. Режим, строй, государство, власть — это у него было взаимозаменяемо и особых стилистических оттенков не имело.

Цурганов. — Спасибо. Любопытно весьма!

Краснов Михаил Александрович

Вообще-то я выступать не собирался, пришёл послушать. И услышал, кстати, потрясающие вещи, о которых Наталья Дмитриевна говорила. Говорила она, в том числе, и о том, что в критических статьях обозначается довольно пошлым термином «творческая лаборатория». Но неважно, как назвать. Для меня это

было очень важно и очень поучительно. Поучительно — что человек пишет лишь о том, что у него «болит», т.е. такого рода работы не пекутся, они выстрадываются.

И вот удивительное совпадение: в 2010 году я опубликовал в журнале «Общественные науки и совре-

менность» статью под названием «Солженицынская парадигма государственности, или 20 лет спустя». Я ухватился в той статье-брошюре Солженицына только за одну тему, которой тоже болею. У Александра Исаевича она проходит как «одна из», а я её выделил — это тема местного самоуправления, точнее, значения того уровня, где живут люди. Я считаю (наивно, наверное), что всю русскую государственность нужно строить снизу. Во всех смыслах, в том числе в символическом. У меня такой образ возникает: начинать строить новое государство надо было (хотя никогда не поздно) не с ремонта кремлёвских дворцов, а с устранения совершенно позорных последствий советской жизни в виде бараков, в которых до сих пор живут люди. Я думаю, что деньги, которые ушли, уходят и уйдут на все эти помпезные имперские затеи в виде моста на остров Русский на Дальнем Востоке, Сочинской олимпиады, чемпионата мира по футболу и т.д., должны были уйти на этот уровень, где живут люди.

Хотел бы откликнуться на то, что ещё есть в этой брошюре, — некая нелюбовь Александра Исаевича к партиям. Вообще сейчас в ходу идея, что партии себя изжили, что наступает время непартийной политики. Если рассуждать абстрактно, я бы согласился. Особенно наблюдая за тем, какие у нас партии. Но если встать на реалистичную почву, то я не знаю, как можно выстроить политическую систему в рамках демократии без партий. Я не верю в выборы порядочных людей. Я верю, что порядочные люди есть, и в достаточном количестве. Но не верю, что путём выборов их можно «отсепарировать». Кстати, ещё И.А. Ильин говорил о внепартийном отборе элиты. Он поэтому отстаивал идею не демократии, а аристократии, но аристократии не крови, а духа. И у него есть даже план, как — тоже ступенчато — избирать лучших. Но как раз в это я и не верю. Сами подумайте: у нас псевдопартии, т.е. скорее клубы какие-то, их и партиями даже нельзя назвать. Но это естественно — потому что нет политической конкуренции. А её нет, поскольку у нас так устроена система власти. Я это доказываю уже двенадцать лет. Собственно говоря, во многом партии и разлагаются именно поэтому. Но сейчас я хочу сказать не об этом, а о том, что люди у нас и не верят в партии, и выбирают по большей части не по партийным признакам. Но кого выбирают — посмотрите! Я никогда не поддерживал Путина, но могу понять, почему первым делом он стал зажимать региональную элиту. Вспомните, каких мы подчас имели губернаторов, мэров — криминальных авторитетов или, по крайней мере, связанных с ними. Так что не работает, к сожалению, модель выборов «просто честных людей».

Я недавно прочитал материалы очень интересного исследования: как русские и французские студенты престижных вузов представляют себе образ «идеального президента». Обнаружились поразительные вещи. В глазах наших элитных студентов это жёсткий человек, который должен держать Россию в ежовых рукавицах. (*Реплика из зала: «Достали.»*) Совершенно верно, я про это и говорю; я говорю про наши мозги. (*Реплика из зала: «А у французоз?»*) У французоз главные качества: президент-патриот,



Михаил Александрович Краснов

президент-дипломат, т.е. умеющий строить отношения на международной арене, а также президент умный, образованный. К тому же глубинные интервью выявили, что в России и во Франции по-разному понимают патриотизм, ум, образованность, дипломатичность и т.д.

Теперь отрывочно обращаюсь к одной теме — к теме монархии. Вообще самая устойчивая демократия — в конституционных монархиях. И я до сих пор остаюсь её сторонником. В 2000 году в «Независимой» опубликовал большую статью «Конституционная монархия спасёт демократию в России». Но стали задавать вопрос: а кто будет у нас монархом? Да, это трагедия наша. Я не разбираюсь досконально, но знаю, что среди Романовых не всё ладно. К сожалению, нет определённого легитимного наследника, потому что прервали, обрезали эти нити. (*Реплика из зала: «Земский Собор.»*) Земский Собор — да, я, кстати, тоже думал об этом и в статье об этом писал. Но кто-то здесь сказал — может быть, Наталья Дмитриевна сказала, — что в России немонархическое сознание, т.е. оно скорее вождистское, царцентристское, но не монархическое в высоком смысле этого слова. То есть мы готовы жить с диктатором — вот вам мнение студентов, — с царьком, с наполеончиком, но не готовы жить с легитимным монархом. Вытравили это из нас, одни учебники истории чего стоят. Монархия в общественном сознании — это что-то тёмное, что-то страшное. К сожалению, в конце восьмидесятых не было выдвинуто лозунга восстановления конституционной монархии в России. Хотя трудно сказать, много ли народу за ним пошло бы. Вот интересная иллюстрация. Юрий Батуринов — помощник Б.Н. Ельцина — пригласил меня в 1993 году работать у него в аппарате. В сентябре 1993-го я подготовил проект записки: мол, стоит подумать о переходе к конституционной монархии. К моему удивлению, и Батуринов направил её Ельцину, и сам Борис Николаевич ответил вовсе не отрицательно. Он лишь написал что-то вроде: «Россия сейчас этого не выдержит». Что он имел в виду, сказать сложно. Но меня, помню, тогда обнадёжило, что сама

по себе идея восстановления конституционной монархии отнюдь не чужда первому президенту.

Но я, наверное, ушёл уже в другую тему. Спасибо.

Солженицына. — Два слова по поводу соображений Александра Исаевича о том, что партии себя изжили. Это, конечно, самое слабое место, потому что — изжили, а что взамен? Но все-таки он не предлагал взамен избирать «просто честных людей»; он совсем не это говорил. Он предлагал заменить партии — в старых терминах — сословными группами, группами по интересам, профессиональными объединениями (не профсоюзами). Такие объединения, во-первых, очень естественны для людей, а во-вторых, они делают работу главы правительства осмысленной. Потому что эта работа (по координированию и распределению ресурсов страны между её хозяйствующими ветвями — не субъектами, а ветвями) приобретает сразу строи-

тельный смысл. Насколько это осуществимо — другой вопрос; мы с Александром Исаевичем это очень много обсуждали.

И насчет монархизма. Александр Исаевич считал, что даже если монархия лучше прочих форм правления, она совершенно нереальна в современной России, да и ни в какой стране, где большинство населения не верит в помазанность того индивидуума, который занимает трон. Без веры, что монарх, наследник, династия помазаны Богом на царство, монархия существовать не может. А такой веры в России при нашей с вами жизни мы не увидим. Вытравили её, не вытравили — это вопрос; я не знаю, верило ли в это раньше большинство русских людей. Но в любом случае, без веры в благословенность монарха все разговоры о монархии превращаются в политические игры сомнительного свойства.

Иванов Святослав Павлович

Я на полях статьи «Как нам обустроить Россию?» набросал свои заметки и назвал их «Солженицын как национальный лидер».

Как же нам обустроить Россию? Интересно, кто бы взялся сегодня предугадать, когда для нашей страны этот вопрос перестанет быть актуальным? Одно ясно: в десятилетия мы не уложимся. Вот почему эту статью Солженицына и сегодня нельзя читать без внутреннего волнения, без ощущения какой-то обречённости и бессилия. Именно бессилия от осознания того обстоятельства, что в России все умозрения зачастую оказываются бесполезными. И надо сказать, что явно слышимая острая тревога автора за Россию — это наиболее актуальная часть статьи. Этой тревоге созвучен алармизм и большинства нынешних неангажированных аналитиков, слегка заглушённый «сурковской пропагандой». И сегодня наша тревога имеет ещё большие основания. Так, в начале своей статьи Солженицын упоминает «наши ранние смерти». А ведь согласно докладу ВОЗ, в России 1990-х ситуация в этом отношении была даже чуть лучше, чем в 2000-х. В 1990-м ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 63 года, а в 2000-м — 58 лет; продолжительность жизни женщин в 1990-м достигла 74 лет, а в 2000-м снизилась на два года. По сути, в 2009 году Россия смогла просто вернуться к показателям девяностых, и никакого демографического бума не произошло.

Восклицание Александра Исаевича, что, несмотря ни на что, для русского человека нет ничего важнее и «первей нашей национальной гордости», на мой взгляд, требует отдельного комментария. В начале статьи автор написал буквально следующее: «Таков человек: ничто нас не убедит, что наш голод, нищета, ранние смерти, вырождение детей — что какая-то из этих бед первой нашей национальной гордости!» До 1990 года нашего человека действительно воодушевляло чувство причастности к повороту мировой



Святослав Павлович Иванов

истории, в котором его страна играла заглавную роль. Так воспитанная коммунистами «гордость советского человека» трансформировалась в перестроечный пафос. Казалось, не только Советский Союз, но и мир стоит перед возможностью более справедливого — как внутреннего, так и международного — устройства. Солженицын пишет: поскольку национальная гордость «первей», то он вынужден «начинать не со сверлящих язв», «но с ответа: как будет с нациями?» Однако вынужден, я думаю, главным образом потому, что к тому времени некогда братские народы один за другим стали вываливаться из, по выражению Розанова, «тёплого рукава» империи. Напомним: 15 января 1990 года в Нагорный Карабах были введены войска; 18 января Азербайджан объявил войну Армении; 19 января, во время ввода войск в Баку, погибло 125 человек. В начале марта объявила о независимости Литва, и туда вошли советские танки; 23 марта Эстония приостановила действие на своей территории

Конституции СССР. Присягнувший на ней в качестве президента СССР Горбачёв уже выглядел фигурой весьма условной. Тем более что вскоре, 6 июня, российский парламент голосует за приоритет российских законов над всесоюзным законодательством. А 12 июня РСФСР официально провозглашается суверенным государством.

Статья была закончена в июле 1990 года. А 14 августа президент СССР Горбачев издаёт указ о реабилитации жертв сталинских репрессий и о возвращении гражданства высланным из страны диссидентам, включая Солженицына. «Как нам обустроить Россию?» была опубликована в «Комсомольской правде» 18 сентября.

Надо отдать должное Александру Исаевичу: в то время никто не дал себе труда — да и не смог бы в этом воистину обвале и «на последнем докате» — высказаться столь широко и столь подробно по всем аспектам строительства новой России. Пожалуй, никакие тезисы статьи, кроме тезисов по национальному вопросу, не устарели. Многие и сегодня воспринимаются как задание на завтра. Потому что по большому счёту ни одна из затронутых автором проблем не решена до конца.

Конечно, обращение Солженицына в 1990 году прежде всего к национальному вопросу было продиктовано не тем, что этот вопрос, по его мнению, для массового сознания был «первей». На самом деле большинство населения и в то время в первую очередь было озабочено хлебом насущным. Но Солженицын сознательно обострил этот вопрос, поставил его на первое место, потому что видел и чувствовал: развал Союза болезненно отзывается в сердцах русских людей, гордящихся широтой страны. В отличие от других национальных образований РСФСР была единственной республикой, где национальные силы как таковые не оказывали никакого влияния на политическое руководство. Русские, будучи цементом, скрепляющим громадную постройку Советского Союза, оказались самыми бездомными и неприкаянными при крушении красной империи. Ностальгия по большой стране, чувство тревоги за соотечественников, оставшихся за пределами РСФСР, агрессивная русофобия в бывших братских республиках — всё это дезориентировало русских людей, в большинстве своём истовых интернационалистов, воспитанных в «дружбе народов».

Солженицын первым ясно и внятно сказал: Союз всё равно развалится! На его удержание у русских не хватит ни сил, ни ресурсов! Спасайте Россию! Эта главная его мысль многих вывела тогда из имперского ступора и открыла возможность движения в сторону национальной России. Почему мы до сих пор не перешли — всерьёз и надолго — именно к этой повестке дня, к построению именно национальной России, вопрос отдельный. И ответ на него мы находим опять-таки у Солженицына. Своим заклинанием «Нет у нас сил на империю!» он, по сути, подтолкнул тогдашнее ельцинское руководство к сдаче всех позиций, к безоглядному бегству в искусственные границы РСФСР, где русские до сих пор остаются тем же скрепляющим цементом. Почему, обозначив Казахстан как территорию, кото-

рая состоит наполовину из Южной Сибири и Южного Урала и населена больше чем наполовину русскими, Солженицын не поставил ясный и четкий вопрос о разделе этой республики? Упомянув собственно казахскую часть областей Казахстана, автор прекраснодушно заявил: «И коли в этом охвате они захотят отделиться — то и с Богом». Александр Исаевич явно недооценил этнократические силы в республиках, которые, при попустительстве либеральной российской власти и при отсутствии собственно русского национального движения, забрали себе то, что им никогда не принадлежало. А ведь если бы в своё время в полный голос было заявлено, что по крайней мере южный Казахстан и полуостров Крым подлежат возврату России, то во всяком случае исход русских из национальных республик не был бы таким скоротечным и трагичным. Дело ведь не в территориях, а в людях. В главке «Процесс разделения» Солженицын, высказав мнение о «нашем отделении» от нежелательных соседей, подчеркнул, что процесс этот «нельзя произвести одноминутной декларацией». Но именно так и случилось. Для реального сценария раздела ни уточнения «по истинному расселению», ни «местные плебисциты под беспристрастным контролем» не пригодились.

Именно в этом месте, на мой взгляд, автор неожиданно для себя впал в противоречие. Нельзя же, в самом деле, одновременно выказывать безбрежную уступчивость партнерам по Союзу, неистово и поспешно срывать с себя имперскую обузу и налаживать «безболезненную разъёмку народных хозяйств». Кто бы проводил эти плебисциты, если бы заглавная республика безоговорочно отказалась от своего имперского водительства? Руководителям Эрэфии даже в голову не пришла мысль позаботиться о миллионах соотечественников, вдруг ставших чужими на празднике самоопределения национальных окраин. Солженицын, к сожалению, ясно не обозначил, что РСФСР как республика, наследующая империи, была обязана стать главным арбитром бракоразводного процесса. Ведь многое тогда решалось не исходя из интересов русского разделённого народа, а по логике борьбы ельцинского руководства с союзным центром. Недавно, кстати, бывший председатель Совета национальностей СССР Рафик Нишанов признал: если бы Ельцин оказался на месте Горбачёва и развернул свою деятельность в другую сторону, то Союз, пусть и не в прежних границах, но сохранился бы. Ельцин же своим поведением, по сути, вытолкнул из Союза и те республики, которые не думали его покидать, и те, с которыми мы не хотели расставаться, не озаботившись положением в них русских людей. Что касается Украины, то Солженицын недооценил силы и средства украинского национализма, имеющего мощную зарубежную поддержку. Украинская националистическая элита, опирающаяся на идеологию, историю, на мучеников и пророков самостийничества, поставила себе целью любыми средствами добиться независимости. Ценой даже отказа от экономической интеграции с Россией. А пророссийские силы на Украине проиграли ещё и потому, что сама Россия к тому времени не была образцом для подражания и равнодушно взирала на стремление

окраин к русскому единству. Таким образом, и чаемый Солженицыным Российский Союз без двенадцати республик не состоялся. А империя, которую мы гнали в дверь, сегодня возвращается в окно. И никуда мы не денемся, если не хотим на своих границах получить натовские форпосты наподобие Грузии — от поддержки бывших братьев по Союзу. Империя — судьба России. В других формах, но имперская Россия существует.

Хотя в рамках Российской Федерации уже давно и остро стоит вопрос о выживании русской нации. Нынешний президент Владимир Путин наконец-то услышал голос вымирающей Центральной России и недавно предложил поощрять рождение детей именно в русских депрессивных регионах. Владимир Путин поручил Минздравсоцразвития РФ подготовить предложения по реализации программы поддержки рождаемости в регионах «со сложной демографической ситуацией», таких, как Дальний Восток, Поволжье, европейская часть России. Будет введено пособие семьям при рождении третьего и последующих детей (программа должна быть запущена уже со следующего года). Не Бог весть какое благодеяние (редко какая семья в наших условиях решится рожать третьего ребенка), но всё-таки. Ведь до сих пор огульная поддержка рождаемости приводила к ещё большему национальному перекосу не в пользу русских. Подчеркну, что это, пожалуй, первые и единственные пока шаги центральной российской власти в сторону русского большинства. В остальном же, перефразируя известное выражение Радищева «крестьянин в законе мёртв», мы с полным правом можем сказать: русский, как представитель самого многочисленного пока народа, в основном законе страны мёртв. В отличие от татар, чеченцев, башкир и якутов, у него нет своей государственности. Еврей в автономной области, ингуш в Ингушетии чувствуют себя представителями титульной нации, а русский в Воронежской области обязан быть россиянином. А случится ему заявить свои права именно как русскому, для него уготованы 282-я статья УК и дубинка полиция из центра по борьбе с экстремизмом «Э».

Ныне как-то неудобно читать в статье главу «Слово к малым народам и народностям». И здесь Александр Исаевич готов отпустить всех на волю, не оговорив интересы русских; с каким-то даже сочувствием он пишет о татарах и башкирах, которые в случае отделения будут «вкруговую охвачены» другим государством. «У иных национальных областей — будет внешняя граница, и если они захотят отделяться — запрет не может быть и здесь». Как тут не вспомнить знаменитое заявление Ельцина в Уфе 6 августа 1990 года: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», — и последующие кровавые чеченские войны. Такими заявлениями мы ввели в искушение чеченского волка, и он не преминул воспользоваться слабостью русского медведя. А как бы сегодня среагировали товарищи по фан-клубу убитого в Москве Егора Свиридова на цитируемое Солженицыным высказывание философа Владимира Соловьёва: «Люби все другие народы, как свой собственный»? Впрочем, ещё в XIX веке отмечалось,

что многие русские зачастую охотнее любят дальних, чем ближних. (Замечу, что доля титульной нации в населении Чечни выросла с 57,8% в 1989 году до 95,3% в 2010-м. За период с 1989-го по 1998 год численность русских в Чечне и Ингушетии, по-видимому, из-за большой любви к ним титульных наций, уменьшилась, по разным оценкам, почти на 266 тысяч человек. Ныне Чеченская республика де-факто живет независимой жизнью, хотя де-юре и является частью России.)

В последнее время очень много пишут об оценках личности Солженицына в знаменитых «Дневниках» отца Александра Шмемана. Суть расхождений этих двух людей в том, что для Солженицына высшая ценность — Россия, а для о. Александра — Церковь. Они как бы стоят во главе двух религиозно-социальных и культурно-исторических парадигм, двух живых, по определению современного русского философа В.А. Бачинина, потоков жизни, составляющих условие существования сильного российского государства и здорового гражданского общества. Скажу прямо, что, при всём моём уважении к о. Александру Шмеману, мои симпатии — на стороне Солженицына. Последняя дневниковая запись о. Александра от 15 ноября 1979 года, в моём понимании, звучит не упрёком, а высшей похвалой великому писателю. «Мне вдруг стало ясно, что той России, которой служит, которую от “хулителей” защищает и к которой обращается Солженицын, — что России этой нет и никогда не было. Он её выдумывает, в сущности, именно творит. И творит “по своему образу и подобию”, сопряжением своего огромного творческого дара и... гордыни». Но русским другого пророка и мыслителя и не дано! Ведь кто возьмётся определить, какая она — реальная, наличная Россия? «Есть соответствие, — писал Н.А. Бердяев, — между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремлённость в бесконечность, как в русской равнине. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы». Александр Исаевич, собственно, и предложил некие формы, в которых может структурироваться хаос русской жизни. Но и сегодня всем нам кажется, что русское будущее так же непредсказуемо, как и двадцать лет назад. Россия Солженицына — один из самых привлекательных и один из возможных проектов, который должен стать привлекательным не только для горстки интеллектуалов. Чтобы «сказка стала былью», нужна большая вера, нужно содружество и сотворчество всех здоровых сил нации.

После этого я бы с удовольствием поразмышлял на тему, почему «анти-Ленин», как назвал себя сам Солженицын, уклонился от политической борьбы. Кстати, задолго до появления статьи «Как нам обустроить Россию?» западная пресса уже окрестила Солженицына «русским Хомейни». Почему же он, будучи духовным национальным лидером, не стал её политическим вождём? Почему не попытался возглавить русское на-

циональное движение, которое, по сути, было отдано на откуп маргиналам? Кстати, в 1944-м, перед арестом, капитан Солженицын призывал своих единомышленников беречь силы для активной борьбы после войны. Так почему после крушения «бетонной постройки коммунизма» он не попытался не только словом, но и делом обустроить Россию? Кому он адресовал свое послание в 1990 году? Может быть, надеялся, что в ответ поднимется некая общественная сила, которая и станет субъектом истории, воплощая в жизнь план Солженицына?

Ясно одно: довольно скоро Александр Исаевич разочаровался и в новых правителях России. В 1998 году он был награжден орденом Святого Андрея Первозванного, однако от награды отказался, заявив: «От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего гибельного состояния, я принять награду не могу».

В заключение зададимся вопросом: был ли Солженицын русским националистом? Что сдерживало его чувство «национальной гордости великоросса»? По свидетельству того же о. Александра Шмемана, в разговоре писатель высказывался на национальные темы гораздо смелее. Но в свое время он категорически отверг — из дипломатических, скорее, соображений — клеймо «крайнего русского националиста»: «Я — вообще не “националист”, а патриот. То есть я люблю своё отечество — и оттого хорошо понимаю, что и другие тоже любят своё...»

Но почему же к концу жизни он, без оглядки на советский страх перед национализмом, прямо не заявил, что именно нация содержит тот двигатель, который запускает возрождение государства? Думаю, совсем не случайно на рабочем столе Солженицына осталась неоконченная статья с говорящим названием «Беглецам из Семьи». Вот несколько набросков из нее:

«Что есть Народ (или, по-западному, Нация)? Исконными связями (кровной и душевной) единая Семья, весьма обширная по численности и длительная по существованию».

«Многие и многие годы нам было естественно: представляя себя, объяснять: “я — русский”, “мы — русские”. Но уже в раннесоветские годы это воспринималось осудительно или даже с подозрением в контрреволюции (тогда — всю русскую историю рисовали как позорную).

И так было — до годов грозной войны, когда власти в панике всё опрокинули наоборот.

Но сегодня та же память “мы — русские” снова стала раздражать слух в Обществе. Впрочем, запретность легла не на нас одних: и всякое упоминание о национальной принадлежности считается ныне позорным.

А история нашей Планеты показывает нам напротив: как и после трёхтысячелетнего рассеяния по Земле — духовно стойкий еврейский народ — ощущает, хранит и защищает своё национальное сознание ещё страстней, чем религиозное единомыслие».

И еще цитата:

«Нам теперь настойчиво вталкивают рекомендоваться: “мы — россияне”. То есть найти себе опору не в духовном наследном сознании, а — по признаку теперешней федеральной принадлежности? Странная зацепка.

<...> Или, может, “мы — рас-сияне”? — то есть рас-терявшие сияние душевного света? По нашему сегодняшнему реальному состоянию — да, именно так».

Для 2008-го, года смерти писателя, это ещё актуально, но уже не остро. И понятно, что Солженицына в контексте русского национального движения можно назвать предтечей, но не мессией. Его идеи по обустройству России будут востребованы. Они, повторяю, не потеряли своей новизны и правоты. Но воплощать в жизнь их будут русские люди, для которых национализм уже стал как минимум нейтральным понятием. Сегодня полным ходом идёт русская этническая мобилизация, и в недалекой перспективе Российская Федерация станет всё-таки государством русского народа, о чём, собственно, и мечтал Александр Исаевич Солженицын. Сошлюсь здесь на авторитетное мнение. Как считает доктор исторических наук А.И. Минаков, «имперский космополитический или интернационалистический потенциал исчерпан. А идентификация по национальному признаку только набирает силу». Если процесс «национализации» искусственно сдерживать, то не исключено, что это будет чревато серьёзным конфликтом между значительной частью населения и полиэтничной элитой. Минаков полагает, что «внутренние условия для создания национальной государственности созрели». Ну а какой будет эта государственность — авторитарно-шовинистической или демократической, — зависит от всех нас. В том числе и от того, насколько успешно мы усвоим уроки Солженицына.

Зибницкий Эдуард Валентинович

По самым первым строкам знаменитой статьи Солженицына 1990 года мы можем понять, что же изменилось с того времени. Ответ лежит на поверхности: сам жанр статьи «Как нам обустроить Россию?» уже принадлежит прошлому. И об этом нужно задуматься в первую очередь. Кому-то это утверждение может показаться неочевидным: на тему обустройства России всё ещё говорят и пишут много, причём даже с очень высоких трибун. Но принципиальным отлич-

ием является то, в каком контексте был написан этот монолог.

Он писался в ту мимолётную эпоху, когда литературное, да и всякое гражданское слово действительно имело вес, вызывало общественный резонанс, воспринималась живо и отчётливо; когда голос бывшего зэка, диссидента, самиздатского классика Александра Солженицына был голосом альтернативной, подспудной России. Его слово пришло извне, из пространства,



Эдуард Валентинович Зибницкий

находящегося по ту сторону государственного официоза и его вербальных практик. И пришло оно до политических технологий, до «креатива» пиар-кампаний, до постсоветского новояза... К кому обращается писатель? К России не разделенной, к нации, которая осознала неизбежность перемен и стоит на перепутье. Казалось, что с доводами здравого смысла согласятся все (а на деталях автор и сам не настаивал). «Все» — это и управленцы разных уровней, и государственные мужи, а не только «антисоветская» интеллигенция.

Но всё-таки и тогда это было единство лишь в переживании «обвала», в ожидании нового, ещё неведомого этапа. Сейчас же в России попросту отсутствует сам адресат солженицынского послания. И появившись подобный документ сейчас — пусть с поправками на эпоху, с самой детальной и взвешенной программой, — стал бы он сенсацией, различили бы голос автора среди других голосов?

Примеряя к современности солженицынские тезисы 1990 года, мы видим: местное самоуправление не работает, потому что слишком зависит от центра, от властной вертикали; малый бизнес с трудом находит себе дорогу; об истинных масштабах гиперконцентрации капитала можно только догадываться. Образование, которому писатель придает особое значение, едва ли похоже на одно из приоритетных направлений... Наконец, всё ещё остро актуальна тема *выбора национальных приоритетов*. «Это вреднейшее искривление нашего сознания: “зато большая страна, с нами везде считаются”», — пишет Солженицын, и добавляет: «Надо теперь жёстко в ы б р а т ь: между Империей, губящей прежде всего нас самих, — и духовным и телесным спасением нашего же народа»... Однако чуть миновал призрак голода, потекли в кремлевские карманы нефтедоллары, и вот уже новые амбиции по воссозданию Советского Союза: военные операции на Кавказе, интриги против Эстонии, Латвии, Грузии, Украины; и вновь, вполне в советских традициях, мобилизация масс, особенно молодёжи, под знамёнами сталинской империи. И дело не только в материальной цене «имперского проекта», о которой говорил Солже-

ницын с такой тревогой и болью за надорванные народные силы. Дело в глубоком перекосе сознания, без исправления которого пути вперёд нет. В отношении к идеологическому и политическому наследию Советского Союза массовое сознание всё ещё находится в плену ложного имперского пафоса. То есть в определённой системе координат, где власть — это «батяня комбат», а не нанятый менеджер, оппозиция — предатели, агенты западных спецслужб, а идеи свободы и демократии — вражеская пропаганда с целью ослабления противника.

И вот что ещё хотелось бы добавить по тексту статьи. Несмотря на уверенный тон, с каким Александр Исаевич начинает свое введение в науку обустройства посткоммунистической России, он больше задаёт вопросов, чем даёт ответов. Во второй части письма, где начинается политико-административная конкретика, нет вопросительных знаков, но они маячат между строк: оперируя понятием Воля Народа (именно с большой буквы, что принципиально), писатель подошёл к бездне демократии и остался стоять в нерешительности. Как выразить Волю Народа, как её определить, как преодолеть партийную ограниченность и корыстную заинтересованность группы? Чувствуется, что сам Солженицын не очень верит в решаемость этих задач. Недаром он говорит — и справедливо, — что всякий строй будет хорош при порядочных отношениях между людьми, но ведь политика — это искусство уживаться с *непорядочными* людьми, из их «по умолчанию» присутствия в обществе она исходит... Собственно, и демократию он признаёт условно, как меньшее зло.

Солженицын остаётся представителем романтизма, который в народе, в нации видит индивидуальный организм, личность. Увидев воочию страшный лик беспрецедентного в истории тоталитаризма, почвенник Солженицын судорожно кидается на Запад, но и там боится свобод как причины размытия, атомизации, подмены этого единого, индивидуального организма нации. Отсюда эта его мысль: без самоограничений страна не устоит. Но уж очень велик может оказаться соблазн начать «спасать нацию», вводя самоограничения по Воле Народа. Поэтому Солженицын делает ставку на местное самоуправление и ступенчатый отбор управленческих и представительских кадров снизу доверху: придумывает какие-то институты из «лучших» людей, вводит словесное представительство — хотя и в словесном представительстве брезжит та же опасность лоббирования корпоративных групп... Ни одна система представительства не кажется ему самодостаточной. Всё рассыпается, готовая *форма* ещё не гарантирует слаженной её работы — и это тоже предвидел Александр Исаевич в будущей постсоветской России.

Да, не всякая система работает. Живительна и спасительна только внутренняя жизнь народа, его культурный, гражданский потенциал, который и нужно освободить; и именно гражданское пробуждение его остается сейчас самой актуальной задачей. Спасибо.

Гальцева Рената Александровна

Отвечать на ту развёрнутую пропаганду национализма, которую мы услышали из уст Святослава Павловича Иванова, я не буду, потому что история настолько давняя, вся перетёртая, пересказанная и коренится в произволе язычески настроенного сердца, что логические доводы тут не действуют — всё и так ясно. Может быть, моё сообщение ответит на вопрос: почему в России эти настроения растут?

До сих пор речь здесь шла о социально-политическом устройстве России по Солженицыну. Как упоминала Ирина Роднянская, на последней, декабрьской, конференции в честь Александра Исаевича я и сама выступала с пленарным докладом как раз на эту тему, сосредоточившись на сравнительном анализе проекта, изложенного в работе «Как нам обустроить Россию?», и — на реальной истории страны последних десятилетий. В конечном итоге я пришла к выводу, что по всем главным пунктам эти два пути противоположны.

Однако есть тема, которая не занимает внимания аналитиков. Между тем, в работах Александра Исаевича (в той же «Как нам обустроить Россию?»; в статьях «Русский вопрос к концу XX века» — «Новый мир», 1994, № 7, и «Россия в обвале», в других текстах рубежа веков) автор ставит её во главу угла. Афористически эта тема выражена в названии газетного интервью 2000 года: «Духовное падение гораздо страшнее физического» («Литературная газета» от 23—30 мая). Солженицын рассматривает её решение как предпосылку, как необходимое условие, *conditio sine qua non* остальных преобразований, в том числе и как залог «крепости» самой государственной системы. А такая система прочна, цитирует Александр Исаевич В. О. Ключевского, «только тогда, когда держится на силе нравственной» («Как нам обустроить Россию?»). Для этого в качестве моральной инстанции автор в своём проекте «обустройства России» в дополнение ко Всеземскому собранию (будущему Парламенту) учреждает совещательный орган по сословно-цеховому принципу, Соборную Думу, которая «осуществляла бы этический контроль» над действиями государственной власти. (Теперь мы особенно убедились, что совещательных полномочий тут мало — нужны законодательные. Впрочем, это уже отметила Роднянская.)

В «Обвале...» Солженицын пишет: «Губительнее нашей нужды — развратная пошлость, изрыгаемая на нас из всех телевизионных ящиков».

С тех пор, за прошедшее двенадцатилетие, духовный хаос заметно прогрессировал. На первый план сегодня выходит *трагическое положение* простого человека в России (и не только в ней), оказавшегося между Сциллой и Харибдой, между двумя полуправдами, а значит, между двумя худшими неправдами: между пропагандой личной свободы, доведённой до потрясения всех оснований, и — защитой традиционных основ жизни и культуры (на которых как раз возросла вся европейская цивилизация), — защитой, сочетающейся с коммунистическим лжепатриотиз-



Рената Александровна Гальцева

мом и ностальгией по советскому прошлому. Простой человек, у которого ещё сохранились, скажем, «атавизмы» нравственного чувства, стыда и здравого смысла, но который не обладает навыками идейного аналитика, вместе со взятыми под лицемерную защиту КПРФ понятными ему традиционными нормами жизни получает в комплекте, в аномальном сращении и её партийные идеалы.

На другом полюсе — другой коварный симбиоз. Речь идёт об охватившем прогрессивную интеллигенцию новейшем мировоззрении (всё именуемое либерализмом, понятием, которое нужно выхватить из плюралистического котла и очистить от чуждых наростов). Это мировоззрение пропагандирует священные (кто спорит?!) права и свободы человека, но вместе с тем внедряет в сознание установку на безграничное «расвобождение человека» (по Солженицыну, «своевольщину»), т.е. на избавление от всех стесняющих его моральных, эстетических и жизненных норм, на месте коих воцаряются теперь нормы аномальные. Парадокс в том, что христиане в своей массе встали по другую сторону от свободы, принесённой в мир Христом, а интеллигенция — по другую сторону от приверженности Логосу, т.е. истине.

Но если первый клубок наматывался в свободной атмосфере новой России, при отсутствии всякой официальной рефлексии над недавним прошлым и его исторической оценки (из-за срыва предпринятого Ельциным процесса декоммунизации — по примеру

денацификации в Германии, — освободившей её от былых чудовищ; из-за срыва процесса, который очистил бы нашу страну от идолов коммунистического режима, наложив запрет на пропаганду ленинско-сталинской идеологии), то распутывание второго клубка, т.е. второго противоестественного симбиоза идей личной суверенности и, с другой стороны, подрыва смыслового фундамента европейской ойкумены, — уже не государственная прерогатива. Это — забота общества в лице его критического аналитика, его цензора и ре-визора — рефлектирующей интеллигенции. Но она не сможет выполнить эту функцию, если только не совершит подвиг самопокаяния, подобный веховскому, и не будет способна изобличить свою собственную идеологическую одержимость радикальной перекройкой человеческого мира.

Между тем без рассеивания морока, без рассечения кентавров и пересоставления половин правды — личной свободы и смысловых начал человеческого и общественного бытия, чтобы они, принадлежащие друг другу по рождению, объединились в одно целое, — невозможно преодолеть в России «кризис сознания и нравственности» («Русский вопрос...»).

Обидно, что нет такого угла, где можно почувствовать себя среди своих. Жаль, что в среде отважных свобододолюбцев, белоленточников если и чувствуешь себя единомышленником, то в качестве временного попутчика, как «двух станов не боец, а только гость случайный». Ибо, как, скажите, следовать по бульварам в шеренге актуальных художников, до этого перекорёживших, кажется, всё, что только можно, и самой художественности, в чьих экспонатах мир предстает как «чудище обло, озорно... стозевно и лаия»? Или как влиться в колонну за бульварной телеведущей из «Дома-2»? Тут простая брезгливость не позволит. На днях ведущие дамы на «Эхе Москвы» (политически мне, в общем, симпатичном) задались судьбоносным для них вопросом: «Может ли литература научить свободе?» А чему-нибудь ещё? Хотя бы добру, по Толстому? Я уже не говорю — образованности, приличиям, хорошему тону... Нет, из всех достоинств и «качествований» человека для передового культуртрегера есть только одна уникальная ценность — агрессивное «рассвобождение» (которое под флагом защиты прав и свобод наступает на права и свободы большинства). И оно берёт всё новые и новые, по сравнению со временем Солженицына, рубежи. Сегодня мы стоим на пороге окончательного свержения семейных норм и замены их аномальными, извращёнными человеческими отношениями. А почему бы завтра не начаться походу за еще большее «рассвобождение» — от скользящих пут антипедофильских предрассудков?! (Затесался ненароком в неолиберальный кодекс ещё и «национальный вопрос», но это отдельный разговор.)

Нетрудно заметить, какой вектор выбрала сегодня раскрепощающая свобода. И в жизни, и в искусстве она явно сконцентрировалась на «телесном низе», будто культурный прогресс идет под слоганом из «Бобка» Достоевского «Заголимся и обнажимся!».

Вот и мучит вопрос: неужели свобода дана нам для разврата?

Свобода многогранна, но несвобода тоже; в каждое время она оборачивается своей стороной. Ныне человек, рождённый в мир, сразу попадает в агрессивную среду, которая угнетает его brutальными образами и оглушающими звуками, сызмальства деморализуя его.

Завет Солженицына: «Мы должны строить Россию нравственную или, — прибавляет он не без вызова, — уже никакую». Но на каких путях? «Поможет ли нам православная церковь?» — размышляет он в статье 1994 года «Русский вопрос...». Автор трезво оценивает состояние русской церкви, подорванное большевистским разгромом и наследственной «трёхвековой покорностью государственной власти», в результате чего она «потеряла импульс сильных общественных действий». Как совпадают мысли автора в Письме 1972 года патриарху Пимену, где он пишет о стоящем перед церковной иерархией выборе между «правотой силы» и «силой правоты» («Публицистика. Статьи и речи», Париж, 1981, с. 121), с мыслями Владимира Соловьёва о неисполнении ею своей христианской миссии и соблазне властью в его статьях «О духовной власти в России» и «Об упадке средневекового мирозерцания», а также в письме 1891 года председателю Синода К.П. Победоносцеву, где он призывает могущественного адресата одуматься и прекратить политику насильственного распространения казённого православия, наводящего на нашу землю египетские казни (разразившийся голод)! Два письма, столь отдалённые во времени и столь схожие по духовной силе и напряжённой страстности, свидетельствуют и о неизжитых болезнях русской церкви, и о едином представлении, как по-христиански обустроить Россию.

Так что же делать? Надежду на выход из духовного кризиса Солженицын возлагает на «здоровое ядро» людей, которые, «возрастая, взаимовлияя, соединяя усилия, постепенно оздоравливают нашу нацию» («Русский вопрос...», с. 176). Бесспорно, это так. И всё же, каков бы ни был сегодня имидж Московской Патриархии — как-никак, хранилища христианского учения, «восстановить в себе... христианские черты», как пишет Александр Исаевич в том же письме Патриарху (с. 121), без здоровых сил церкви (а такие есть) вряд ли возможно. Но и без участия образованного сословия дело тоже вряд ли сдвинется с места.

Помня об оставленном нам наказе Солженицына, можно предположить его исполнение на путях соединения усилий двух сторон: *интеллектуальных сил церкви и христианских сил интеллигенции*, способных по примеру Ирины Лионского разоблачить «лжеимённое знание» неолиберальной идеологии как гуманистической ереси новейших времён. (Это предложение в более подробном виде я уже излагала публично и устно, и письменно, и даже получила отклик из клерикальных кругов, как-то растворившийся затем в потоке времени.) Но это обращение — и ко всем нам, сидящим в этой аудитории. Спасибо.

Сараскина Людмила Ивановна

Я прошу второй раз дать мне слово, чтобы попробовать порассуждать: будет ли воспринята статья «Как нам обустроить Россию?» в современном всероссийском обсуждении как актуальная. Конечно, говорить о том, распадётся Советский Союз или не распадётся, поздно — мы живем в той реальности, которая есть. Сегодня поднимается уже следующий вопрос: не распадется ли Россия точно так же, как распался Советский Союз, и не останется ли Россия в пределах Московских земель. Но я хотела бы остановиться на проблемах, которые сегодня раздирают наше общество и о которых Солженицын говорил как бы мимоходом. Они его волновали, но проходили неким фоном к «Обустройству...» И Рената Александровна мне помогла в этом смысле, потому что она говорила о положении Церкви и цитировала письмо Солженицына к Патриарху Пимену, это 1972 год. А вот фрагмент о Церкви из статьи «Как нам обустроить Россию?». Это уже 1990 год, то есть спустя восемнадцать лет. Можно убедиться, насколько это горячая проблематика, насколько она сегодня хватает за живое каждого верующего и неверующего, любого человека, кто живёт в нашей стране и кто об этом думает. Я прочитаю: «Хотелось бы подбодриться благодетельными возможностями Церкви. Увы, даже сегодня, когда уже всё в стране пришло в движение — оживление смелости мало коснулось православной иерархии». Посмотрите, какие вопросы волнуют Солженицына в сравнении с письмом к Патриарху. За восемнадцать лет — какое движение, какие тенденции! Он замечает: «И во дни всеобщей нищеты надо же отказаться от признаков богатства, которыми соблазняет власть. Только тогда Церковь поможет нам в общественном оздоровлении, когда найдёт в себе силы полностью освободиться от ига государства и восстановить ту живую связь с общенародным чувством, какая так ярко светилась даже и в разгаре Семнадцатого года при выборах митрополитов Тихона и Вениамина, при созыве Церковного Собора. Явить бы и теперь, по завету Христа, пример бесстрашия — и не только к государству, но и к обществу, и к жгучим бедам дня, и к себе самой. Воскресительные движения и тут, как и во всей остальной жизни, ожидаются — и уже начались — снизу, от рядового священства, от сплочённых приходов, от самоотверженных прихожан».

Это пожелание Солженицына в адрес Церкви, которая не должна соблазняться атрибутами богатства и государственной лаской. Представьте, насколько это сегодня хватает всех за горло. Я не буду приводить сегодняшние реалии, они всем известны. Но это предупреждение меня просто потрясает. Через толщу двадцати двух лет — от 1990 года до сегодняшнего дня — мы находимся в той реальности, когда Церковь таки соблазнилась атрибутами богатства, таки пошла на теснейший контакт с властью, таки, по-моему, зажимаются низовые попытки. Послание Солженицына не было услышано тогда. Не слышат, не хотят его

слышать и сегодня. Напротив, церковные публицисты чураются мысли о скромности материального содержания, настаивают на праве иерархов иметь в своём распоряжении «мерседесы», а не «жигули», полагая, что зримые доказательства богатства — это знаки силы и могущества. И это, как писал Солженицын, «во дни всеобщей нищеты...»

И ещё одна тема, которая сегодня является самой обсуждаемой в обществе. Вот прошла на ТВ передача «Исторический процесс». Я всегда смотрю эти передачи, как ни противно иногда бывает. Они сейчас идут без пронзительно-истерического Кургиняна, но со Сванидзе, который неприятен по-другому, вместе с очень тоже неприятным Дмитрием Киселёвым. Вот они обсуждали различное отношение нынешнего общества к Великой Отечественной войне. Приведу только один пример недавнего общественного скандала, не знаю, насколько он известен. Я состою в российской социальной сети «ВКонтакте», в узкой группе «Исследователи Ф.М. Достоевского», и поэтому так или иначе все эти споры обнаруживаю в блоке новостей. Итак, основатель этой сети Павел Дуров в День Победы 9 мая написал в своем блоге: «Ну, хорошо День Победы. Что мы празднуем? Мы празднуем 67 лет с того дня, как Сталин отвоевал у Гитлера право репрессировать свой народ». Это высказывание вызвало бурю возмущения в многомиллионной сети. Факт тот, что многие пользователи — известные люди — объявили бойкот сети и в знак протеста вышли из неё. Но вот я читаю фрагмент статьи Солженицына «Как нам обустроить Россию?»: «Не гордиться нам и советско-германской войной, на которой мы уложили за 30 миллионов, вдесятеро гуще, чем враг, и только утвердили над собой деспотию». В принципе это же самое, что сказал Павел Дуров, и это то, что в ключья раздирает ныне телевизионный эфир и страницы газет, так что люди просто бросаются друг на друга с кулаками. Кстати, в дискуссии участвовал и директор ИНИОН — здания, где мы сейчас находимся, академик Ю. С. Пивоваров. Так вот, с одной стороны был Пивоваров, с другой стороны — Легойда, Мединский и Мигранян. Эти трое были точно против того настроения, что День Победы — это праздник «со слезами на глазах» и с большой горечью в душе. Всякие рефлексии и сомнения по поводу Дня Победы вызывают сегодня сильнейшую агрессию, и я думаю, что термин Солженицына «советско-германская», а не Великая Отечественная война (давно появилась аббревиатура «ВОВ») ему бы сегодня не прошёл даром.

Не простили бы ему сегодня и слов «Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель». Имперское чувство сегодня снова в моде, оно культивируется многими СМИ и многими умами; напротив, антиимперское сознание квалифицируется как либеральное, разрушительное, антирусское, даже и русофобское. «До каких пор и зачем нам выдувать

всё новые, новые виды наступательного оружия? да всеокеанский военный флот? Планету захватывать? А это всё — уже сотни миллиардов в год. И это тоже надо отрубать — в одночас. Может подождать — и Космос». Эта фраза сейчас тоже получила бы резкий отпор и у военных, и у думцев, и в обществе, которое осознало, как много Россия растеряла и в самолетах, и в кораблях, и в космосе. И в современном оружии. Разоружение — сейчас совершенно непопулярно, разве что среди презренных ельцинистов. Пришло понимание, что мы держимся на плаву только благодаря атомному оружию.

И это далеко не всё. Есть ещё немало мест в статье, которые в современной ситуации могут служить хвостом для костра. Надо ли это обсуждать или не надо? Думаю, что надо, необходимо — и для понимания сегодняшней ситуации, и для понимания ситуации двадцатилетней давности. Кстати говоря, Солженицын задевает очень для всех нас болезненный вопрос об образовании. Понятно, что он ругает современное ему образование по своим тогдашним критериям. Сравнить, что собой представляет образование сегодня, так советское образование — оно просто энциклопедическое! Без ЕГЭ, без сокращённых программ, с нормальными учебниками по базовым предметам...

Мне кажется, что статья «Как нам обустроить Россию?» имеет значение не только как некое ретро, не только как история общественной мысли. Она важна для понимания современного общества, его состояния, его реакций и настроений. Ведь оно не только не изжило все перечисленные проблемы, оно их усугубило, ожесточило. Общество абсолютно расколото и разодрано, гораздо в большей степени, чем было тогда.

Меня очень задело ваше выступление, г-н Зибницкий. Вы сказали о том, что сейчас отсутствует сам адресат солженицынского послания — Россия неразделённая. И я понимаю, что это именно так: Россия и русский народ разодраны сегодня на атомарном уровне. Все ненавидят всех, все против всех. И как обустроить Россию, строить национальное государство, когда такое настроение?! Давайте не будем строить иллюзий. Мы уже жили в многонациональном государстве, в монархическом, в имперском. А попробуйте сегодня сказать в определённых кругах, что нам империя не под силу, как пишет Солженицын, — съедят! У нас же такие сильные имперские настроения: сохранить, преумножить, и проч., и проч.

Таким образом, Солженицын сегодня — это костёр, даже не по тому вопросу, как будут делиться республики, а по оценкам, что происходит сегодня в мире — и по Церкви, и по Дню Победы, и по иерархам, и по военачальникам, и по чиновникам. Мне было бы интересно обсуждать в общественном пространстве «Как нам обустроить Россию?» с точки зрения взгляда современного человека, который живёт в своем мире и хочет его как-то освоить, понять. Спасибо.

Гальцева. — Позвольте дополнить ваше выступление по поводу «Исторического процесса». Поразительны аплодисменты в адрес троих защитников, которых вы перечислили. Возможно, в аудитории собрали «сво-

их», возможно, пригласили группу поддержки, как это было у Кургиняна, а теперь то же самое сделали с этой троицей, собранной Дмитрием Киселёвым... Но этим нельзя объяснить голосования телезрителей. Главная причина, по-видимому, в том, что псевдопатриотические возгласия усваиваются лучше, чем разумные доводы. Потому такого рода публичные представления (да еще с подсчётом голосов!) мне кажутся не столько просвещающими умы, сколько разжигающими страсти. Да ведь и Сванидзе, чуть заведите разговор, например, об обуздании гомосексуалистов, тоже окажется совсем не просветителем, а неолиберальным глашатаем. Да... нет места, куда «можно было бы пойти», нет такого публичного собрания, где бы я чувствовала себя среди своих, среди единомышленников, — если не считать «страшно узкого круга» друзей. Я описала этот разлом на две половины: половину правды и половину неправды. И тут особенно активизируются сталинистские настроения: поскольку нет идеи цельной Правды, торжествует идея Силы.

Сараскина. — Рената, я не успела это сказать, не хотела задерживать присутствующих. Ведь самое неприятное было в этом «Историческом процессе», что Д. Киселёв на самом деле камуфлировал свои тезисы, причем этот камуфляж был для детского сада, для малых детей. И опять Ю.С. Пивоваров сказал своим оппонентам очень правильную вещь: своим здоровым, победным, ничем не смущённым чувством вы же просто прикрываете сталинские преступления, преступления советского режима. Но наша общественность, представители нашей интеллектуальной элиты не в состоянии обсуждать эту проблему. Они тут же переходят на личности, грубо нападают, дерут глотки, пожирая друг у друга печень. (*Гальцева:* «Демагогия — у них основное».) На самом деле собрались приличные люди — с одной стороны три профессора, и с другой стороны три профессора. Но дрались беспощадно. Как в ситуации, когда шесть профессоров в передаче ВГТРК не могут ни слушать, ни договориться, ни понять друг друга, как в этой ситуации строить национальное государство? Как это возможно? Я не знаю.

Иванов. — Действительно, у нас нет возможности выстроить такие же партии национальные, как в Прибалтике и даже на Украине. Дело не в крови, дело прежде всего в том, что есть ответственная национальная элита, которая хочет сама здесь жить, и чтобы её дети и внуки тоже здесь жили. А у нас — офшорная аристократия.

Сараскина. — Я хочу опять вспомнить письмо Солженицына к патриарху, которое цитировала Рената Александровна. Насколько оно актуально! Я прочитала недавно, не поверив своим глазам, что ведомство отца Всеволода Чаплина предлагает на рассмотрение в Государственную думу проект об уголовной ответственности за (перечисляю) агрессивный либерализм, секуляризм, пропаганду светскости (как вам нравится?! Это вообще антиконституционные дела!). Как это вообще возможно? Как мы будем всё это улаживать? Я чувствую, что это породит самый агрессивный воинствующий атеизм, которого в России не было. Но он будет, если так пойдут дела.

Роднянская Ирина Бенционовна

Позвольте вернуться к этому пресловутому «Историческому процессу» и множеству аналогичных впечатлений. Из них следует, что нужно отдать себе отчёт, в какой опасный для страны момент мы живём. В России идет тлеющая гражданская война. Нужно признать этот факт. А параллельно — и факт легитимного, по нынешнему законодательству, избрания президента. Даже если вычесть из общего количества полученных им голосов процентов десять, приходящихся на фальсификации, всё равно этого недостаточно, чтобы дезавуировать его победу и тем более «поменять режим».

Так вот, у нас тлеет гражданская война — телепередачи определённого формата свидетельствуют об этом не меньше, чем бури в Интернете. У Ренаты Александровны даже была мысль запретить такие ток-шоу, чтобы не разжигать дополнительно злобу и ненависть. (*Гальцева*: «Не запретить, а перевести в другой формат».) Опасность же вот в чём. С одной стороны, всё обостряющаяся жажда перемен — прежде всего у значительной части интеллигенции, но уже и у более широких слоёв. И если такая жажда нарастает, в конце концов что-нибудь да случается, как показывает история. Но когда перемены совершаются в условиях разделённого общества, в условиях подспудной гражданской войны, будет ли позитивный результат? Ведь и на то, что «на другой стороне», нужно смотреть без иллюзий. Как совершенно справедливо говорил Эдуард Зибницкий, «молчаливое большинство» (имеющее, однако, своих говорливых выразителей) ничего не хочет слышать о том, что наша страна в трагическом положении, что она осталась в трагическом положении и выйдя из войны победительницей, что она и поныне, в сущности, слабая страна — могучая, обильная, но бессильная, повторяя слова Некрасова. Это большинство хочет внимать совсем другим речам.

Любой либеральный консерватор, к которым я отношу и себя, вынужден — и даже морально обязан — исходить не только из необходимости развития, освободительных перемен (на то он и «либеральный»), но и из того, с каким наличным жизненным материалом он имеет дело, с какой человеческой общностью, составляющей нынешнюю «почву», он должен считаться (на то он и «консерватор»). Так вот, этот человеческий массив слишком вздрючен, слишком непросветлён, слишком опасен, чтобы во имя благих целей ломать его через колено (не говоря уж о том, что это аморально). Но, между тем, жажда справедливости проникает вглубь и этого большинства, она может прорвать некую плотину и ринуться в сторону радикальной «левизны». Что будет? Неизвестно.

Хотя сейчас никто никого не слушает, всё-таки должно — пусть и «без надежды на успех», как говаривали экзистенциалисты, — анализируя ситуацию, усиленно предупреждать об опасности обе стороны. Ведь свободолюбивая интеллигенция в толще своей

так же некомпетентна и тенденциозна, как и «спикеры» противостоящего ей большинства. Вот Людмила Ивановна Сараскина заговорила о Церкви и претензиях к ней. Но не далее, как вчера, я слышала (опять-таки по «ящику») фразу из уст образованного — по внешнему облику и реноме — человека, борца с «клерикализмом»: «Над Россией нависла чёрная сутана». Он даже не удосужился узнать, что наши попы носят не сутану, а рясу. Это — как лакмусовая бумажка. Меня такие вещи пугают иногда больше, чем рукопашные потасовки, потому что они — тревожный сигнал о вероятном провале положительного обновления. Пугают не меньше, чем агрессия каких-нибудь «хоругвеносцев», которых однажды упомянула Рената Гальцева.

Короче, в условиях латентной гражданской войны решительные реформы строя крайне нежелательны — и вместе с тем крайне нужны. Такова труднейшая, парадоксальнейшая антиномия. Надо её сначала осознать, а потом уже думать, «как нам обустроить Россию»...

Из-за своей затянувшейся реплики я не успела сказать то, к чему готовилась заранее и что сочла особенно важным после выступления Михаила Александровича Краснова и замечаний Натальи Дмитриевны, — насчёт «монархизма» Солженицына и монархии как таковой.

Вопрос о конституционной монархии применительно к России всплывает пока в сугубо «платоническом» измерении, но с показательной частотой. На этом поле ищут какой-то примирительный выход из той опасной конфликтной ситуации, которую я пыталась описать. И, как узнаём из слов Михаила Александровича, искали ещё на переломе времени в 1990-х годах. Искали же и ищут не зря.

Я хочу сослаться на участника нашего круглого стола Эдуарда Зибницкого, на его знаменательную статью пятилетней давности «Монархический принцип и власть» («Новый мир», 2007, № 4). Он пишет: «...Конституционная монархия — это своего рода противоядие в отношении культа власти, силы, начальолюбия. <...> Вся аффектация власти, вся её напыщенность, весь агрессивный пафос государственности и могущества обращаются в совершенно *безобидную* фигуру человека, который этим не располагает, но зато законно обладает первенством *чести*. Между тем канцлер или премьер-министр, который и концентрирует в руках реальные рычаги власти, остаётся навсегда фигурой номер два, а может быть, даже номер три, после наследника престола или королевы-матери. *Реальная* власть в глазах народа становится нанятым, *временным* управляющим, совершенно прагматическим, служебным институтом. Так хотя бы символически у власти вырывается её ядовитое жало, её тотальное самолюбование. <...> Неприличным становится преклонение перед бюрократом номер один, когда есть законный монарх,

в фигуре которого и концентрируется пафос национальной гордости, пафос единства с историей и традицией. <...> Неправящий монарх, таким образом, переводит в идеально-условный план весь этот очень опасный пафос государственного величия. Так что это — очень важная “символическая” функция» (с. 123).

Здесь, думаю, обозначен наилучший, а для России едва ли не *единственный*, способ превратить «бюрократа номер один» из невенчанного царя в «ночного сторожа» государства — о чём мечтают наши либералы. До того размышлялись, что уверены, будто народное сознание уже готово к такому восприятию высшего должностного лица: «Присущая исторически российскому человеку сакрализация верховной власти уходит в прошлое. Созрело неокантистическое восприятие власти — как наёмного менеджмента, который должен эффективно заботиться о благе общества» (д-р филос. наук Г. Л. Тульчинский. «Общество созрело, или Перспективы легитимности власти в современной России» — «Знамя», 2012, № 5). Они ошибаются. Только что я увидела с экрана, как народный умелец, мастера скворечник класса люкс, вклеивает на внутреннюю его стенку портрет Путина: пусть и пернатые знают, говорит он, «кто в доме хозяин».

Харизматический ореол власти не вытравить ничем, ибо он присущ категории власти как таковой. Особенно же — когда этому способствует национальная традиция. Этот ореол, эту ауру можно только переадресовать лицу, которое в силу своего статуса их обезопасит.

В «Свете Невечернем» Сергей Булгаков пишет: «В происхождении своём <...> власть таит в себе нечто загадочное. <...> Потенциальная энергия власти, активная и пассивная, — как властвования, так и повиновения, всегда присуща человеку <...> Очевидно, власть имеет какое-то отношение к самому существу человеческого духа, и надо <...> отвергнуть рационалистические измышления “просветительства”, будто власть и право кем-то изобретены <...> произошли вследствие “общественного договора”. Глубокий и тёмный *инстинкт* власти здесь подменяется рассудочным утилитаризмом, и власть представляется вроде наёмного лакея, которого можно позвать и отпустить. <...> Власть как таковой неизменно присущ религиозный и мистический ореол, который позлащает не только корону наследственного монарха, но и ликторскую секиру республиканского консула».

Конституционная монархия нужна именно затем, чтобы мистический ореол не позлащал республиканскую секиру диктатора. И, мне кажется, не совсем права Наталья Дмитриевна, когда говорит, что такой институт невозможен в секулярном обществе, где далеко не все готовы верить в богопомазанность монарха. Опыт Великобритании и многих стран континентальной Европы показывает, что символическая роль монархов у них в почёте, хотя прямых богоотрицателей там, я думаю, куда больше, чем в России. Чтут тради-

цию монархического представительства нации, сами, быть может, не понимая почему. И это совсем не плохо.

Как мне приходилось слышать, сходную роль предполагают возможным передать надпартийному (и долгосрочному) президенту с резко ограниченными властными полномочиями. Но это суррогатное решение. Именно ввиду неотъемлемой мистичности власти это будет либо зиц-председатель, бессильный сосредоточить на себе харизму предстоятеля нации, либо сумевший, как когда-то Сталин, изменить исходное скромное значение своего места диктатор, с сопутствующим мистическим поклонением ему как «человеку судьбы» (Наполеону, Гитлеру, тому же Сталину) ...

Так каким же образом мог бы у нас вкорениться институт конституционной монархии? Коронованием какого-либо лица из прежнего царствующего дома? Соборным избранием его — или ещё как-нибудь? Здесь уместно старое слово, когда-то относимое к государственному устройству России в будущем, — *непредрешиенчество*.

Важно, чтобы мы не считали такой исход беспочвенной утопией. То, на что есть исторический запрос, может и осуществиться!

И вот — в виде постскриптума. Недавно на заключительном концерте Фестиваля симфонических оркестров в Москве, где исполнялась с участием хора отечественная гимническая музыка, в финале прозвучало «Боже, Царя храни». Прохладная до этого момента публика как по команде встала с мест и стояла до конца исполнения, а по окончании разразилась пятиминутной овацией. Эта спонтанная реакция множества людей, в силу возраста никак не связанных с «царским режимом», способна, быть может, умерить скепсис в вопросе о «монархическом сознании» современных россиян.

Антонов Александр Васильевич (выступление из зала). — Я хотел бы просто поставить проблему. В Древней Руси существовала казнь: человека привязывали за ноги к двум наклонённым берёзам, затем берёзы отпускали — и его разрывало. Сейчас мы переживаем трагический исторический момент, когда русский человек находится как бы между двумя такими берёзами. С одной стороны, измерение имперскости, с другой — этничность. Если сильнее будет национализм, то имперскость лопнет; как писал Александр Исаевич Солженицын, нас погребёт эта система. А если мы будем спасать имперскость, продолжая нажимать на неё, как наши государственники, то русский народ не выдержит. (Иванов: «Нам бы чеченскую рождаемость, можно и имперскость».) Лозунг «Россия для русских» — это сразу конец; все народы сразу разбегутся.

И закончу ещё одним образом. В истории России так: у человека, попавшего в трясины, есть два варианта: если трепыхаться — затянет быстро, если не трепыхаться — будешь медленно стабильно погружаться. Иного не дано. Благодарю.

Солженицына. — Я ещё хотела такое странное предположение высказать. Эта гражданская война,

о которой вы говорите, конечно, идёт, но это не война идеологий, это тактические споры — за будущее, за школу, за детей. Тот же Мединский выступает так (несколько лет назад он говорил совершенно иначе), что мы не можем вырастить здоровые поколения, если в их глазах мы, их отцы и деды, — такие лохи, неудачники. И вот — все борются. Каждый по-своему за то же самое. За то, чтобы Россия не потонула. Только одни считают, что она не потонет, если будет собой гордиться и считать себя непорочной. А другие — что мы никогда не воспрянем, если не признаем, оглянувшись, что были по крайней мере тёмные провалы в нашей недавней истории. Спорят не столько о цели, сколько о пути. Так что есть парадокс какой-то: в этой «гражданской войне» проявляется некая витальность, воля к жизни, о которой вы говорите, что она исчезла. И мне кажется, что не так уж всё пессимистично.

Цурганов. — Спасибо. Коллеги, кто хочет ещё выступить? Мы с вами работаем с пяти часов вечера, но, по-моему, никто не устал. Хотя здание закрывается...

Гальцева. — Нашему борцу за права человека, за философию — Юрию Сергеевичу Пивоварову — давайте выразим благодарность. И за героическое поведение на вчерашнем «Историческом процессе»!

Серебряный. — Можно я пару слов скажу? У меня в руках та самая публикация «Как нам обустроить Россию?» в «Литературке». Я не знаю, как вы думаете публиковать материалы Круглого стола в «Посеве», но, мне кажется, есть смысл вначале дать академическое издание статьи — она вполне этого заслуживает. Со всеми ссылками — потому что в ней очень много цитат. И может быть, дать комментарий историка. Или опубликовать не в журнале, а сделать отдельную книжку.

ИНТЕРВЬЮ

Ирина Смирнова

Князь Димитрий Романович: «Мы — Романовы, значит, надо что-нибудь делать для России»

На молебен, посвящённый очередной годовщине расстрела царской семьи, в Петербург приехал князь Димитрий Романов, праправнук Николая I. Члены Объединения рода Романовых приезжают помолиться в этот день у Екатерининского придела Петропавловского собора с того момента, как в 1998 году в родовой усыпальнице были погребены останки последнего русского императора, членов его семьи и слуг.

Димитрий Романович с супругой Доррит с 1993 года посвящают своё время гуманитарной деятельности. Он основатель и президент благотворительного фонда «Романовы для России», помогающего детским домам, приютам и больницам в России и странах СНГ.

— **С каким настроением Вы снова приехали в Россию?**

— Для меня быть в этот день в Петербурге очень важно. Ужасно то, что случилось не только в Екатеринбурге, но и в Алапаевске и других частях России. Я стараюсь 17 июля всегда быть здесь. Время идёт вперёд, но забыть невозможно, это уже часть русской истории. Когда была церемония переноса останков из Екатеринбурга, мой брат Николай Романович как старший в семье считал, что все Романовы, кто может, должны быть в этот день в Петербурге. Моя супруга улетела в Петербург, а я улетел в Екатеринбург, потому что считал, что нельзя переносить останки, как будто это вещь. Нужно, чтобы кто-нибудь из семьи был с ними. Георгий Вадимович Веленбахов помог в тот момент — трудный момент! Стоять там и думать, что мой отец играл с молодыми Ольгой, Татьяной, а я

вижу их останки... Но это нужно было сделать. Я хочу подчеркнуть, насколько важно это было в моей жизни — быть там, и прилететь с останками в Пулково, и видеть всю семью, собравшуюся из Америки, Франции, Италии...

— **Следствие длиною в век об убийстве царской семьи закончено, виновных нет, никто не понёс ответственность, останки царевича Алексея и царицы Марии не захоронены — что Вы думаете обо всём этом?**

— Я имею постоянные контакты с администрацией президента и с патриархатом. Но мне трудно понять, что они решили. Мой брат всё время старается как-то сдвинуть это дело. Мы с самого начала считали, что останки детей должны быть вместе с семьёй. Это все понимают. У меня тоже брали кровь, чтобы проверить, что я такой же, как Романовы, которых убили. Проверили, убедились: слава Богу, я Романов. Я думаю, что в конце концов это будет сделано, их захоронят. Бог даст! Пришёл момент окончить спор об останках. Эту русскую трагедию нужно остановить. И двигаться вперёд, думать о том, как лучше жить русскому народу, чтобы молодёжь не уезжала из страны, чтобы она могла найти для себя здесь признание.

— **В России уже не первый год обсуждают предстоящее 400-летие окончания смуты, возрождения государственности и призвания на царство Романовых. Как Объединение Дома Романовых планирует отмечать юбилей династии?**

— Каждый из членов семьи, разбросанной по всему миру, это решает для себя сам. Кто-то считает, что ему хорошо быть в Екатеринбурге, в Москве, в Петербурге, где они посчитают нужным. Это нелегко: нужны визы, у кого-то большая семья, у кого-то работа, кто-то и хочет, да не сможет приехать.

Каждый в семье знает, что будет в 2013 году, и мы надеемся, что будем вместе, как было 17 июля 1998 года. 300 лет династии, 400 лет — не в этом дело. Россия должна помнить своё прошлое. Молодые Романовы, или Ивановы, или Петровы пускай тоже вспоминают родину, семью и то, что Россия пережила во время войн и бедствий.

— **Но Вы уже отмечаете знаменательную дату благотворительностью, привезли подарок для детского здравоохранения, для ЛОР НИИ.**

— Я двадцать лет занимаюсь гуманитарной работой. С самого начала я понял, что буду передавать слуховые аппараты для детей, прямо в руки мальчикам и девочкам. Самое трудное — это собрать деньги, мы собираем их у частных лиц. Проводим благотворительные вечера в Лондоне, Париже, и, как набирается нужная сумма, закупаем аппараты, едем сюда. Мы с супругой начали с Москвы, Петербурга, были в Киеве, Крыму, Екатеринбурге, Казахстане — детям со слабым слухом везде нужны такие аппараты. В этот раз мы передаём технику очень хорошему институту, но и самым лучшим клиникам всегда что-то не хватает, каких-то новинок из Японии, США. Специалисты считают, что то, что мы привезли, это первоклассное оборудование, и оно будет востребовано.

Когда я встречаю ветеранов, я тоже стараюсь подарить слуховые аппараты. Ветераны защищали мою Родину и Родину моего отца. Однажды в Симферополе, когда я раздавал ветеранам слуховые аппараты, вдруг пришёл очень серьёзный человек, мне сказали, что это Герой Советского Союза. Значит, что-то он сделал феноменальное для России! Он подошёл ко мне, смотрел так важно, и я испугался, что он откажется. Но он сказал: «Спасибо, что вы, Романовы, о нас не забыли». Как можно забыть! Если б мой отец, офицер русской армии, это видел, насколько ему это было бы приятно.

— **Романовы 300 лет верой и правдой служили России. Их так воспитывали. А как сейчас в роду Романовых воспитывают молодёжь? На что ориентируют? Кем они себя ощущают? Чувствуют ли себя русскими?**

— Моему брату в этом году будет 90 лет. Мне будет 86, Бог даст, я ещё несколько лет проживу и что-то успею сделать. Самая замечательная вещь — работать для других, помогать другим. Молодые кузены в США, Франции и других странах знают это и чувствуют. Каждый несёт это в сердце. И помнят ужас того, что случилось в России в прошлом веке — войны, голод, бедствия. Как можно забыть Ленинград, блокаду, то, что творилось здесь! Мне даже думать об этом трудно.

Нужно помнить, что было, но идти вперёд. Мы стараемся передать новым поколениям в семье наше отношение к России как к Родине, но это непросто.

Все работают, не так легко поехать в Россию, нужны визы. Мне повезло в жизни, я был в местах, где не был никто из царской семьи, например, в Иркутске — замечательное место.

— **А как Вас воспитывали? Почему потомок русских императоров начал свою карьеру с ремонтного завода Форда в Египте? Да ещё с согласия родителей...**

— Сначала мы жили во Франции, совершенно русская семья, русский флаг держали перед французским флагом. Русский язык был основным. Мы православные, мы помним историю и стараемся не делать слишком много ошибок, когда пишем по-русски. Мы жили далеко от мира, потому что родители хотели, чтобы Димитрий и Николай были хорошими мальчиками, хотя я был не очень хороший мальчик, я плохо учился. Я любил рыбную ловлю, природу, меня тянуло к технике. Но мой брат всегда был серьёзный, хорошо знал литературу. У нас всегда была масса книг.

Самое важное для нас — это была семья. Были те, кто говорил, что, может быть, мы когда-нибудь вернёмся на Родину. Но я этого никогда не слышал от отца и матери. И они были правы: мы ещё не знали, какая катастрофа будет из-за господина Гитлера. В Риме нас бомбили не только немцы, но и англичане, и американцы, мы надеялись, что Бог даст, мы выйдем как-то из этого кошмара. Из-за Второй мировой войны нам пришлось кочевать по Европе, и в конце концов мы оказались в Египте. И вот мне, 19-летнему молодому человеку, понадобились деньги, начинал с нуля. На страшной египетской жаре ремонтировал моторы для машин. Мне это очень нравилось — своими руками отремонтировать автомобиль.

— **В чём Вы находите опору в жизни?**

— Мои замечательные родители, никогда ни слова не слышал от них, что у них что-то было, что они потеряли. Всегда были нацелены в будущее, они говорили: помни, что ты русский, что ты православный, и помогай тем, кто нуждается в твоей помощи. Для меня это главное в жизни. Все мы можем что-то сделать. И Вы, и я, и другие люди. Мой отец оставил Родину в 1919 году и сюда не вернулся. Но двадцать лет назад мы с моей супругой смогли свободно приехать в Россию — Россию моего отца. Об этом тоже я помню и думаю почти каждый день.

— **Димитрий Романович, затянувшийся кризис управления страной заставляет соотечественников с интересом и надеждой смотреть на Романовых. Вы ощущаете на себе этот растущий интерес, этот запрос, эту потребность русского народа? Как Вы к этому относитесь?**

— Когда я бываю в русских церквях, монастырях, и люди узнают, что я Романов, они смотрят на меня так, словно я особенный человек. Даже здесь, в гостинице я вижу, что к нам относятся с интересом. Им интересно, как я смотрю на вещи. Они думают, что раз я Романов, то я какой-то очень важный человек? Нет, я, слава Богу, нормальный человек. Я могу поговорить

о русской истории. Но не о политике. Легко критиковать. Но лучше помогать.

Я надеюсь, что мне однажды принесут телеграмму из России, в которой будет сказано: «Димитрий Романович, спасибо за Вашу работу, больше помощь не нужна, у нас всё действует». Бог даст, так и будет! Я не занимаюсь политикой, но говорю всегда всем, кому могу: старайтесь сделать для своей страны что-то хорошее. Может быть, это у меня от моей прапрабабушки — что помогать очень важно. Я надеюсь, что многие из моей семьи думают так же. Мы Романовы? Отлично. Значит, надо делать что-нибудь для России.

Справка

Димитрий Романович родился в 1926 году в Антибе (Франция), где родители находились в эмиграции. Получил традиционное для своей семьи русское домашнее образование. Свободно говорит на русском, датском, немецком, французском, итальянском, английском языках. Много лет работал одним из директоров Датского коммерческого банка.

Унаследовав от своих югославских родственников уникальную коллекцию орденов и медалей, стал пристально изучать нумизматику, писать книги; он ведущий в мире эксперт по черногорским орденам и медалям.

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Валерий Сендеров

На карабахском направлении

Провокации на границе, перестрелки, жертвы, беспрерывные угрозы Алиева-маленького в далёком Баку... Долгие годы всё это можно было не без доли грустной иронии называть учёным термином «статус-кво». Сегодня ситуация изменилась. «Война опять на пороге Карабаха!» Это повторяют разные наблюдатели, разные СМИ.

Такие заявления, впрочем, тоже раздавались не раз. И они тоже были неотъемлемой частью безрадостного статус-кво. Есть ли сегодня основания говорить о каком-либо качественном переломе?

Увы. Возможно — на сей раз есть. Постараемся их перечислить.

Во-первых, сегодня — резкая интенсификация как военных провокаций, так и угроз. «Если дипломатия не справляется — мы вправе, мы готовы установить справедливость другими средствами». Не нужно быть мудрецом, чтобы перевести это на внятный язык. Сегодня такой перевод своих же вчерашних сентенций с успехом осуществляет сам президент Азербайджана. «Завтра мы поднимем свой флаг в Ханкенди!» Не правда ли, разница всё-таки есть? «Знаете ли, мне уже пора позавтракать», — облизывался, поглядывая, Серый Волк. «Сожру!» — по-простому рычит он сегодня.

Во-вторых, изменилась «география» военных провокаций: всё чаще они касаются не только Нагорного Карабаха. Но и «большой» Армении — что даже по бакинским историческим и юридическим представлениям достаточно трудно оправдать. Кстати, именно «антиматериковые» провокации Баку тотчас дали армянам повод заговорить о необходимости российского военного вмешательства. И действующие многосторонние межгосударственные договоры такое вмешательство действительно допускают. Другой вопрос, что на данной стадии конфликта они потребовали бы выполнения формальностей в нереальном объёме... Но эти усиливающиеся разговоры дают представление об обстановке в этой уникальной для России стране.

Впрочем, это всё — далеко не главное. *Ментально* меняются отношения между Западом и Востоком. А ось «Армения — Азербайджан» всегда была точной, хоть и своеобразной моделью этих отношений. И потому понять ситуацию — первостепенно важно для нас.

Две причины долгие годы были практически гарантией против новой карабахской войны. Причины эти простые. Во-первых, войну эту выиграть нельзя. Азербайджанская армия может смять первый ряд укреплений маленькой горной страны. Обойдётся ей это, по самым скромным подсчётам, недёшево. Но не в этом вопрос: во второй укреплённой системе обороны наступление надолго завязнет. А на этой стадии войны в неё уже не могут в современном мире вмешаться «игроки» иного масштаба. И всё дальнейшее будут диктовать именно они. Именно их интересы.

В принципе, здравый смысл не исключает победы сильного напавшего в такой войне. Но одержана она может быть лишь в режиме блицкрига. Поскольку же в Армении и в Карабахе ситуацию эту прекрасно понимают...

Ещё проще вторая причина, долгие годы удерживавшая от войны. Из «больших игроков» войны этой не хочет никто. Ни Европа, ни Америка, ни Россия. Не хотят из соображений корысти. Но не только из-за них. Есть всё-таки стандарты современного мира, не позволяющие безнаказанно вламываться в чужую страну. Да, бывают, в пределах этих же стандартов, двусмысленные и лицемерные «гуманитарные войны». Но Карабах с его прозрачной правовой и выборной структурой властей под эту категорию никак не подходит. И начавший войну станет для всего мира политиком, мягко говоря, неодобряемым. Новым Уго Чавесом — для Вашингтона, Берлина и Москвы. А такого положения и сам великий революционер не пожелал бы.

Кажется, причины вполне основательные. Угрожай. Убивай. Провоцируй. Но вот с масштабной войной — не лезь. Себе же будет дороже.

Почему же сегодня всё это уже не так?

Ну, во-первых, азербайджанская армия стала гораздо сильнее. Экспортные нефтедоллары Баку вколачивает именно в неё. Потому-то эксперты и прогнозируют, в случае войны, её благоприятное для Баку начало.

Но потом — это самое «потом» неизбежно наступит. Сильными армяне бывают далеко не всегда. А вот мозги у них постоянно на месте. Недаром армянская армия гордится сегодня своими беспилотниками — уникальными, созданными здесь, в Армении, не уступающими лучшим мировым образцам.

Здесь есть чем воевать, есть и кому воевать. Но не забудем и про российскую военную базу. Конечно, она — лишь один из элементов армянской обороны. Но для российского читателя расскажем чуть подробнее о ней.

У России немало военных баз — в основном на территории бывшего СССР, есть и в Сирии. Эта база — уникальная. Все норовят содрать с нас побольше. И если вчера было семь миллионов долларов — завтра за то же триста подавай. Все смотрят, кому бы перепродаться: наш родной евразиец Каримов — свежий тому пример.

Ну что ж. Ничего не поделаешь. Так устроен современный мир. Слово бы тех же американцев в мире больше, чем нас, любят.

Базу в Гюмри Россия арендует *бесплатно*: армяне отказались заключать с нами «коммерческий» договор. Политики, может, были бы и не против. Но этого просто *не понял бы* рядовой армянин. Брать с русских деньги — за их же военную помощь? Для любого, кто знает историю наших отношений, это было бы невыносимой дикостью.

Кого посылают на эту базу — провожают с завистью. Хороший климат есть и в других местах; а вот дружественное окружение...

Но будет пока о Гюмри. Поговорим о бегемоте. Опасен он для человека или нет? «Конечно, нет. Он же не питается мясом». — «А если он об этом не знает?» Знают ли бакинские политики, что проиграют эту войну? Ещё вчера, похоже, знали. Как знали и то, что Азербайджан-агрессор без сомнения станет государством-изгоем. Но для того, чтобы понимать всё это, нужен был определённый европейский лоск. Европейский стиль мышления. Престижный вуз за плечами авторитарного президента работал на понимание им сегодняшних реалий. Но бывает момент, когда спадает всё наносное. И проступает подлинная *иноцивилизационная* суть.

«Турция как свет в окошке»

Среди азербайджанских деятелей и экспертов существует святая вера в Турцию как в опору и защитника. Эти люди веруют в то, что связанные военным договором турки всегда и при любом раскладе защитят своих азербайджанских братьев. Они считают, что

Турция могуча и никого не боится. В том числе Анкара обязательно бросит все свои дела и полезет защищать Азербайджан даже от России, если та окажется втянутой в будущий конфликт.

То, что турки — далеко не идиоты и не станут воевать с ядерной супердержавой, способной только тактическим ядерным оружием превратить их в неандертальцев, в Азербайджане не верят. К тому же от сотрудничества с Россией Турция имеет больше прибыли, чем от дружбы с «братьями». Соглашение о взаимопомощи мало что стоит в данной ситуации, и турки быстренько найдут способ устраниваться без особых потерь лица. Мало ли было в истории договоров, которые никто не выполнил?

Но адекватного понимания этих простых истин в Баку, похоже, не хватает. А вот сами турки, несмотря на активную поддержку союзника оружием и обучению его офицеров, после Пятидневной войны посоветовали о войне за Карабах забыть».

<http://www.argumenti.ru/army/n343/183573>

Мобильник, автомобиль, хорошая английская речь... И вдруг исчезает мираж: перед тобой — политик эпохи Блистательной Порты... Помнится недоумение несколько лет назад, когда террористы взорвали в Испании несколько поездов. Ну, Америка, Англия, Россия... Но им-то, кротким испанцам, такое за что? Потом догадались (и по разным признакам подтвердилось). Это же — месть! За роль испанцев в восьмом веке. В окоротившей наступление ислама на Европу битве при Пуатье...

Мы перешли уже в другой регион. Что ж, наблюдатели всё время увязывают воедино события в Иране, Сирии, Закавказье. Посмотрим на ситуацию глобально и мы. Но с несколько необычной — «хантингтоновской» — точки зрения.

Европейца, в частности, россиянина сегодняшней Восток ставит перед выбором небогатым. Светскому авторитарному людоеду противостоит, как правило, исламистский народ. Кого тут поддерживать? Этот самый народ? Организовать ему выборы по английским правилам, дабы он свободно воцарил изуверов-фанатиков? Нет, до такой демократичности мы пока ещё не доевропеизировались. И предпочитаем обычно первый вариант. Да вот беда. Диктаторы Пакистана, Египта — это одно: заслуженные военные, с кастовыми понятиями о чести. А заслуженный партиец Каримов — это нечто другое...

Как же ориентироваться в этом мире? На что в такой ситуации можно нам сделать ставку? Да ни на что, пожалуй. Смотреть по обстоятельствам: что когда хуже. И нерушимо блюсти — маленькие кусочки тверди в болотах Востока. Это необходимо нам, прежде всего нравственно, духовно. «Будь благословенна нога русского солдата, впервые ступившая на нашу землю», — написал великий армянский поэт. Мы не должны забывать об этом.

Из Гюмри сейчас отослали семьи военных. Усилены стрелковые учения; лётчикам увеличено число лётных часов.

Небо над Арменией контролирует Россия.

Екатерина Андреева

Петербург — «парадиз» или «ГУЛag» Петра Великого?

Как среди обывателей, так и среди историков до сих пор устойчиво представление о Петербурге, построенном на костях его первых строителей. Есть основание считать подобное утверждение мифом.

Распространению мифа о «городе на костях» послужили иностранные свидетельства того времени, первым из которых был датский посланник при русском дворе Юст Юль, увидевший Петербург в конце 1709 г. В своих «Записках» за 1710 год он отмечает: «как говорят», при сооружении Петербургской крепости (то есть летом-осенью 1703 г.), погибло 60 тысяч человек, а при строительстве зимой 1703—1704 г. Кроншлота — более 40 тысяч, то есть более 100 тысяч человек за первый год [1].

Наименьшую численность погибших приводит в 1726 г. французский путешественник О. де ла Мотрэ — 30 тыс. за первые два года и 80 тыс. за всё строительство Петербурга. Попавший в русский плен при сдаче Выборгской крепости финляндский швед Л. Ю. Мальм (с 1719 г. — Эренмалм), находившийся на берегах Невы в 1710—1712 гг., говорит о 50—60 тысячах погибших при строительстве Петербургской крепости в первые два года. По свидетельству секретаря прусского посольства при русском дворе И. Г. Фоккеродта, приехавшего в Россию в 1718 г., при возведении дерево-земляной Петербургской крепости «по собственным показаниям русских от голода и болезней» погибло до 200 тыс. человек. Французский дипломат де Лави сообщал в 1717 г. в Париж: «Я слышал от нескольких архитекторов и инженеров..., что он [царь] ежегодно теряет около двух третей людей, употребляемых на эти работы...» Английский путешественник Фр. Дэшвуд в своем «Дневнике» в 1733 г. говорит уже о 300 тыс. человек, погибших при основании Петербурга и Кроншлота [2]. Итак, иностранцы называют общие цифры погибших при возведении Петербурга — от 80 000 до 300 000; за первые два года — от 30 000 до 100 000; ежегодно — две трети от количества работающих. Таким образом, в Европе в то время формировалось мнение о русских как о варварах, не жалеющих человеческие жизни.

Вместе с тем, никто из этих «очевидцев» не был в Петербурге в первые годы его строительства и, следовательно, не мог быть непосредственным свидетелем массовой смертности. Скорее всего, этот уже сложившийся к тому времени миф поведали иностранцам жители города.

Миф о Петербурге, построенном на костях его первых строителей, за триста лет перешёл в литературу, поэзию, кинематограф, с ним соглашалось большинство дореволюционных и особенно советских

исследователей, он даже вошёл в учебники по истории. Первым в приводимых в иностранных нарративных источниках цифрах усомнился ещё в конце XIX в. П. Н. Петров, создавший монументальный труд по истории Петербурга XVIII в.: «Мы увидели по спискам канцелярии строений, из года в год, именные перечни одних и тех же работников, из одних и тех же мест, что доказало жизнь и деятельность их, а не умиранье» [3].

А. В. Предтеченский в середине XX в. утверждал, что «сплошной» смертности среди строителей будущей столицы не было. С. П. Луппов отмечает обычную для того времени высокую заболеваемость и смертность, «когда погибали тысячи людей»; и «попытки» Петра I бороться с большими людскими потерями, в частности, обеспечивая медицинским персоналом и доступными лекарственными средствами [4].

Е. В. Анисимов, с одной стороны, считает преувеличенными сведения Ю. Юля о гибели 100 тысяч человек в первый год строительства Петербурга и Кроншлота, поскольку такого количества людей там просто не было. С другой — полагает, что «отмахнуться от данных, приводимых в мемуарах, нельзя», как и «считать, что большая смертность на стройке — миф и пустые слухи». И заключает: «при такой массе строителей за 15 лет смерть 100 тысяч человек не кажется невероятной» [5].

О. Г. Агеева — единственная, кто полагает, что большой смертности в Петербурге не было. Исследователь выводит свои подсчёты об общей смертности в Петербурге только из одного документа за 1716 г., согласно которому при сооружении будущего Невского проспекта из 3262 работных людей умерло 27 человек, что составляет 0,74 процента. Исходя из этого, О. Г. Агеева находит сообщаемые иностранцами цифры завышенными в 50 и более раз [6].

Интересно, что Ю. М. Овсянников, в своих трудах, посвящённых Доминико Трезини, наоборот, приходит к выводу о большой смертности в Петербурге, также основываясь только на одном документе за тот же 1716 г. Это известное письмо петербургского губернатора А. Д. Меншикова кабинет-секретарю А. В. Макарову о скончавшихся в Петергофе и Стрельне более тысячи работников [7]. Данные, сколько всего человек там трудилось в то время, отсутствуют. Исходя из выявленных С. П. Лупповым сведений о том, что в 1715 г. на строительстве дворцов работали 3000 человек, Ю. М. Овсянников полагает, что и в 1716 г. там было столько же, и приходит к выводу, что скончалась треть работников. Исследователь на этом основании заключает, что на строительстве Петербурга погибал каждый третий работник [8].

Приведённые Ю. М. Овсянниковым и О. Г. Агеевой документы показывают, что даже в один и тот же год данные о смертности одной и той же категории лю-

Е. А. Андреева — к. и. н., ст. научный сотрудник Государственного Эрмитажа

дей сильно отличались, поэтому необходима гораздо большая выборка.

Кажется, всё очень просто. Нужно выявить процентное соотношение, сколько из реально трудившихся в Петербурге работников скончалось. Но не фрагментарно, а системно. Получив необходимые цифры, сравнить их с другими объектами петровского времени. И только после этого можно говорить о том, большая была смертность в Петербурге или нет. Попробуем это сделать применительно к первым десяти годам строительства Петербурга, к тем годам, относительно которых иностранцы и приводят огромные цифры потерь.

С самого начала на строительстве Петербурга трудились квалифицированные [9] и неквалифицированные работники. Подавляющим большинством из них, естественно, были неквалифицированные — «государственные» или работные люди, «посошане», «посох» — как их тогда называли. Посошан набирали из податного населения (государственных, дворцовых, помещичьих, вотчинных и церковных крестьян, а также из посадских жителей). Сезонные работы в Петербурге длились шесть месяцев, с 25 марта (с 1707 г. — с 1 апреля) и до 25 сентября (с 1707 г. — с 1 октября). Работников присылали не сразу всех, а посменно. Вначале в три перемены на два месяца каждая, потом на две перемены по три месяца каждая. После отработки посошанин возвращался домой. Небольшую часть из них в отдельные годы присылали на «зимнее» время: 1000 человек — с середины декабря 1706 г. по середину марта 1707 г., и по 3000 человек в 1709 и в 1710 г. — с 1 февраля до 1 мая.

Квалифицированные работники — мастеровые также набирались из податного населения и разделялись по специальностям (которых было более двадцати и из которых преобладали плотники и каменщики) и по квалификации (мастера, подмастерья, десятники и рядовые). Мастеровых людей присылали не посменно, а сразу на весь сезон. Обычно они трудились в Невской дельте с 1 апреля до 1 октября. Вместе с тем

нередко специалистов присылали на строительство конкретных объектов, вне зависимости от сезона. Если срок постройки объекта невозможно было определить, мастеровых присылали «бессрочно». Например, «бессрочно» следовало прислать 500 плотников на строительство дерево-земляной Адмиралтейской крепости, которая была сооружена за сентябрь–ноябрь 1705 г. [10]

Первая разрядка работных людей в Невскую дельту последовала уже летом 1703 г.: по царскому указу от 30 июня надлежало прислать работников к 20 июля на четыре месяца [11]. Общая численность разрядки в Невскую дельту в этом указе не обозначена, но из писем А.Д. Меншикова и Г.И. Головкина царю следует, что наряд был выполнен. К концу августа численность строителей крепости составила около 20 тысяч человек, основную часть работников составляли солдаты оставшихся в Невской дельте после завоевания Ниеншанца полков, которых насчитывалось примерно 14—14,5 тысяч человек, значит, разрядка посошан в 1703 г. находилась в пределах 5—6 тысяч человек. В отличие от работных людей, разрядки мастеровых в Невскую дельту в первый год не было: отдельные специалисты либо присылались, либо направлялись из находившихся в Невской дельте полков [12].

В обеспечении будущей столицы рабочей силой можно выделить два этапа:

I. 1704—1706 гг. В эти три года существовала разрядка как посошан, так и мастеровых не в один Петербург, а на три города Ингерманландской (с 1710 г. — Санкт-Петербургской губернии) [13] — в Шлиссельбург, Петербург и Нарву. В Петербург направляли половину от общего наряда посошан и небольшое количество мастеровых.

II. С 1707 г. разрядка посошан следовала только в Петербург, и практически весь наряд мастеровых направлялся в Петербург и его окрестности.

Нами выявлены указы за все годы о разрядке посошан в Петербург. Данные сведены в таблицу [14]:

Год	Наряд	Количество перемен	Численность работных людей в одну перемену
1704	20 000	3	6666
1705	20 000	3	6666
1706	23 000	3	7666
1707	30 000	2	15 000
1708	40 000	2	20 000
1709	40 000	2	20 000
1710	48 928	2	24 464
1711	30 448	2	15 224
1712	на Петербург — 28 800, на о. Котлин — 3000. Всего 31 800	2	в Петербурге — 14 400; на о. Котлине — 1500

Итак, если сложить указанную численность за все годы, то выходит, что в 1704—1712 гг. в Петербург назначалось прислать 284 176 человек. Прибавим сюда установленную численность разрядки на 1703 г., выходит около 300 тысяч человек.

А что же в реальности? Выполнялись ли эти указы?

Сведения о фактической присылке посошан в Петербург выявлены за 1709, 1711 и 1712 гг., установлено также количество присланных работников из Архангелогородской губернии (в 1707—1709 гг.) и из Московской губернии в 1710 г. Эти данные сведены в таблицы:

Присылка посошан в Петербург (весь наряд)

Годы	Разрядка	Фактическая присылка	%
1709	40 000	21 450	54%
1711	30 448	25 272	83%
1712	31 800	20 372	64,06%
Средний процент:			65,61%

Присылка посошан в Петербург (по отдельным губерниям)

Годы	Губернии	Назначено	Выслано	Проценты
1707	Архангелогородская	6234	5913	95%
1708	Архангелогородская	7321	4015	54,8%
1709	Архангелогородская	6508	1287	20%
1710	Московская	15 816	12 063	54%
Средний процент:				64,87%

Сопоставив эти сведения с указанной численностью, увидим, что в среднем наряд выполнялся на 65%, что составляет 185 тысяч человек.

Помимо посошан здесь, как говорилось выше, трудились и мастеровые. Попробуем их подсчитать. Согласно выявленным царским указам, общая раз-

рядка в три города — Петербург, Шлиссельбург и Нарву — за 1704—1711 гг. составила 17 286 человек.

Выявленные данные об указных и реально присланных в Ингерманландию мастеровых сведены в таблицу [15]:

Годы	Наряд	Присылка	%
1704	1000	721	72,10%
1705	2000	1322	66,1%
1706	2000	1373	68,5%
1707	2000	—	—
1708	2000	—	—
1709	2000	1637	81,85%
1710	2600	—	—
1711	3686	2969	80,55%
Всего:	17 286	—	75%

Итак, указы о присылке мастеровых в 1704—1711 гг. в среднем были выполнены на 75% (на 10% больше, чем по посошанам). Из них в Петербурге работали: в 1704 г. — 100 человек, в 1705 г. — 50, а с 1706 г. — основная часть мастеровых. Следовательно, в 1704—1711 гг. будущая столица возводилась силами приблизительно 11 тысяч специалистов.

В 1711 г. была последняя разрядка мастеровых в Петербург. Начиная с 1712 г., новую российскую столицу возводили квалифицированные работники, переселенные на Невские берега на постоянное жительство. В 1712 г. их численность составляла 1095 человек. Таким образом, в первые десять лет Петербург строился силами приблизительно 12 тысяч мастеровых.

Помимо работных и мастеровых людей к работам периодически привлекались солдаты, которых, к примеру, в 1704 г. насчитывалось 249 человек. С 1710 г. был сформирован Батальон городских дел, численность которого составляла 500 урядников и солдат. Помимо них при необходимости к работам привлекались и другие солдаты. Так, петербургский обер-комендант Р.В. Брюс в декабре 1711 г. определил к сооружению Литейного двора 500 солдат. С 1710 г. к петербургским работам были привлечены шведские пленные, которых в тот год насчитывалось в ведомстве Канцелярии городских дел 650 человек. В следующем году на работы в Невскую дельту было прислано еще 384 человека. В 1712 г. сюда было прислано еще около тысячи пленных. С 1711 г. в Петербурге появляются наёмные работники численностью 900 человек, которые трудились на кирпичных заводах [16]. Перечисленные категории, как показано выше, не были многочисленны и за первые десять лет, по всей видимости, составили примерно 5—6 тысяч человек. В качестве неквалифицированной рабочей силы использовались также каторжники, но их численность не удаётся установить.

Итак, при общем подсчёте трудившихся в Петербурге в первые десять лет получается **около 220 тысяч человек**. Следовательно, свидетельства иностранцев о 200 или 300 тысячах погибших в первые годы строительства Петербурга не могут соответствовать действительности.

Какова же была смертность в Петербурге?

Исследователи, пытавшиеся выявить число скончавшихся на работах в Петербурге сталкивались с одной сложностью, которую отмечает Е.В. Анисимов: «проверить и систематизировать сведения о причинах гибели людей, как и вообще дать сводные данные о потерях работных, практически невозможно», поскольку о смертности в Петербурге сохранились только «отрывочные, краткие данные» [17].

Действительно, при выявленном нами обилии делопроизводственных документов о разрядке и присылке работников в Петербург сведения о скончавшихся оказались скудны. Вряд ли именно данные о погибших были утрачены. Или их не было? Сопоставляя данные шести ведомостей за 1711 г. о присылке работников в Петербург [18], удалось установить, что губернии не должны были присылать работников взамен умерших. Восполнялся некомплект только взамен недопоставленных изначально, сбежавших по дороге в Петербург или уже в самом городе, и заболевших. Именно поэтому нет сводных ведомостей по скончавшимся в Петербурге работникам.

Ниже представлены все выявленные сведения о скончавшихся, а также о заболевших работниках за 1703—1712 гг.

В 1703 г. за строительство дерево-земляной крепости на Заячьем острове перед царём отвечали губернатор края А.Д. Меншиков и будущий вице-канцлер Г.И. Головкин. Из их отчётов Петру I узнаём, что из-за холодной и ветреной погоды среди строивших крепость солдат и работных людей было много забо-

левших, но сведений о скончавшихся в этих отчётах нет [19].

За 1704 г. выявлены данные только по Шлиссельбургу. Согласно ведомости от 6 апреля, из доставляемых с Олонецкой верфи 190 работников Пошехонского уезда скончался 1 (1,9%), заболели 12 (22,8%) и «лежат в розных деревнях». К 9 мая, то есть за первые полтора отработочных месяца, из 1267 работников заболели 272 (21,47%), скончались 38 (3%). К 19 июля, то есть к концу второй смены [20] из 1525 пососан, присланных из Каргополя, Белоозера и Ржевы Володимировой больных было 610 человек (40%), умерли 202 (13,25%); из 808 каменщиков хворали 237 (29,33%), 46 умерли (5,69%); из 375 кирпичников заболел 101 человек (26,93%), скончались 36 (9,60%). Эти, одни из самых больших, встречающиеся в документах проценты заболевших и скончавшихся связаны с локальным неурожаем зерновых, случившемся в Пошехонском, Белоозёрском, Олонецком уездах. Поскольку города и уезды должны были обеспечивать своих работников провиантом, то, к примеру, новгородские пососане были в тот год обеспечены провизией, а пошехонские и белозёрские из-за её отсутствия не работали и «скинулись по миру». Вот цитата из письма шлиссельбургского коменданта В.И. Порошина губернатору от 8 августа: «А хлебных анбаров отделявать некому потому что... которые олонцекие работники те ан[б]ары строили и те все бежали а [по]шехонцы заскорбели...» [21]

В 1706 г. из 529 плотников Петербургского адмиралтейства скончался один человек (0,19%), болели 33 (6,24%) и ещё пятеро находились в бегах (0,95%). Представление о заболеваемости в Невской дельте в то время может дать «Именная роспись полкам Ингерманландской провинции», поскольку, как уже отмечалось, солдаты привлекались к работам, да и условия их жизни были примерно такие же, как и у работных. В первую очередь к работам привлекались урядники и солдаты Петербургского гарнизона, состоявшего из трёх полков: губернатора А.Д. Меншикова, обер-коменданта Р.В. Брюса и И.Д. Гамильтона, и насчитывавшего 4361 человека, из которых заболевших (включая раненых) было 12—15%. Кроме того, здесь находились три пехотных полка — коменданта Петербургской крепости А. Шарфа, П. Островского и Ф. Толбухина численностью 1838 человек, заболеваемость в которых составляла от 5 до 7% [22].

В 1708 г. из 1400 астраханских работных людей, трудившихся в Адмиралтействе, больных было 400 человек (28,57%) [23].

Из присланных в 1709 г. 10 734 пососан заболевших и скончавшихся было 1428 человек (13,30%). В это число не включались присланные на работы в Невскую дельту 2229 татар, чувашей и мордвинцев, из которых больных было 1009 (45,27%), скончались 417 (18,71%). Глава Канцелярии городских дел, в чьё ведомство они поступили, обер-комиссар У.А. Сенявин в донесении губернатору отмечал их «самоскудость», вследствие которой выдал им денежное жалованье за прошедшие полгода из денег работных людей [24],

то есть их большая заболеваемость и смертность была связана с отсутствием присланного на них провианта.

В 1709 г. в Лифляндии появилась «морозная язва» (чума), продолжавшаяся и в 1710—1711 гг. До Петербурга морозное поветрие не дошло благодаря срочно принятым мерам предосторожности — таким, как выставление застав, проведение карантинных мероприятий, запрет на передвижение и т.д. Губернатор в это время пристально следил за состоянием здоровья жителей «парадиза», о чём говорят донесения к нему подчинённых. Так, согласно составленной доктором Ф.Г. Шнедлером именной росписи петербургских больных «мужеска и женска полу», на 5 октября 1710 г. заболевших было 85 человек, среди болезней чаще других назывались «огневая» и лихорадка. Что же касается сезонных работников, то на 3 августа 1710 г. из 1335 человек заболело 79 (5,92%). Из зимней смены к 15 декабря от «огневой болезни» скончалось два пососанина, болели семеро татар и пососан. Из солдат в ноябре 1710 г. в Петербурге скончалось 15, в Шлиссельбурге 11 человек.

Работники умирали не только в самом городе, но ещё по дороге в Петербург. Документы 1711 г. фиксируют эти потери: 67 человек (из них 43 в первую перемену), что составляет 0,26% от 25 272 присланных в тот год работников. К началу сентября из 2 448 пососан и татар, трудившихся в петербургском Адмиралтействе, больных было 335 человек (13,68%); из 1005 плотников хворых значилось 45 человек (4,47%). По ведомости от 25 сентября 1711 г. на адмиралтейских работах скончалось 22 человека. Известно, что в тот год здесь трудились 1005 плотников, тогда процент от 22 скончавшихся составит 2,1%, но, скорее всего, здесь трудились и мастера других специальностей.

По донесению главы Канцелярии городских дел У.А. Сенявина, в 1711 г. 34 каменщика и кирпичника были присланы в Петербург «болные и дряхлые», кроме того, часть мастеровых заболела уже в самом городе «и по свидетельству лекарей, вылечить их невозможно». Эти 34 человека составляют 1,14% от всех присланных в Петербург 2969 мастеровых и 2,8% от прибывших на невские берега 1210 каменщиков и кирпичников. Причём неизвестно, сколько из них были старыми, сколько заболели по дороге, а сколько в самом городе. В 1711—1712 гг. из 2210 присланных в Петербург на постоянное место жительства мастеровых умер 61 человек (2,76%) [25].

Из цитированных выше документов видно, что сведения о смертности есть только за отдельные годы и почти всегда по небольшой части присылаемых работников, поэтому невозможно с высокой точностью подсчитать, сколько людей погибло на строительстве Петербурга в 1703—1712 гг. Средний процент смертности, по нашим подсчётам, составил 6—8%. Исходя из установленной реально численности трудившихся в Петербурге различных категорий работников — 220 тысяч — получается, что количество погибших в первое десятилетие существования Петербурга составило 13—17,5 тысяч человек. Таким образом, полученные данные подтверждают существующее в историогра-

фии, но не имевшее ранее документального обоснования мнение о том, что приводимые в иностранных описаниях цифры скончавшихся в Петербурге работников чрезвычайно завышены.

Безусловно, цифра 13—17,5 тысяч скончавшихся кажется очень большой, но сравним эти сведения с положением дел в те же годы на других объектах.

Известны данные о заболеваемости и смертности на воронежских верфях. Согласно письму адмиралтейца Ф.М. Апраксина царю в сентябре 1703 г., там из 350 плотников хворых было 270 человек (77%). Ф.М. Апраксин здесь же отмечал: «Воистину, Государь, и нам не без страха между таких многочисленных болезней, а и мёртвых с довольством». Большая заболеваемость и смертность были вызваны тяжёлым и непривычным для русских климатом, который ощутил на себе и сам адмиралтеец, сообщавший: «А и сам лежу, тому уже 4 недели не вставал с постели». Он предлагал решить этот вопрос присылкой 400 украинских плотников, поскольку «замосковные... коль скоро придут дни 3 или 4 помешкают и станут немочь». Но, по всей видимости, его просьба не была удовлетворена, так как в 1705 г. только за один месяц — с 1 июля по 3 августа — там из 1 098 плотников скончались 549 человек, то есть 50% [26]. Вывод очевиден — смертность в плохом климате в Петербурге была на порядок ниже, чем на воронежских верфях.

Иностранцы приводят цифры больших людских потерь при строительстве таганрогской крепости. Так, ганноверский резидент Ф.Х. Вебер отмечает: «Люди, знающие основательно это дело, уверяют, что при возведении крепости в Таганроге у Чёрного моря погибло более 300 000 крестьян...» [27] Но, в отличие от Петербурга, это не послужило рождению мифа о «Таганроге — крепости на костях».

Что же послужило зарождению легенды? Нам удалось выявить две основные причины.

Первая — это большая заболеваемость работников в первый год.

Здесь не было эпидемии чумы или тифа, не упоминается и «огневая» или лихорадка, характерные для гриппозных состояний или сыпного тифа. В документах значатся главным образом цинга и дизентерия [28]. Цинга в то время была народным бедствием, сопровождала войны, считалась заразной болезнью и уносила тысячи жизней во всех странах. Основные причины возникновения цинги — голод и однообразная пища. На Руси в XVI в. против цинги применялся настой хвои. В XVII в. в Аптекарском приказе для борьбы с этой болезнью заготавливали плоды шиповника. Для лечения цинги также использовали кислую капусту, клюквенный сок, чеснок, пиво с хреном и т.д. В Европе и России цинга перестала быть бедствием только к концу XVIII — началу XIX в. [29]

Какие же меры власти принимали для снижения заболеваемости, и каковы были в то время возможности и средства для их лечения?

Петр I, столкнувшись с проблемой большой заболеваемости среди работников и, вероятно, усмотрев в этой ситуации угрозу своим замыслам, в тот же год

попытался её решить. И уже в конце лета 1703 года в Невскую дельту были присланы первые лекарства [30] и 500 ведер (6149,5 л) уксуса (его применяли для борьбы и с цингой, и с дизентерией) [31].

Учтя неудачный опыт первого года и стараясь в дальнейшем предупредить большую заболеваемость среди посолан, царь уже в августе 1703 г. отдаёт распоряжение Г.И. Головкину купить на следующий год в низовых городах на 40 тыс. работных людей (то есть на весь ингерманландский наряд) рыбьего жира «на семь недель», который последний и закупал [32].

С началом рабочего сезона 1704 г. Петр I распорядился провиантмейстеру И.П. Бестужеву-Рюмину отпустить «для спиртного сиденья» в гарнизонную аптеку и «на дело лекарств» её управляющему И. Левкенсу 40 вёдер (492 л) вина. В целях борьбы с дизентерией И. Левкенс изобрёл водку, настоянную на сосновых шишках, которая продавалась по 4 рубля 32 копейки за ведро (12,299 л). В 1705 г. в Петербурге было продано 231,5 ведра (2847,22 л) этой водки [33].

Вторая причина — это обнаруженные при строительных работах в конце 1710—1720-х гг. человеческие кости, которые принимались в то время за останки первых строителей Петербурга. Например, О. де ла Мотрэ отмечает, что при строительстве дома английского купца Г. Эванса на углу Невского проспекта и Фонтанки «было найдено множество черепов тех несчастных людей, что погибли при рытье этого протока». Вместе с тем в результате проводившихся под руководством П.Е. Сорокина археологических раскопок возле дворца Шереметевых (наб. р. Фонтанки, д. 34) было обнаружено кладбище XV–XVI вв. Вероятно, в описанном О. де ла Мотрэ случае тоже были обнаружены захоронения допетровского времени, принятые за могилы первых строителей Петербурга и отчасти породившие миф о костях, на которых был возведён город [34].

Согласно изысканиям П.Е. Сорокина, на территории, где возводился Петербург, находилось много ранних кладбищ: на месте, где был основан Александр-Невский монастырь, при впадении Охты в Неву (на месте бывшего шведского города Ниена), в западной части Васильевского острова (возле чухонских деревень). В результате археологических раскопок ещё второй половины XIX в. были обнаружены погребения на Васильевском острове: по берегам Малой Невы и Смоленки. Причём выявлено, что на берегу Малой Невы в районе Биржевого моста с XV в. находилось крупное поселение; естественно, рядом располагалось кладбище [35]. Так что действительно можно утверждать, что Петербург — город на костях. Вот только история появления этих костей часто другая — не имеющая отношения к строительной деятельности Петра Первого.

Вместе с тем, выявленные археологами захоронения первых жителей Петербурга напоминают скудельницы — массовые захоронения, к которым прибегали во время неожиданно большой смертности населения: моров (эпидемий) или военных действий. П.Е. Сорокин установил несколько признаков, харак-

теризующих погребения раннего Петербурга: 1) они коллективные; 2) без гробов; 3) тела зарыты на небольшой глубине; 4) расположены вдали от храмов (на неосвящённой земле). И пришел к выводу, что эти погребения делались по законам военного лагеря, а не русского поселения того времени [36].

Характер выявленных погребений подтверждает свидетельство немецкого автора описания Петербурга, бывшего на невых берегах в 1710—1711 гг., о том, как хоронили в то время: «Со смертью бедных простолюдинов не соблюдают особых церемоний. Завернутое тело в рогожу, привязывают двумя верёвками к жерди, и затем два человека его уносят или увозят в санях, как я видел собственными глазами, совершенно нагим, и хоронят без песнопений, колокольного звона и провожающих» [37].

Однако подобный способ захоронения простолюдинов характерен и для Петербурга последующих лет, например, времён Анны Иоанновны. Так, находившийся в Петербурге в 1736 г. датский путешественник П. фон Хавен отмечает: «Похороны и проводы умершего простого человека... обычно не производят большого впечатления... я часто наблюдал, как лишь два парня приходили с телом, неся его на плечах на доске почти совершенно нагое, примерно так же, как носят муку к пекарю... Однажды два парня в обычной рабочей одежде так притащили тело... положили... в пустынном месте на берегу реки, забросали его землей, а поскольку голова высывалась из-под земли, они сломали шею и наконец с большим трудом зарыли её в землю. На следующий день они снова пришли туда и понесли тело дальше на кладбище...» [38] В то время уже не было угрозы шведского нападения, кроме того, местность была достаточно обжитой, да и смертность работников стала намного ниже, чем в первые годы существования новой российской столицы. Значит, подобный способ захоронения объясняется прежде всего небольшой ценностью человеческой жизни в то время.

* * *

Таким образом, быстрота создания Петербурга напрямую зависела от наличия значительного количества здоровой и трудоспособной рабочей силы. Работников с большим трудом удавалось собрать в губерниях, доставить в Петербург, часть их сбегала и по дороге, и в самом городе, так что каждый был в цене, поэтому царю приходилось заботиться об их здоровье и даже поставлять для них рыбий жир и другие лекарства.

Пётр Великий возводил «парадиз», «рай земной», как он его называл, будущую столицу своего обновлённого реформированного государства, а не создавал на берегах Невы концентрационный лагерь. Утверждение, что город построен на костях его строителей, при внимательном рассмотрении источников является мифом, возможно, и выгодным для некоторых последующих правителей нашей страны. Этот миф исторически оправдывал их пренебрежение к человеческой жизни ради достижения поставленной задачи.

1. Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: 1709—1711 // Лавры Полтавы: Юст Юль, Оттон-Антон Плейер. М., 2001. С. 153. О 100 тысячах погибших говорят также: немецкий путешественник, находившийся в Петербурге в 1710—1711 и в 1717—1718 гг.; ганноверский резидент Ф.-Х. Вебер; шотландский военный на русской службе П. Г. Брюс, впервые оказавшийся в Петербурге весной 1714 г.; а также датчанин П. фон Хавен, путешествовавший по России и находившийся в Петербурге в 1736—1737 гг. (*Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 49, 26—27, 104; Описание... столичного города С.-Петербурга... / Пер. с нем. Е.Э. Либгаль, предисл., науч. ред. и коммент. С.П. Луппов // *Белые ночи*. Л., 1975. С. 205; *Хавен П. фон.* Путешествие в Россию // *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: Блиц, 1997. С. 351).
2. Донесения французских посланников и поверенных в делах при Русском дворе. Повеления правительства и отчёты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов, находившихся во Франции. Часть 1. 1681—1718 г. // Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1881. С. 223; *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I... С. 21, 80; *Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоганна-Готтлифа Фоккеродта / Перевод А. Н. Шемякина // Неистовый реформатор: Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000. С. 79; *Дэивуд Фр.* Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны... С. 56, Прим. 27. С. 73; *Беспярых Ю. Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмалм). СПб.: Блиц, 1998. Прим. 5 к гл. 2. С. 397—398.
3. *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления, по учреждениям о губерниях. 1703—1782. Переизд. М., 2004. С. 21—22.
4. *Претеченский А. В.* Население и быт Петербурга // Петербург петровского времени. Л., 1948. С. 130; *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 94—96.
5. *Анисимов Е. В.* Юный град: Петербург времён Петра Великого. СПб., 2003. С. 105—106, 109.
6. *Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 79—81.
7. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. I. Кн. 28. Л. 86. Цит. по: *Луппов С. П.* История строительства Петербурга... С. 94.
8. *Овсянников Ю. М.* Доминико Трезини. Л.: «Искусство», 1987. С. 34.
9. В исторической литературе применительно к первому десятилетию существования города об этой категории работников говорится только в связи с указом 1710 г. о переселении 4720 мастеровых разных специальностей в Петербург на постоянное проживание. Складывается ощущение, что до 1710 г. квалифицированных работников здесь не было. (См., напр.: *Луппов С. П.* История строительства Петербурга... С. 85; *Семёнова Л. Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С. 37—38).
10. *Андреева Е. А.* Начало строительства Петербурга: Обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703—1712 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. (Архив СПбИИ РАН. Фонд диссертаций). С. 258—259, 263—265.
11. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5886. Ст. 1.
12. *Андреева Е. А.* Начало строительства Петербурга... С. 144—151, 261—262.
13. Ингерманландская губерния была создана 18 октября 1702 г., её главой стал А. Д. Меншиков, первоначальным центром — Шлиссельбург. Эта губерния стала своеобразным экспериментом, на основе которого в 1707—1709 гг. была проведена губернская реформа, поделившая страну на 8 губерний (*Андреева Е. А.* Рождение Петербурга / художник А. А. Тронь. СПб., 2011. С. 58—61).
14. *Андреева Е. А.* Начало строительства Петербурга... С. 116—142.
15. *Андреева Е. А.* Квалифицированная рабочая сила на строительстве Петербурга (1703—1712 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXII: Петровское время в лицах — 2006. СПб., 2006. С. 5—19.
16. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 5—5 об.; РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 10а. № 42. Л. 190; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 95. Л. 1—11; Д. 3538. С. 484; Д. 4822. Л. 2 об.; *Семёнова Л. Н.* Участие шведских мастеровых в строительстве Петербурга (первая четверть XVIII в.) // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.: Сб. ст. Л.: «Наука», 1970. С. 273; *Андреева Е. А.* 1) Начало строительства Петербурга... С. 111—256; 2) Шведские строители российской столицы // Полтава: Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Сальчевой, Л. Юнсон. М.: РГГУ, 2009. С. 139—154.
17. *Анисимов Е. В.* Юный град... С. 107.
18. Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 4437. Л. 1; Ед. хр. 4438. Л. 2; Ед. хр. 4460. Л. 2; Ед. хр. 4578. Л. 1; Ед. хр. 4592. Л. 1; Ед. хр. 4645. Л. 1.
19. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 2. Л. 911—912, 927; ПиБПВ. СПб., 1889. Т. II. Прим. к № 564. С. 607; Прим. к № 567. С. 612; Прим. к № 568. С. 612—614; Прим. к № 571. С. 625.
20. Вторая смена работала с 25 мая до 25 июля.
21. РГВИА. Ф. 13095. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 1—3; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 330. Л. 2—2 об.; Ед. хр. 384. Л. 2; *Желябужский И. А.* Дневные записки И. А. Желябужского // Рождение империи: Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев. М., 1997. С. 96; *Священник Словцов.* Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России // Сборник статистических сведений о России. СПб., 1858. Кн. III: С. 469, 491—493; *Дуров И. Г.* Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра великого. Н. Новгород, 2002. С. 210.
22. Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 894. Л. 1—8 об.; *Семёнова Л. Н.* Рабочие Петербурга... С. 60.
23. ПиБПВ. Т. VIII. Вып. 2. Прим. к № 2549. С. 579.
24. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 10. Л. 750; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 3223. Л. 4.
25. Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 3890. Л. 1—5; Ед. хр. 3732. Л. 1—2; Ед. хр. 3978. Л. 1—1 об.; Ед. хр. 4037. Л. 1; Ед. хр. 4602. Л. 1—2; Ед. хр. 4602. Л. 1—2; Ед. хр. 4639. Л. 4; Ед. хр. 4650. Л. 7; ДППС. Т. II. Кн. I. № 506. С. 410; Кн. II. № 759. С. 216—217.
26. История русского флота. Период Азовский / Сост. С. И. Елагин. СПб., 1864. Приложения. Ч. II. Приложение IV. № 117. С. 18; МИРФ. Ч. III. Отдел IV. № 12. С. 501; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Ед. хр. 4. Л. 26—26 об.
27. *Вебер Ф. Х.* Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1119. Такое же количество погибших приводит секретарь прусского посольства в Петербурге И. Г. Фоккеродт (*Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом... С. 82).
28. ПиБПВ. Т. II. Прим. к № 571. С. 625.
29. *Петров Б. Д.* Очерки истории отечественной медицины. М., 1962. С. 210; *Куприянов В. В.* Из истории медицинской службы на Русском флоте: По материалам архивов и по страницам трудов доктора флота А. Г. Бахарахта. М., 1963. С. 62—68; *Будко А. А., Шабунина А. В.* История медицины Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 2002. С. 131—132.
30. В документе не указывается характер этих лекарств.
31. РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 14.
32. ПиБПВ. Т. II. Прим. к № 514. С. 529. Содержащий витамины А и D рыбий жир применяется: внутрь — для профилактики и лечения цинги и авитаминоза; наружно как антисептик при различных нагноениях, ранах и ожогах.
33. РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Кн. 11. № 64. Л. 740; *Чистович Я. А.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. С. 570; *Боже-рянов И. Н.* Первые годы существования С.-Петербурга // *Боже-рянов И. Н., Никольский В. А.* Петербургская старина: Очерки и рассказы. СПб., 1909. С. 8.
34. *Мотрэ О. де ла.* Из «Путешествия...» С. 227; *Сорокин П. Е.* Освоение Нижнего Приневы в допетровское время // Приневы до Петербурга: Сборник научных статей. СПб., 2006. С. 26—27.
35. *Сорокин П. Е.* О захоронениях начала XVIII века в центре Петербурга // Петровское время в лицах. — 2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 202—207.
36. Там же. С. 207.
37. Точное известие... С. 62; См. об этом также: *Сорокин П. Е.* О захоронениях начала XVIII века... С. 205.
38. *Хавен П. фон.* Путешествие в Россию. С. 324; *Беспярых Ю. Н.* Введение // Там же. С. 22—23.

Список сокращений:

1. Сб. РИО — Сборник Русского Исторического Общества
2. РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва
3. СПбИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.
4. ПиБПВ — Письма и бумаги императора Петра Великого (издание)

5. РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва
6. ДППС — Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого (издание)
7. МИРФ — Материалы для истории Русского флота (издание)

Примечание члена редколлегии А. Б. Горянина

К замечательному и почти исчерпывающему исследованию Е. А. Андреевой (особенно важны сводные таблицы) можно добавить следующее. Из «доношения» обер-комиссара Канцелярии городских дел Ульяна Сенявина следует, что в 1712 году из 2 210 присланных в Петербург ремесленников умерли 61, а 46 оказались «дряхлыми за старостью». Это «доношение» цитирует Ольга Гениевна Агеева в той самой книге, на которую ссылается и Е. А. Андреева. Легко вычислить процент смертности в этой группе ремесленников, явно не юношей: 2,76%. Принципиально важно, что это близко к коэффициенту смертности среди взрослых в наши дни в Конго, Бурунди, Либерии и ещё в ряде стран — притом что в них не идёт война, население получает необходимые прививки и не трудится на строительстве новой столицы.

Из бумаг князя А. М. Черкасского видно (цитирую по: Буровский А. М. Петербург как географический феномен. — СПб. 2003, с. 67), что в 1717 году на 32 тысячи рабочих числилось 1 000 больных (три процента и, естественно, не все они умерли) и 3 200 кашеваров (по одному на 10 едоков!). Причем 1717-й — последний год, когда привлекались рабочие по развёрстке. После этого город строили в основном уже вольнонаёмные, и это концептуально значимый факт. Но вольнонаёмных было немало и на первой стадии — на «великую

стройку» люди стремились попасть ради хорошего заработка, особенно каменщики (редкая тогда специальность), печники, плотники, кровельщики, столяры, мостовщики, возчики. А ещё Петербург был магнитом для беглых всякого рода — и до 1717 года, и после. Нуждаясь в рабочих руках, петербургские власти делали вид, что принимают беглого за оброчного.

На этом фоне действительно массовой выглядит упомыная Е. А. Андреевой смерть тысячи с лишним строителей Ораниенбаума и Стрельны летом 1716 года. Аномальность цифры заставляет предположить в качестве причины гибели этих людей какую-то эпидемию.

Крайне любопытно наложение мифа на миф. Знаменитый между двумя мировыми войнами французский писатель и путешественник Люк Дюртен (Luc Durtain, 1881—1959) писал о тогдашнем Ленинграде в своей книге «Балтика» (1928): «Возведение города из камня унесло больше человеческих жизней, чем земляные работы в Версале». У французских читателей 80 лет назад мерилом был именно Версаль, при строительстве которого действительно погибло много народа, что во время французской революции 1789 года было поставлено в особую вину французским королям, а число погибших было преувеличено до пределов вероятия — совсем как в случае с Петербургом. Но смертность простых людей три века назад вообще была высока во всём мире — что в Версале, что в Петербурге. Причём конкретно в Петербурге, на пустынном краю империи, рабочих отчаянно не хватало и их берегли, о чём пишет, в частности, Е. А. Андреева.

Игорь Чубайс

Стояние на Совке

ИЛИ ДОЛГОЕ ЭХО ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ТРАГЕДИИ

Советско-постсоветские преобразования, как правило, сворачиваются «в самый интересный момент», возвращая процесс в исходную точку. Ещё незабвенный Черномырдин иронизировал — какие бы заводы мы ни строили, в конце конвейера всегда появляется автомат Калашникова.

Так, за две недели до снятия Ленинградской блокады тогдашний председатель исполкома Попков распорядился вернуть исторические названия двадцати улиц города. Проспект 25-го Октября вновь стал Невским. Между тем процесс возвращения имён неспешно продолжается до сих пор. Месяц назад питерские друзья попросили принять участие в электронном голосовании о возвращении ещё тридцати топонимов Северной столицы... Но если 70 лет власти решают один и тот же вопрос, значит, речь идёт не о решении, а об его имитации.

Похожая ситуация складывается с останками царской семьи. После долгих публичных споров часть останков упокоена в Петербурге, в Петропавловской крепости, правда, в отдельном от других императорских захоронений зале. Подлинность останков детей — Алексея и Марии — доказана двумя генетическими экспертизами, результаты представлены в РПЦ и администрацию президента в 2008 году, но никакого ответа от них не последовало. Часть церковных иерархов продолжает дискуссию о подлинности, а уцелевшие косточки мучеников поддесятилетия пребывают в холодильнике. Если бы царевич Алексей чудесным образом воскрес и свидетельствовал, и тогда бы нашлись именитые сомневающиеся и спорящие.

Советско-постсоветское государство принято сравнивать «со всем цивилизованным миром». А как это происходит «там», как «они» относятся к своей и чужой истории? Лет пятнадцать назад англичане обратились к Каиру с просьбой пред-

ставить для экспозиции на короткое время мумию фараона. Египтяне согласились с условием: когда самолёт приземлится в Лондоне, его встретит почётный караул и будет поднят египетский флаг, ибо речь идёт хотя и о мумии, но руководителя государства. Британцы с пониманием приняли поставленные условия.

А вот у нас подобная цивилизованная логика пока не работает. В начале июля президент Путин, выступая в Совете Федерации, признал, что поражение России в Первой мировой — результат национального предательства. Большевики заставили Россию «проиграть» проигравшему. Уже в декабре 17-го года Совнарком перестал выплачивать денежное довольствие офицерскому корпусу воюющей армии. А в марте 18-го Ленин подписал Брестский мир и сдался Германии, которая спустя несколько месяцев признала своё поражение в войне с Антантой. Между тем, останки нацпредателя по-прежнему пребывают в самом сердце Российской столицы, а его имя носят сотни городов и проспектов!

Перечень очевидно абсурдных ситуаций легко продолжить, сложнее другое — признать, что выход из тупика необходим, и он существует. Начать можно с возвращения страны в правовое пространство, которое Советская Россия покинула в ноябре 1917 года. (Именно тогда был принят декрет,

отменявший действие всего корпуса российских законов, а в 1992 году нас объявили правопреемниками СССР.) Вернувшись к правовым нормам, мы перестанем быть страной, в которой убийство главы государства не вызывает никаких юридических последствий. Ведь невиновность Николая II официально признана, преступление есть, а наказания — нет. Собственно, подобная антиправовая практика повторяется регулярно. В Москве восстановлен Храм Христа Спасителя, но расследование в отношении тех, кто взорвал святыню в 1931 году, не проводится. И после этого мы слышим аргументы — «не смейте называть Сталина преступником, его никто никогда не судил». Но как судить, если российская судебная система в России не действует! Жить и дальше, «под собою не чуя страны», невозможно, необходимо от «и дальше века длящегося дня» перейти в день завтрашний! Такие выводы мне кажутся актуальными в годовщину бессудного расстрела в Доме Ипатьева.

Июль 12

P.S.: В исходную точку возвращаются не только начинаемые государством реформы, но и их оценка иностранными партнёрами; американцы отменяют поправку Джексона-Вэника, но ей на смену идёт «закон Магнитского».

Василий Ласкавый

Погодный фактор в советско-финской войне

Климатический фактор является одним из определяющих факторов в истории. На протяжении всей истории войн погода была одним из решающих факторов, обеспечивавших победу или поражение той или иной стороне, но чаще всего — дополнительные потери и трудности обеим сторонам, а победу одерживала та из сторон, которая была более приспособлена к данным погодным условиям и лучше умела ими пользоваться. При этом погодными условиями (генерал Мороз, генерал Распутица и т.д.) проигравшие стороны зачастую оправдывали своё поражение.

Научный интерес к роли погоды в войне усилился уже после Отечественной войны 1812 г. Уже тогда гибель Великой армии Наполеона Бонапарта пытались (и пытаются) объяснить зимними русскими морозами, несмотря на то, что переправа через Березину происходила 26—29 ноября 1812 г., так что в то время как зима, по сути, ещё не началась, войска Наполеона были уже далеко от европейской территории России, причём армии Наполеона пришлось переправляться через реку по той причине, что она ещё не замёрзла, и температура была даже выше обычного, о чём сообщают в своих воспоминаниях участники переправы. Настоящие морозы ударили уже после переправы,

что вызвало большие потери среди промокших солдат уже не Великой армии, и в то же время позволило русским без затруднений перейти реку и её болотистые берега.

Уже после войны 1812 г. известный партизан и поэт Денис Давыдов и состоявший с ним в переписке Вальтер Скотт провели научную работу по анализу причин поражения Наполеона, результатом которой стала статья Дениса Давыдова «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?», в которой говорилось о том, что наполеоновской армии доводилось испытывать и более сильные морозы в Восточной Пруссии и Польше, и даже в Кастильских горах в Испании, побеждая при этом противников [1]. К тому же ключевое значение для воздействия погоды на войска имеет наличие и качество зимнего обмундирования и снаряжения.

Переходя к интересующему нас периоду истории, следует отметить, что на тот момент, по сравнению с 1812 г., был достигнут значительный прогресс, во-первых, в обмундировании и снаряжении армий, во-вторых, в прогнозировании погоды. Что же касается советско-финской, а тем более советско-германской войны, то тогда ни у СССР, ни у Финляндии (о Германии разговор особый) не было недостатка в тёплом обмундировании, в котором мороз не представляет особой угрозы для здорового человека, также уже

В. Ласкавый — студент Историко-архивного института (Москва).

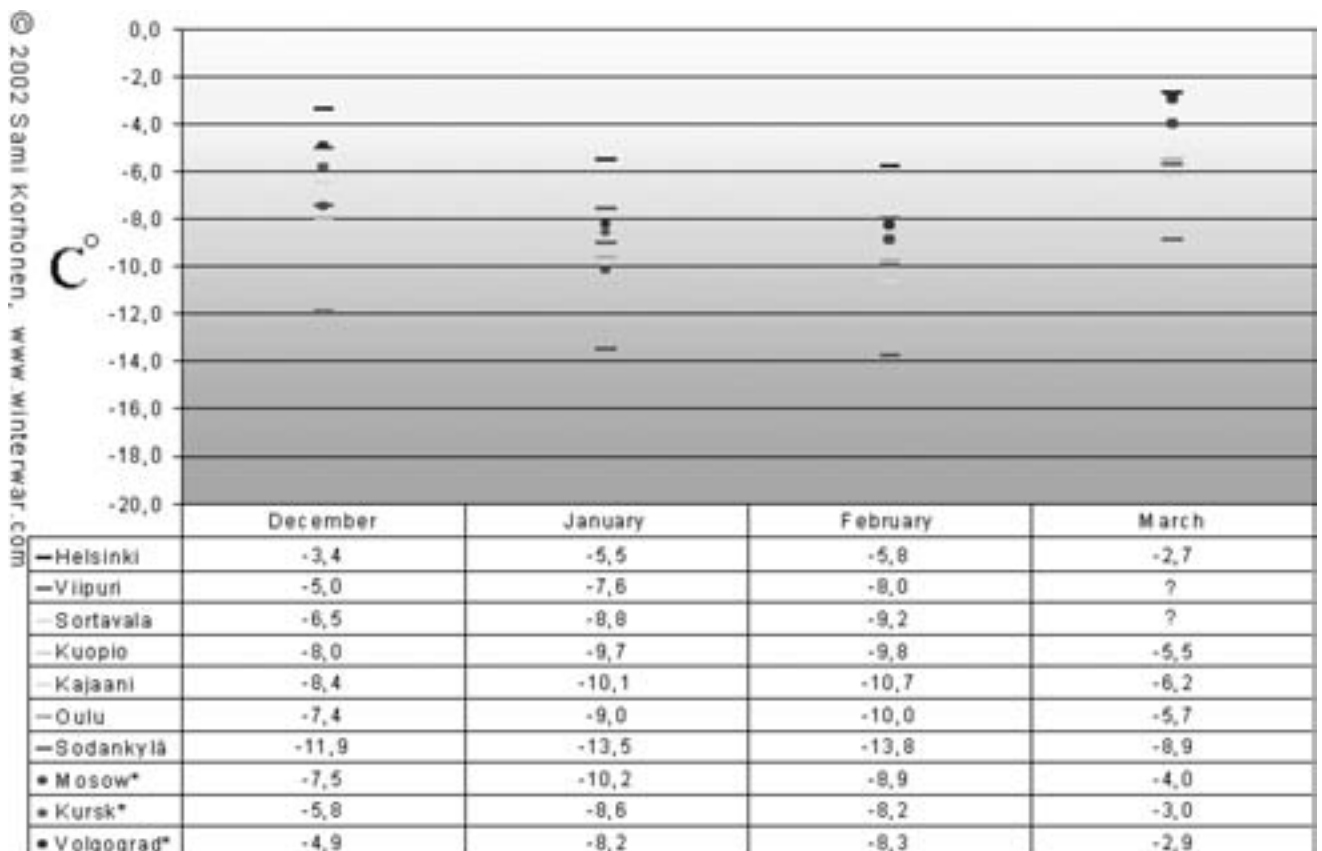
имелся опыт использования лыжных подразделений. Что касается прогнозирования погоды, у обеих сторон имелись хорошие метеослужбы, обеспечивавшие армию прогнозами погоды, соответственно мороз не был неожиданностью ни для русских, ни для финнов, тем более что элементарный здравый смысл подсказывает, что, готовясь воевать зимой против северных стран, расположенных в холодных климатических зонах, следует готовиться и к морозам. Предполагать, что зимой в северной стране расцветут розы, и оправдывать своё поражение неготовностью к холоду может только крайне некомпетентный или просто лживый военачальник.

Относительно русской и советской армий такие оправдания выглядят особенно нелепо, поскольку мы живём в самой холодной стране на Земле (после Антарктиды, но там, к счастью, не воюют), соответственно, декларируемое неумение воевать зимой выглядит как минимум позорно.

Прежде всего, следует рассмотреть особенности театра военных действий и обстоятельства начала войны. Во-первых, война началась по инициативе СССР, причём зимой (точнее, 30 ноября). Наличие тёплого обмундирования у советской армии и возможность нападения на Финляндию не зимой, а летом никем не отрицаются. Следовательно, Советский Союз и Красная армия, по крайней мере, считали себя готовыми к зимней войне. Теперь рассмотрим географические и климатические особенности территории, на которой должны были развернуться боевые действия. Во-первых, в Финляндии, в том числе на Карельском перешейке,

большую площадь занимают непроходимые или труднопроходимые в летнее время болота (само название Финляндии — Суоми — переводится как «страна болот»), во-вторых, театр боевых действий характеризуется очень густой речной сетью и большим количеством озёр, что затрудняет наступление, в-третьих, лесистая и местами пересечённая местность крайне затрудняла действия больших войсковых соединений и была серьёзным препятствием для бронетехники. При этом зимой болота замерзают, становясь проходимыми для войск и в некоторых случаях для техники, к тому же морозной зимой возможна переправа по льду через водоёмы: сильный мороз и крепкий лёд превращают реку в дорогу, а озеро — в полевой аэродром.

Таким образом, получается, что мороз сам по себе не только затруднял войну, но и давал наступающей советской стороне ряд преимуществ. К этому следует добавить то обстоятельство, что летом в Карелии и Финляндии очень много комаров и гнуса, демаскирующих засады, снижающих боеспособность и вредящих здоровью военнослужащих. Кроме того, в Карелии и в южной Финляндии встречаются (а тогда были более распространены) комары рода анофелес, переносящие возбудителей малярии. Зимой, при отсутствии комаров, вспышка малярии войскам не угрожала. Мороз также предотвращает распространение желудочно-кишечных инфекций, что особенно важно при отсутствии антибиотиков. Надо учитывать, что вплоть до начала XX в. небоевые потери, в первую очередь от инфекционных заболеваний, превышали боевые. В XX в. в связи с развитием ме-

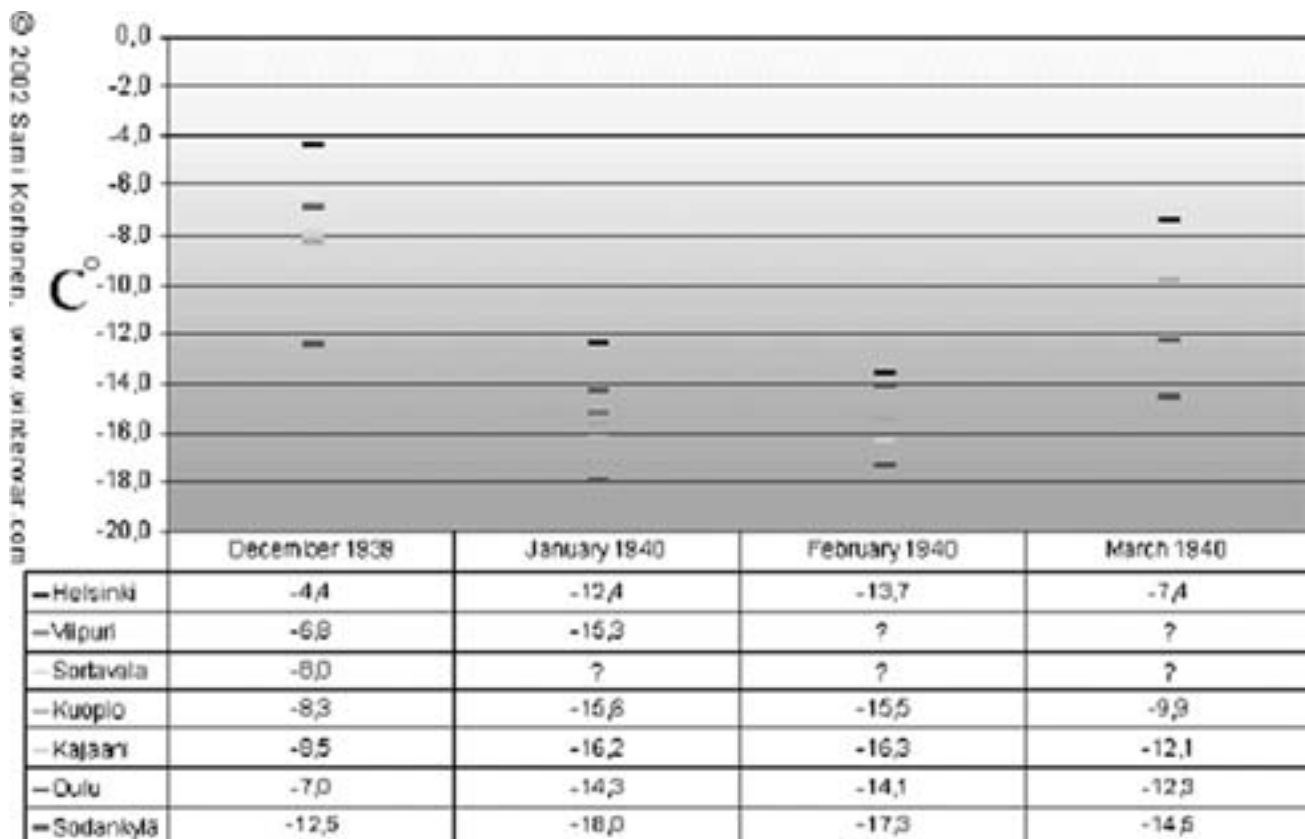


дицины и повышением уровня санитарной культуры небоевые потери стали меньше боевых, но до начала широкого использования антибиотиков потери от инфекций оставались значительными и с ними нужно было считаться. Поэтому морозная погода помогала обеим армиям избежать эпидемий. Если говорить о морозе как о факторе, затрудняющем ведение боевых действий советскими войсками, то следует отметить, что в Финляндии зимой не холоднее, чем на большей части европейской территории СССР. Ниже для сравнения приведена таблица средних температур месяцев с декабря по март в ряде городов СССР и Финляндии [2].

Как видно из таблицы, в Южной и Центральной Финляндии (вплоть до Оулу) зима не холоднее, чем в Москве. Правда, Оулу в силу своего прибрежного положения чуть теплее, чем расположенные несколько южнее, но дальше от моря Каяани и Куопио, но и в этих городах зима мало отличается от московской. А если говорить о Хельсинки, то там зима теплее не только чем в Москве, но и чем даже в Курске и Волгограде, расположенных гораздо южнее (не забываем о Гольфстриме и Североатлантическом течении, а также о континентальности климата, увеличивающейся вглубь Евразийского континента). В Выборге зима также теплее, чем в Курске, не говоря уже о севере Европейской территории России, находящемся на тех же широтах, что и Финляндия, только восточнее. При этом мы рассматриваем только Европейскую территорию России. Не мучая читателя изотермами, климатическими и синоптическими картами, скажу кратко: для советского человека (если, конечно, он не

из причерноморских субтропиков, а таких было меньшинство) и советской армии финская зима не могла стать чем-либо необычным, на родине бывает и холоднее, и никого, кроме особо хилых «мерзляков» это не пугает.

Но, может быть, зима 1939—1940 гг. была аномально холодной? Нет! 30 ноября, в день начала войны, температура поднялась до +3 °С. Снега почти не было. В дальнейшем, вплоть до 20 декабря, преобладала слабоотрицательная температура (до -7 °С). Случались оттепели до +2 °С. Незамёрзшую реку Тайпален-Йокки советским войскам пришлось форсировать на понтонах и резиновых лодках, при этом они понесли большие потери (вспомним Березину: если реку надо форсировать, то она не замёрзла, а значит, не так уж и холодно). Под ногами у наступавших советских солдат в первые дни войны «хлюпал тающий снег». Затем, когда установилась слабоморозная погода, болота стали проходимыми, реки и озёра замёрзли, но снега выпало немного, так что погода благоприятствовала скорее советскому наступлению, чем финской обороне. Так, 15 декабря 1939 г., за два дня до неудачного штурма печально известной высоты 65.5, глубина снега вблизи неё составляла 10—15 см. [3] Маршал А. Е. Голованов вспоминал, что одними из основных проблем советской авиации в начале советско-финской войны были низкая облачность и обледенение самолётов. Как известно, данное явление происходит при околонулевых температурах и по механизму возникновения близко к известному «ледяному дождю».



Короче говоря, попытки оправдать неудачу прорыва «Линии Маннергейма» в декабре ужасными морозами и глубоким снегом выглядят, мягко говоря, нелепо, не говоря уже о том, что в Заполярье, несмотря на сочетание морозов, ветров и вдобавок полярной ночи, советские войска добились успехов, овладев полуостровами Рыбачий и Средний и отрезав Финляндии выход к Баренцеву морю.

После 20 декабря установилась действительно морозная погода (сначала до -23°C , затем на некоторое время потеплело до -14°C), что, впрочем, также нельзя назвать ужасными холодами, тем более при наличии тёплого обмундирования (ватники, полушубки, валенки). Но именно в связи с валенками возникла проблема массовых обморожений ног. Дело в том, что они промокали, а затем, после резкого похолодания, заледеневали прямо на ногах. Финны же, обутые не в валенки, а в пьексы и куома (финская национальная обувь, кожаные башмаки с валенком-вкладышем из более мягкого войлока, чем русские валенки) страдали от промокания обуви и от обморожений значительно меньше[4].

Здесь даны среднемесячные температуры зимы 1939—1940 гг. Как видно, декабрь был не холоднее нормы, январь и февраль действительно были холоднее, но не критически холодными.

Боевые действия в условиях зимней погоды затрудняло отвратительное тыловое обеспечение Красной армии. Например, сухарей заготовили очень мало в связи с тем, что предполагалось снабжать армию свежим хлебом из полевых пекарен, но внезапно оказалось, что свежий хлеб имеет свойство замерзать, особенно если развезить его потребителям по морозу. Как вспоминал начальник службы тыла Красной армии А. В. Хрулёв, никто не думал о том, что свежий хлеб, в отличие от сухаря, может замёрзнуть. Поэтому в ходе войны пришлось вернуться к нормам царской армии по снабжению войск хлебом и сухарями (до-революционные интенданты при всей их вороватости и, порой, бестолковости понимали необходимость сухарей, которыми русская армия питалась в походах на протяжении всей своей истории, тогда как советская власть отвергала многовековой опыт предков и вводила непродуманные «революционные» новшества).

Великий русский учитель Жареный Петух заставил-таки тыловиков не только наладить снабжение войск сухарями, но и задуматься о том, о чём не задумывались и в царской армии, а именно о том, что сухарь занимает слишком много места и что в западных армиях, в т.ч. у противника, вместо сухарей уже достаточно давно употребляются более компактные галеты. Но изготавливать галеты решили не путём их выпечки, а путём спрессовывания уже имевшихся сухарей, но для изготовления даже таких в прямом смысле зубодробительных галет не хватало оборудования [5].

Конечно, в таблице даны только среднемесячные температуры, а температуры каждого дня не указаны, но уже из данных температур видно, что ужасными и небывальными морозами и не пахнет. Тем не менее, следует сказать, что действительно сильные морозы (

-40 — -45°C) всё же были, но длились всего несколько дней в январе-феврале. Относительно прорыва линии Маннергейма следует сказать, что он произошёл при двадцати с лишним градусных морозах и глубине снега 60—100 см. (но отнюдь не полтора метра, как утверждал Виктор Суворов). Так что решающую роль играла, опять же, не погода, а (наконец-то) правильная организация наступления.

Ещё одним преимуществом Финляндии стало удачное использование лыжных подразделений. Собственно говоря, они использовались с давних времён, в частности, в Северную войну 1700—1721 гг. и во время Гражданской войны, в том числе в Финляндии, но в СССР и этот опыт был почти забыт. Что же касается Финляндии, то ей, как говорится, сам Бог велел создавать сильные лыжные подразделения, что финны и сделали, поскольку лыжи — один из их национальных символов. К счастью, Жареный Петух и на этот раз известным способом повлиял на Советский Союз и заставил создать лыжные подразделения, очень пригодившиеся затем во время войны с Германией.

Большинство проблем, связанных с морозом, возникло у обеих сторон в связи с недостатком или низким качеством обмундирования. Финны тоже испытывали проблемы с обмундированием, связанные с тем, что количество комплектов обмундирования оказалось ниже, чем количество солдат после тотальной мобилизации, поэтому некоторым не досталось формы или, хуже того, досталось, но не по размеру. Советские проблемы с обмундированием произошли из-за того, что в результате больших потерь войск Ленинградского военного округа силами одного округа войну окончить не удалось, и в Финляндию перебросили войска Киевского военного округа, только что окончившие польскую кампанию 1939 г. С учётом того, что Западная Белоруссия, и тем более Украина, — не Финляндия и не Средняя полоса России, тёплого обмундирования у них не было, и на Карельский фронт они прибыли как были, в шинелях и сапогах. Полушубков и валенок для них не нашлось. Таким образом, мы видим, что важен не мороз, а умение к нему приспособиться, а ещё лучше — его использовать, а победы и поражения больше зависят от подготовки к войне и выбранной тактики, чем от погоды.

1. Давыдов Д. В. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году? // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс] // Lib.ru, Электрон. дан. М.: 2006. Режим доступа: http://az.lib.ru/d/davydov_d_w/text_0080.shtml, свободный.
2. Temperature during the Winter War, Part 1. // The Winter War [Электронный ресурс] / www.winterwar.com, Finland, 1999—2006. Режим доступа: <http://www.winterwar.com/other/weather.htm>, свободный.
3. Исаев А. В. Десять мифов Второй мировой войны / Милитера [Электронный ресурс] // Милитера, Электрон. дан, М.: 2001—2012. Режим доступа: http://militera/lib.ru/research/isaev_av2/index.html, свободный.
4. Temperature during the Winter War...
5. Интервью А. В. Хрулёва // Куманёв Г. А. Рядом со Сталиным. Откровенные свидетельства: Встречи, беседы, интервью, документы / А. Г. Куманёв. — М.: Былина, 1999. С. 374.

Владимир Строецкий

Из прошлого в будущее

О СУДЬБАХ РОССИЙСКОГО СВЕТСКОГО И ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Классик немецкой педагогической мысли В. Паульсен писал: «Когда историк будущих тысячелетий будет подводить итоги XIX в., то для того, чтобы объяснить причины происшедших экономических, социальных и политических переворотов, ему, без сомнения, придется начать с указания на великие технические открытия. Но, тем не менее, было бы слишком поспешно заключать, будто бы первоначальной задачей всякого образования должно на первом плане стать ознакомления юношей с этим *primum movens* нашей культуры и что поэтому естественные и технические науки должны были бы занять в школе первое место.

Они никогда не займут его, даже если древние языки еще более чем в настоящее время, отодвинутся на второй план (а это должно случиться), то и тогда естественные науки не станут центром общего образования, а гуманитарные науки всё-таки удержат свое первоначальное значение» [10].

Эти слова немецкого ученого педагога являются поистине пророческими, особенно для нашей страны. По крайней мере на протяжении последних шестидесяти лет, от Хрущёва до Путина и Медведева, попытки переломить авторитет и влияние гуманитарных наук в пользу естественных и технических не находят поддержки у большей части молодых людей, стремящихся получить высшее образование и подающих документы главным образом на гуманитарные специальности и направления.

С высказыванием Паульсена нельзя не согласиться, потому что цель классического гуманитарного образования заключается не в том, чтобы сообщить учащимся сумму знаний и умений, а в том, чтобы развить у них способность углубиться в сущность изучаемых явлений и научиться мыслить.

Классическое гуманитарное образование предназначено воспитывать и формировать у молодых людей нравственную мощь, которая делает их способными не только к напряжённому труду, но и дает им силы успешно бороться с трудностями и разрешать те великие задачи, которые вытекают из внутренней жизни государства [8].

Важнейшими институтами, реализовавшими идеи классического образования в исторической России до 1917 г., были Министерство народного просвещения, университеты и духовные академии, светские классические и реальные гимназии и духовные семинарии. Светская и духовная системы образования работали в тесном единстве и взаимодействии.

Главными этапами развития классического гуманитарного образования в России были рефор-

мы Александра I в первый период его правления и Александра II. Александр I организовал Министерство народного просвещения, учредил учебные округа во главе с университетами. При нём было разработано и утверждено Положение о гимназиях. Там сказано, что основными предметами в гимназиях являются древние языки и математика. В Положении также сказано, что «древние языки являются надёжнейшим основанием учености и лучшим способом к возвышенному укреплению духовных сил юношества; математика же является предметом, способствующим изощрению ясности в мыслях, их образованию, пронизательности и силе размышления» [12]. Изначально гимназии были в России всесловными.

Николай I, подавив восстание декабристов и боясь проникновения из Западной Европы революционных идей, сократил число гимназий, где преподавались древние языки, введя вместо них уроки законовещения и экономики. Это отрицательно сказалось на грамотности молодых людей, а облегчение учебного процесса действовало разрушительно на их сознание.

Поэтому сторонники классического образования, доказывая необходимость развития и совершенствования его, обращались к молодым людям и призывали их «не слушаться тех, кто советует им бежать от классического образования, ибо оно несравненно, образцы красоты его никогда не будут превзойдены, потому, что они просты, точны и отчетливы. Древние добродетели: любовь к семье, чувство собственного достоинства и уважение к другим людям и их мнениям, принесение себя в жертву родине никогда не будут преподаны лучше, чем словами древних авторов и их историй» [5]. В России высокую оценку классическому образованию давали Н. Н. Пирогов, Т. Н. Грановский, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой и др.

Именно поэтому среди Великих реформ Александра II главное внимание вновь было уделено классическому образованию. В образовательной политике России получили дальнейшее развитие идеи просвещения. Возникли классические и реальные гимназии. В первых большое значение придавалось гуманитарным классическим предметам, во-вторых — естественно-научным.

К концу XIX в. в России было более 200 мужских гимназий, свыше 100 реальных, около 50 прогимназий. Кроме того, насчитывалось 370 женских гимназий, свыше 30 институтов благородных девиц. Окончившие эти учебные заведения имели право на получение высшего образования в университетах и институтах. При этом дипломы, полученные выпускниками российских гимназий, ничем не отличались от дипломов

выпускников европейских гимназий. Равно как и выпускники российских вузов получали документы, полностью соответствующие документам, которые выдавали выпускникам европейских вузов [9].

Целесообразно привести некоторые статистические данные, касающиеся системы образования в России [4]. Прежде всего необходимо отметить, что среди всех министерств Кабинета Министров Его Императорского Величества Министерство народного просвещения стояло на первом месте и по значимости, и по объёму финансирования.

В 1894 г. Россия имела 122 млн. человек, а в 1914 г. население возросло до 182 млн. человек.

Ежегодный прирост был равен 2 млн. 400 тыс. человек. Предполагалось, что к концу 50-х гг. XX в. население бывшего СССР насчитывало бы 215 млн. человек. Гражданская война, развязанная большевиками, кровавый советский коммунистический режим и Великая Отечественная война стоили жизни 60-ти млн. человек.

В 1896 г. в России была введена золотая валюта (золотой рубль). Бюджет народного образования неуклонно возрастал. В 1894 г. он составлял 25 млн. руб., а в 1914 г. был равен 161 млн. руб. Число учащихся выросло с 224 тыс. 179 человек в 1894 г. до 733 тыс. 367 человек в 1914 г. С 1908 г. в России было бесплатное начальное образование. Ежегодно в России открывалось до 10 тыс. начальных и средних школ. Правительство С.Ю. Витте планировало к 1922 г. решить проблему неграмотности населения.

Зарплата администрации и учителей в сравнении со средней зарплатой в промышленности и ценами на продовольствие была следующей. Директор гимназии получал 2000 руб. в год, инспектор — 1500 руб. в год. Тот и другой получали государственную квартиру и особую плату за уроки. Учителя получали по 60 руб. за урок, а через 5 лет преподавания в одной гимназии — 75 руб. за 12 уроков, а за остальные по 60 руб.

Классные наставники получали еще 160 руб. в год, а учителя древних языков за проверку письменных уроков — 160 руб.

Таблица 1. Оплата учителей

Закон Божий	1 учитель	1020 руб./год
Латинский язык	2 учителя	2580 руб./год
Греческий язык	1 учитель	2580 руб./год
Французский язык	1 учитель	1260 руб./год
Немецкий язык	1 учитель	1320 руб./год
Математика	1 учитель	2220 руб./год
Физика и астрономия	1 учитель	900 руб./год
История	1 учитель	1020 руб./год
География	1 учитель	900 руб./год

Таблица 2. Пенсии

Пенсии выплачивались через 25 лет службы

директор	700—900 руб. СПб., Москва	1000 руб.
инспектор	650—850 руб. “—“—“	850 руб.
учителя	600—800 руб. “—“—“	750 руб.

Средняя зарплата в промышленности в начале XX в. составляла 150—300 руб./год. Зарплата квалифицированных рабочих 800—1000 руб./год.

Цены на продовольствие и другие товары: мясо — 40—50 коп./кг, масло, сахар — 30 коп./кг, хлеб 6—15 коп./кг, сукно 1 м, ботинки, сапоги (кожаные) 1 пара от 3 до 7 руб.

Расцвет российской системы образования засвидетельствован Золотым и Серебряным веками русской культуры. Русские ученые, инженеры, архитекторы и художники, представители театрального и музыкального искусства имели большой авторитет в странах Западной Европы.

Достижения Серебряного века культуры в области литературы и искусства сохранялись до конца 20-х гг. Только после того, как догмы ленинской работы «Партийная организация и партийная литература» приобрели значение государственной политики, возникла государственная цензура и идеологическое направление социалистического реализма, Серебряный век русской культуры был уничтожен, а его представители были либо изгнаны, либо арестованы, либо физически ликвидированы как буржуазные элементы — враги народа и пролетарской культуры. Тем не менее, нередко можно прочитать и услышать, что эти достижения Серебряного века являются якобы достижениями культуры первых десяти лет советской власти.

Необходимо отметить также и состояние духовного образования в России до 1917 г. В 1685 г. по благословению Св. Патриарха Московского и всея Руси Иоакима была основана Московская духовная славяно-греко-латинская академия. Ее возглавили братья иеромонахи Софроний и Ионний Лихуды [13]. Они обладали энциклопедическими знаниями, будучи докторами Каттонийской академии в Падуе. Поэтому образовательный процесс в академии был на самом высоком для того времени уровне. Преподавание проводилось на латинском и древнегреческом языках.

Изучали грамматику, логику, риторику, физику, философские дисциплины, метафизику и психологию. Методика проведения занятий была позаимствована из иезуитских школ. Она предусматривала лекции, семинары, диспуты, переводы с греческого, латинского на русский и наоборот. Синодальная типография занималась издательством книг. Под эгидой академии открывались семинарии. С 1748 г. греческий и латинский языки в них были признаны обязательными.

В 1814 г. Троицкая лаврская семинария и Московская славяно-греко-латинская академия были преобразованы в Московскую духовную академию. Преподавание в академии велось на русском языке. Преподавали исторические дисциплины, философию, математику, богословие, греческий, латинский язык и современные французский и немецкий языки, каноническое право. На экзаменах требовалось осуществлять переводы с греческого и латинского на русский язык и наоборот. Осуществлялась

публичная защита научных работ выпускниками академии.

В 1843 г. Московская Духовная Академия приступила к изданию трудов отцов Церкви. К 1861 г. под ред. протоиерея Петра Делицина и при его участии вышли 46 томов. Издавались оригинальные тексты на греческом языке.

Крупным центром классического духовного образования в России была Санкт-Петербургская духовная академия, возникшая в 1809 г. на основе, существовавшей с 1726 г. Александро-Невской славяно-греко-латинской семинарии [15]. Выдающимися учениками Санкт-Петербургской духовной академии были М.М. Сперанский — сподвижник Александра I, Евгений Болховитинов и Филарет Дроздов, ставшие профессорами академии, а затем митрополитами Киевским и Московским. Наибольшую известность Санкт-Петербургская духовная академия приобрела переводами богословских сочинений И. Златоуста, Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника и др. и исторических сочинений Евсевия, Феодорита. С 1821 г. Санкт-Петербургская духовная академия стала издавать журнал «Христианское чтение».

Киевская духовная академия возникла в 1701 г. на основе существовавшей с 1631 г. Киево-Могилянской коллегии, в которой преподавали древнегреческий, латинский, поэзию, риторику, богословие. Выпускники Киевской академии были преподавателями Московской и Санкт-Петербургской академий [2].

Позже, в 1797 г., возникла Казанская духовная академия. В ней с учётом местных условий большое внимание уделялось изучению турецкого-татарского, арабского, калмыцкого и монгольского языков. Казанская академия собрала богатейшую библиотеку, в которой хранится более 2000 славянских рукописей [3].

Развитие духовного классического образования в России осуществлялось не только на столичном уровне, но и на региональном. Семинарии как учебные учреждения, призванные готовить священнослужителей, начиная с XVIII в. открывались в губернских городах. К началу 90-х гг. в России насчитывалось 55 семинарий и 195 духовных училищ [14].

Среди семинарий важное место занимала и занимает в настоящее время Нижегородская духовная семинария. Её авторитет особенно вырос, когда во главе её стал архиепископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин (Дм. Семенов-Руднев) [6]. Он окончил Московскую славяно-греко-латинскую академию, а затем Геттингенский университет. Этот университет в XVIII в. считался одним из наиболее прогрессивных в Европе. Здесь весьма поощрялась свобода и независимость суждений. Окончив университет, Дамаскин в 1783—1794 гг. возглавлял Нижегородскую епархию и в качестве ректора руководил Нижегородской духовной семинарией. Дамаскин придавал огромное значение подготовке высокообразованных пастырей. Он утверждал, что «спасение общества заключается

в просвещении разума и в развитии нравственного чувства». Поэтому он подчёркивал, что «весьма несправедливо и бесчеловечно некоторые политики думают, что простых людей просвещать не следует, ибо они не будут покорны, и управлять ими будет крайне трудно».

Это мнение он называл ошибочным, полагая, что преступления, убийства и воровство происходят от невежества, неблагоразумия и сохранения в народе остатков дикости и варварства. Поэтому он был убеждён, что задача благоразумного правительства — дать пристойное просвещение простому народу.

С установлением большевизма диктатуры в октябре 1917 г. сначала непоправимый вред образованию и культуре в России был нанесён ортодоксами пролеткульта во главе с Лениным, низвергавшими все предшествующие достижения науки, культуры и образования, считая их буржуазными и вредными для идей рабочего класса. Результатом этого явилось полное уничтожение сложившейся в России и выдержавшей испытание временем системы высшего и среднего образования.

Гибель исторического, филологического и философского образования в стране была результатом ленинского декрета от 14 марта 1921 г. Ленин делал это сознательно, не желая, чтобы гуманитарное образование оставалось в руках профессоров, которых он считал врагами пролетариата. Поэтому одновременно с разрушением российской системы классического образования Ленин организовал партийный Институт красной профессуры в Москве во главе с М. Покровским [7].

Ленин совершенно отверг принятую в российской системе образования политику народного просвещения, направленную на формирование свободно мыслящих личностей. Он ввёл идеологическую пропаганду, призванную насильно внедрять в умы людей коммунистическую доктрину, которая превращала человека в слепого исполнителя воли большевизма. С этим успешно справились Луначарская и Крупская. Поэтому важно подчеркнуть, что с этого периода и вплоть до настоящего времени термины «просвещать» и «просвещение» полностью исчезли из лексикона как чиновников, так и рядовых граждан. И потому сегодня ни власть не хочет, ни оппозиция не требует вернуть Министерству науки и образования прежнее название Министерство народного просвещения, придав ему то значение, которое оно имело в исторической России и наделив его соответствующими полномочиями.

Совсем другие цели выдвигал Ленин, осуществляя ликвидацию неграмотности по сравнению с тем, что имел в виду С. Ю. Витте, принимая программу преодоления неграмотности к 1922 г. Ленин в откровенной беседе с художником Ю. П. Анненковым не скрывал своего цинизма. Он с известным бравадом и откровенным неуважением не только к интеллигенции, но и к простому народу говорил: «...Вообще к интел-

лигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, наш лозунг “ликвидировать безграмотность” отнюдь не следует толковать как стремление к народжению новой интеллигенции. Ликвидировать безграмотность следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, и каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши директивы, приказы и воззвания. Цель вполне практическая, только и всего» [1].

К 1934 г. большевики теперь уже во главе со Сталиным решили, что институты красной профессуры выполнили свою задачу и новые профессора, впитавшие догмы марксизма-ленинизма, уже появились. Поэтому с этого времени возникла единая советская средняя (десятилетняя) школа, восстановлены в университетах и пединститутах гуманитарные кафедры и факультеты. Однако то гуманитарное образование, которое возникло после 1934 г., представляло собой карикатурное отражение того, что Россия имела до 1917 г. Ленинско-сталинская политика ввергла российское образование в затхлый провинциализм эпохи средневековой схоластики, где история ленинской партии, диалектический и исторический материализм и так называемый научный коммунизм в догматической упаковке считались вершиной мировой науки. Результаты этой политики отрицательнейшим образом сказались и на естественных науках, таких, как биология, физика, электроника, психология. К этому времени в СССР сложилась советская тоталитарная система с ее коммунистической и воинственно атеистической идеологией.

С религией, объявленной Лениным «опиумом для народа», началась непримиримая борьба. Духовенство, как и буржуазия, подлежало физическому уничтожению. На этот счёт руководящим документом было секретное письмо Ленина членам Политбюро ЦК РКП (б) от 19 марта 1922 г., в котором с присущей ему решительностью, грубостью и жестокостью он писал: «Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше».

Результатом этого были аресты и физическое уничтожение духовенства, разрушение церквей и ликвидация системы духовного образования. В стране были закрыты все духовные семинарии и академии. Лишь с 1944 г. Сталин был вынужден начать восстановление иерархической церковной структуры и возрождение системы духовного образования.

К сожалению, возникшая Российская Федеративная республика не стала правопреемницей Российской республики, возникшей после Февральской революции 1917 г. и уничтоженной большевиками. Современная Россия объявила себя правопреемницей СССР, то есть государства

прекратившего своё существование. Его падение с чувством удовлетворения встретила большая часть народов бывшего СССР и других государств. Это показали события августа 1991 г., когда провалилась попытка ГКЧП.

Поэтому Россия как правопреемница СССР не может преодолеть до конца негативные стороны советской общественно-политической системы. Оставаясь в плену советских правовых отношений, она не в состоянии успешно модернизировать своё экономическое и общественно-политическое устройство.

В этом, несомненно, заключаются все наши беды и противоречия и состояние нестабильности, которые страна переживает в последние 20 лет своего существования. Это, безусловно, отрицательно сказывается и на состоянии просвещения и образования в стране. Первое — просвещение, ликвидированное после захвата власти большевиками, заменимое пропагандой, сегодня благодаря большей части СМИ превратилось в развращение населения.

Что же касается второго образования, то всё то, что выдаётся за реформы и называется модернизацией, скорее напоминает демонтаж системы образования. К сожалению, современная Россия не достигла того уровня науки, культуры и образования, который был в России исторической к началу XX в. Сегодняшняя стопроцентная компьютеризация России, если учесть, что в исторической России компьютеров не было, ещё не является доказательством того, что мы далеко продвинулись вперёд в этих важнейших сферах общественного развития.

Но поскольку в истории развития цивилизаций действует закон повторяемости, то его действие обнаруживается и в системе образования.

Как известно, традиции классического образования в Европе получили своё развитие прежде всего в духовных образовательных учреждениях, и только с XVIII в. они получили широкое внедрение и распространение в светских учебных заведениях — гимназиях и университетах.

Сегодня в России принят стандарт нового поколения для православных гимназий, которые в последнее время стали возникать в различных епархиях. В Нижегородской епархии и в епархиях Приволжского федерального округа их насчитывается более двадцати. Образовательный стандарт нового поколения подчеркивает, что древнегреческий, латинский и церковно-славянский языки считаются обязательными предметами в учебных планах православных гимназий, семинарий и академий. Но для реализации этого положения, записанного в Образовательном стандарте, необходимо провести большую учебную и организационно-методическую работу.

В этой связи можно отметить, что Нижегородская епархия по благословению Его Высокопреосвященства митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия значительно продвинулась в этом направлении.

Во-первых, в Нижегородской епархии насчитывается 12 православных гимназий, из которых две уже

осуществляют выпуск учащихся. Уровень учебной и воспитательной работы в православных гимназиях значительно выше, чем в обычных светских гимназиях. И это объясняется не столько тем, что православных гимназий пока немного и в них меньшее число учащихся, чем в светских гимназиях, сколько тем, что в них изначально действует единая духовная учебно-воспитательная работа, стержнем которой являются уроки Основ православной веры и общность интересов коллектива учителей, гимназистов и их родителей.

Во-вторых, для того чтобы успешно внедрить в православных гимназиях систему классического образования, необходимо установить тесную связь их с высшими учебными заведениями: семинариями и университетами, в частности с историко-филологическими кафедрами и кафедрами математики.

В Нижегородской епархии такая деятельность в значительной степени предпринимается. Так в 2007 г. по благословению митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия и по инициативе нынешнего министра юстиции Российской Федерации А. В. Коновалова и при активном участии ректора НГЛУ, ныне президента НГЛУ проф. Г. П. Рябова в Нижегородском лингвистическом государственном университете при кафедре культурологии, истории и древних языков был открыт Славяно-греко-латинский кабинет (СГЛК) ПФО РФ, который возглавил ректор, а ныне президент НГЛУ проф. Г. П. Рябов [11]. В составе кабинета работают высококвалифицированные специалисты: д.и.н., проф. В. М. Строгеецкий, докторант к.филос.н., доц. Д. А. Скопин, зав. каф., к.и.н., доц. М. П. Самойлова, к.филос.н., доц. Т. Д. Маркова, доц. Е. В. Соболева, к.и.н., доц. А. М. Брагова.

Со времени возникновения СГЛК ПФО РФ провел три тура повышения квалификации учителей православных гимназий как Нижегородской епархии, так и учителей православных гимназий других епархий ПФО в количестве более сорока человек. Курсы повышения квалификации проведены по следующим предметам: древнегреческий, латинский, церковнославянский, русский, английский и немецкий языки, а также основы православной культуры и основы православной веры.

Главную задачу преподаватели СГЛК — руководители курсов повышения квалификации по указанным предметам видят, во-первых, в том, чтобы помочь учителям православных гимназий совершенствовать свои методические компетенции для успешного ведения поурочных занятий; во-вторых, осуществлять организационно-педагогическую работу по формированию методических объединений учителей языковых дисциплин; в-третьих, помочь учителям в подготовке их учебно-методических и научных работ для публикации их в Альманахе — издательском органе СГЛК ПФО РФ.

Славяно-греко-латинский кабинет осуществляет также издательскую деятельность. СГЛК издал четыре выпуска Альманаха, учебник Церковно-славянского языка для 5—7-х классов, выполненный под

руководством Т. Д. Марковой и получивший гриф синодального отдела Московской Патриархии. СГЛК осуществляет подготовку и издание рабочих тетрадей по указанным предметам для гимназистов начального и среднего звеньев гимназий.

Издатели, преподаватели СГЛК, уделяют значительное внимание содержанию, издаваемых материалов, наполняя его православным модулем. Дальнейшее развитие православных гимназий в Российской Федерации и осуществление здоровой конкуренции со светскими средними учебными заведениями может стать важным фактором, способствующим преодолению современными светскими гимназиями того разрушительного нравственного и образовательного кризиса, в котором они находятся.

Список литературы и источников

1. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. Л., 1991. Т. 2. С. 247.
2. Аскоченский В. История Киевской Духовной Академии до преобразования ее в 1819 г. СПб., 1863; Голубев. История Киевской Духовной Академии. Киев, 1886.
3. Благовещенский А. История старой Казанской Духовной Академии. Казань, 1876.
4. Бразоль Б. Л. Царствование Николая II (1894—1917 в цифрах и фактах. 2 изд. Нью-Йорк, 1968).
5. Бреаль М. Древние языки в среднем образовании. М., 1892. С. 57.
6. Дамаскин. О полезном чтении с юношеством древних классических писателей. СПб., 1774. О нём см.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Ч. 1. СПб., 1874. С. 50 слл.; Титков Е. П., Никулин И. Н. «Да светит свет Ваш пред людьми». Жизнь и судьба епископа Дамаскина. Н. Новгород, 1999; Титков Е. П. Подвижник Российского просвещения. Арзамас, 2005.
7. Джимбинов С. Коэффициент искажения. Революция и культура // Новый мир, 1992. № 9. С. 207 слл. и обучения. М., 1880.
8. Капнист П. П. Классицизм как необходимая основа гимназического образования. М., 1900; Гюнцбург К. Основы умственного воспитания и обучения. М., 1880.
9. Косман Г. Мысли об образовании вообще и образовании русского юношества в России. СПб., 1861; Бах А. К. Классическое образование. История европейской цивилизации в русской науке. М., 1890.
10. Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. М., 1908. С. 65; Блонский П. П. Фридрих Паульсен как философ и педагог // Вопросы философии и психологии. 1908, кн. 4 (94).
11. Презентация Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа в составе кафедры истории, культурологии и древних языков НГЛУ им. Н. А. Добролюбова / Альманах славяно-греко-латинского кабинета ПФО РФ. 2008. Вып 1. С. 5—30.
12. Путята Н. Обозрение жизни и царствования императора Александра I // Исторический сборник. 1872. № 1. С. 426—494; Богданович М. П. История царствования Александра I и России его времени. Т. 1—6. СПб., 1869—1871; Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. 1—4. СПб., 1904—1905; Татищев С. С. Император Александр II. Т. 1—2. СПб., 1911; Каконов Г. И. Устав гимназий и прогимназий 30 июля 1871 // ЖМНП. 1872. ч. 159, февраль, отдел III. С. 174—202. Модзалевский Л. Н. Очерки истории, воспитания и обучения. СПб., 1892—1899.
13. Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1885. Его же. История Московской Духовной Академии до ее преобразования 1814—1870. М., 1879.
14. Уставы православных Духовных Семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 г. СПб., 1888; Относящееся к ним Постановление Священного Синода. СПб., 1908.
15. Чистович И. А. История С.-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1875; Его же. С.-Петербургская Духовная Академия за последние 30 лет (1858—1888). СПб., 1889.

Георгий Вербицкий

Ещё раз о Власове

Георгий Григорьевич Вербицкий родился в 1928 году в Югославии в семье белого офицера-артиллериста Григория Васильевича. Мать, София Николаевна, урождённая Товстолес, была преподавательницей немецкого и французского языков. В Гражданскую войну служила сестрой милосердия в госпиталях Белой Армии. Родители покинули родину в 1920 году с Белыми воинами, и нашли приют в Югославии. В 1944 году семье Вербицких пришлось покинуть гостеприимную Югославию, уже расчленённую нацистами, при помощи Русского Корпуса уходить от красных. Все желающие могли уехать в Германию железнодорожным транспортом из Белграда. К концу войны, опять уходя от красных, семья добралась до Казачьего Стана в Италии. Георгий был принят в Казачий Кадетский Корпус, который просуществовал короткое время, так как был разбомблён американской авиацией. Из Италии отступили в Австрию, где Казачий Стан сдался англичанам. Милостью Божьей Георгий Вербицкий спасся от выдачи советчикам в Лиенце. Отец вместе с казачьими офицерами был выдан в руки красных и провёл 10 лет в концлагере и на поселении.

В 1949 году Георгий переехал из Германии в США. В 1956 году удалось добиться возвращения отца из С. Союза при помощи доброжелательных австрийцев и американцев. Отец прожил в семье ещё 10 лет. Среднее образование Г.Г. начал в Югославии и закончил в Мюнхене, в русской беженской гимназии. С 1948 года член НТС. В 1954 году окончил колледж Гров Сити в штате Пенсильвания и был принят на работу инженером-электронщиком в компьютерную фирму IBM. Позднее получил степень магистра в Сиракузском университете, штат Нью-Йорк. Автор научных работ и технических докладов. В 1992 году в первый раз посетил родину и, пока здоровье позволяло, часто возвращался в Россию. Участвовал в организации городов-побратимов Бингемтон, штат Нью-Йорк, Боровичи, Новгородская область. Автор книги на английском и русском языках «Почта остарбайтеров Второй мировой войны» и «Остарбайтеры», изд. С.-Петербургского университета, 2004. Печатался в «Посеве» и других изданиях.

Автобиография

Куртов Аждар Аширович, главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии».

Доклад: Правовая оценка инициативы по реабилитации руководителей РОА.

Основываясь на законах советского времени, докладчик пытается убедить участников круглого стола, что приговор, вынесенный А. А. Власову и его соратникам, был законным. Какие бы законы ни существовали в те времена, совершенно ясно, что приговор иным, нежели «смертная казнь через повешение», быть не мог. Попытка реабилитации в наши времена Власова и с ним казнённых не увенчалась успехом. На нашей родине на сегодняшний день беспристрастных историков можно пересчитать по пальцам. Цитируя документы судебного процесса, докладчик сам себе противоречит, стараясь подвести правовую базу под советскую юриспруденцию. Документ, который предсказал решение суда, крайне интересен и заслуживает полного повторения. На заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 23 июля 1946 года было принято следующее решение:

1. Судить Военной коллегией Верховного суда СССР руководителей созданного немцами «Комитета Освобождения Народов России»: Власова, Малышкина, Трухина, Жиленкова и других активных власовцев в количестве 12 человек.

2. Дело власовцев заслушать в закрытом судебном заседании под председательством генерал-полков-

ника юстиции Ульриха, без участия сторон (прокурора и адвоката).

3. Всех обвиняемых в соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 г. осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы.

4. Ход судебного разбирательства в печати не освещать.

По окончании процесса опубликовать в газетах в разделе «Хроника» сообщение о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение.

Судебный процесс начать во вторник 30 июля с. г.

После такого любому мало-мальски мыслящему человеку было ясно, какой приговор будет вынесен. Военная коллегия Верховного суда СССР не огорчила Политбюро и осудила

1. Власова Андрея Андреевича
2. Малышкина Василия Фёдоровича
3. Жиленкова Георгия Николаевича
4. Трухина Фёдора Ивановича
5. Благовещенского Ивана Алексеевича
6. Закутного Дмитрия Ефимовича
7. Мальцева Виктора Ивановича
8. Буняченко Сергея Кузьмича
9. Зверева Григория Александровича
10. Меандрова Михаила Алексеевича
11. Корбукова Владимира Денисовича
12. Шатова Николая Степановича

всех подвергнуть смертной казни через повешение. Имущество осуждённых, лично им принадлежащее, конфисковать.

Окончание, начало в предыдущем номере. Г.Г. Вербицкий завершает анализ докладов, сделанных на круглом столе «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина» (Москва).

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Первого августа 1946 года приговор был приведён в исполнение.

Останки приговорённых были кремированы и захоронены на Донском кладбище, ныне близ клумбы невестребованных прахов [1].

Решение суда было продиктовано, суд был закрытым, прокурор и адвокат участия в судебном процессе не принимали. Что и говорить, советская судебная система, как и советская власть всех лет своего существования, никакого отношения к правде, правам подсудимых и правам человека не имела. Народная поговорка правильно охарактеризовала, как ведутся дела на судебных заседаниях: «Был бы человек, а статья найдётся».

Докладчик старается доказать, что, несмотря на приказ Политбюро, Военная коллегия Верховного суда СССР была самостоятельным органом и, следовательно, вынесла приговор, соблюдая закон. Приказ Политбюро и Сталина никто не осмеливался не выполнить, если хотел остаться живым. Вся история сталинского периода доказывает, что диктатура Сталина была единственным законом, которому все органы власти и суда повиновались. Трудно поверить, что докладчик этого не знал и, несмотря на общеизвестные факты, описывает судебный процесс, который якобы происходил на правовой основе, а не по приказу диктатора. За такой доклад в советские времена докладчик мог рассчитывать на путёвку в Сочи. На сегодняшний день, кроме жидкого рукоплескания единомышленников, другой награды не будет.

Дрожин Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, член экспертного совета Фонда исторической перспективы.

Доклад: Операция «Власов» продолжается: Власов и власовщина в глазах немецкого общества.

Докладчик старается доказать, что единственная роль, которую выполнял Власов, была ему отведена немцами: это роль пропагандиста. Нацисты действительно иначе роль Власова себе не представляли, но вся борьба с ними власовцев и их немецких друзей шла именно за то, чтобы за рамки этой роли выйти и стать самобытной российской силой. Об этом говорит Манифест Комитета Освобождения Народов России, который был обнародован в Праге 14 ноября 1944 года. Ни один из докладчиков не удосужился процитировать хоть частично Манифест. Быть может, потому, что пропаганда Власова действительно действенна по сей день?

В докладе упоминается книга Юргена Торвальда «Путь был» — «Es gab einen Weg», но замалчивается книга этого же автора «Кого боги хотят погубить — отчёт о великом предательстве» — «Wen Sie verderben wollen — Bericht des grossen Verrats». В этой книге Торвальд ярко и правдиво описывает необузданную жестокость нацистов по отношению к мирному населению на оккупированных землях Советского Союза и к военнопленным красноармейцам. Последняя глава в книге заканчивается словами ген. Вермахта Кёстринга американскому полковнику (перевод мой): «Мы, немцы, благодаря нашему непониманию, чувству незащищённости, неверию и незнанию проиграли огром-

нейший капитал, какой только можно иметь в борьбе с большевизмом. Мы втоптали в навоз образ европейской культуры в глазах бесчисленных русских. Но мы всё-таки оставили некоторый капитал, который в будущем мог бы вам понадобиться. Вы меня сейчас не поймёте, когда я вам скажу, что вы этот капитал в течение этих недель во второй раз уничтожили не только в материальном, но и духовном смысле у людей, которые надеялись на вашу помощь и понимание и которые были Германией оставлены в беде. Возможно, что в будущем вам придётся обратиться к таким людям...» Эти слова Кёстринга относятся к насильственным выдачам американцами советам россиян и бойцов РОА.

Вообще не упомянут немецкий писатель Эрих Керн — Erich Kern, провоевавший всю войну на Восточном фронте. Из нескольких им написанных книг две книги следует прочитать людям, интересующимся историей казаков-антикоммунистов и войной на российских просторах. Первая книга — «Генерал фон Паннвиц и его казаки — они боролись за свою свободу и умирали на Западе» — «General von Pannwitz und seine Kosaken — Sie kämpfen für die Freiheit und starben am Westen». Вторая книга «Der grosse Rausch» — «Великое опьянение» была переведена на английский язык с изменённым названием: «Dance of death» — «Танец смерти». Автор правдиво описывает нацистскую жестокость и преступления по отношению к мирному населению на оккупированных частях Советского Союза и чаяния россиян-антикоммунистов. Во время случайной встречи с русским, генералом РОА и близким сотрудником Власова, у них произошёл откровенный разговор о немецком ведении войны на Востоке. Русский генерал перечислил безумные зверства немцев и гибель миллионов военнопленных красноармейцев в плену. На вопрос автора, почему же всё-таки россияне стали бороться с большевизмом, последовал ответ генерала (перевод мой): «Вы (понимай, немцы) не должны обманывать себя, что те из нас, кто решил воевать за Германию, сделали этот шаг из-за любви к вам. Но мы поняли, что нет надежды освободить Россию внутренними силами. Нам будет достаточно, если часть России будет нашей. А если не выйдет, то тогда мы будем бороться против вас за свободу России, когда красная чума будет уничтожена».

Неудивительно, что нацистская верхушка во Власове и российских антикоммунистах видела только пропагандистов. Но было достаточно и немцев, военных, которые понимали губительную для Германии политику Гитлера на Востоке. От слов эти военные переходили к делу, организовывая покушения на Гитлера. О том, как участники покушений не Гитлера продвигали власовское движение, участники круглого стола тоже не пишут.

Следует напомнить и слова доктора. Тауберта, высокопоставленного нацистского чиновника в Рейх-министерстве пропаганды. Он в 1945 году, жалуясь на поведение Власова и власовцев, сказал: «Власовское движение не чувствует себя настолько связанным с Германией, чтобы идти с нею на “пан или пропал”. Оно имеет сильные англофильские симпатии и играет

идеей возможной перемены курса. Власовское движение не национал-социалистично... оно является жидкой настойкой из либеральной и большевистской идеологии. Важно и то, что оно не борется с еврейством и вообще не признаёт еврейского вопроса». Пражский Манифест, в свою очередь, навсегда определил, за что боролись Власов и власовцы.

Далее докладчик ошибочно утверждает, что Русский Корпус отказался от сотрудничества с Власовым. Власов в первой половине января в Далене под Берлином официально принял генерала Б. А. Штейфона, командующего Русским Корпусом. Штейфон заявил о безоговорочном подчинении Корпуса командованию войск КОНР [2]. Конец войны не дал соединиться всем российским военным образованиям. И хотя Краснов отказался сотрудничать с Власовым, но казаки, несмотря на это, решили войти в состав вооружённых сил Власова незадолго до конца войны.

Василик Владимир Владимирович, диакон, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских народов исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Доклад: Власовское движение и русская православная церковь.

Докладчик явно не знает или по своим политическим убеждениям сознательно искажает отношение РПЦ к власовскому движению. Протоиерей Александр Киселёв полностью поддерживал идеи, оглашённые в Пражском Манифесте, и был духовником Власова. Неправда, что «...протоиерей Александр Киселёв после его выступления на учредительном съезде КОНРа не занимался пастырской работой во власовских войсках». На самом деле он оставался с войсками до конца войны. Будучи лично знакомым с отцом Киселёвым, знаю, что он глубоко уважал и чтит А. А. Власова.

Диакон Василик уверяет, что «Идеология РОА и КОНР была разработана в недрах Абвера и пропагандистской машины Вермахта». Это полный абсурд — если не считать недрами Абвера российскую общечеловеческую, вышедшую из-под контроля советской власти. Чтобы её голос был услышан, её представители, естественно, старались проникнуть в нужные учреждения пропаганды и подготовки кадров. Идеология РОА и КОНР чётко выражена в Пражском Манифесте. Одним из авторов Манифеста был Николай Александрович Троицкий (он же Борис Александрович Нарейкис). Ныне покойный Николай Александрович был хорошим знакомым моей семьи в течение более тридцати лет. Мы жили в десяти минутах езды на автомобиле друг от друга в одном городе в США. Будучи лично знакомым с одним из авторов Манифеста, я знаю и историю его создания. Манифест был разработан русскими, и никем другим. В 1997 году в Москве вышла книга воспоминаний представителей так называемой Второй Волны — выходцев из Советского Союза, включая власовцев. Название книги «В поисках истины — пути и судьбы Второй эмиграции». Составители В. С. Карпов, А. В. Попов и Н. А. Троицкий. Книгу издал Российский государственный гуманитарный

университет, Историко-архивный институт (М., 1997). Кроме воспоминаний, книга содержит тезисы, которыми руководствовались власовское движение и которые нашли свое выражение в Пражском Манифесте. Эту книгу следует досконально изучить всем участникам круглого стола. В четырнадцати пунктах Манифеста содержится политическая программа КОНР:

«В основу государственности народов России Комитет возлагает следующие главные принципы:

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2. Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3. Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемирное развитие международного сотрудничества.

4. Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5. Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние; установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6. Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьянам. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7. Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремёсел, кустарного промысла и предоставление частной инициативы права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9. Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10. Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11. Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12. Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям, за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вёл ли он её по убеждению или вынуждению.

13. Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сёл, фабрик и заводов за счет государства.

14. Государственное обеспечение инвалидов войны их семей».

Надо помнить, что эти тезисы были продуманы и написаны в середине 1940-х годов, во время войны, в жёстких условиях гитлеровской диктатуры, когда ещё никакой Всеобщей декларации прав человека ООН не существовало.

На вымыслы, которыми диакон Василик пытается очернить Власова и власовцев, авторитетно ответил К. М. Александров в работах, уже упомянутых выше.

К сожалению, и всю эту попытку обсудить яркий и с годами не утрачивающий интереса и значительно-

сти феномен по имени «Власов» приходится признать неудачной. Без проблеска альтернативного мнения, без попытки высказаться вне общепринятых и ставших расхожими стереотипов, без желания переосмыслить причины и результаты произошедшего, — иначе как тенденциозным, «предвзятым круглым столом» назвать не получается. И это тем более грустно, что событие происходило при поддержке уважаемых, наверное, организаций, которые созданы с высокой целью — печься о благе Отечества.

1. Александров К.М. Офицерский Корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. М.: Посев, 2009.
2. Ibid.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Открытое письмо в журнал «Посев»

На статью В. Ж. Цветкова, А. Н. Алекаева, Р. Г. Гагуева «Нельзя ставить знак равенства». О неправомерности отождествления программ Белого движения и политических лозунгов коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны

*Живые души не забыли
В Россию вбитый красный клин,
Вождя шакалов — Джугашвили,
Его антихристов режим.*

Никак не ожидал господина от вас такой статьи. Вам осталось только прицепить Георгиевские ленточки взять в руки красный флаг и выйти 9 мая на митинг.

Честно сказать, я все больше и больше поражаюсь, как современные историки Белого движения становятся советскими патриотами. Из каких побуждений они это делают? Сознательно, или попали под пресс современной чекистской системы?

Что же касается программ Белого движения, то почти до конца Первой гражданской войны их ни у кого не было. Это положение исправил лишь барон П.Н. Врангель в Крыму, когда борьба была уже на исходе. Также и программа КОНР появилась в конце войны. А для тех, кто сражался с большевизмом на фронтах с 1917—1921 гг., программы и лозунги не так уж были важны. С 1921 по 1941 гг. очаги сопротивления вспыхивали по всей стране, начиная с массовых восстаний крестьян и казаков до выступлений одиночек. В 1941 г. получив оружие от немецких оккупантов, с новой силой продолжили борьбу с людоедским режимом, который на тот момент уничтожил миллионы русских православных людей. Мне тоже не по душе программа КОНР, от неё сквозит керенщиной и советчиной так же, как и от вашей писанины.

Привожу цитату из статьи: «...К благословению со стороны иерархов Русской Православной Церкви за границей — митрополита Анастасия (Грибановского) и других руководство КОНР отнеслось достаточно нейтрально, а его официальная позиция по отношению к священноначалию Московской Патриархии была прямо враждебна: в ряде документов КОНР

говорилось о “продажных иерархах”...» Я со всей твёрдостью поддерживаю утверждение КОНР о Московской Патриархии. Состряпанная в 1943 г. Сталиным из сергианских отступников она до сих пор несёт в себе пороки советского режима. Погрязла в грехе экуменизма, из Церкви превратилась в лавочку для зарабатывания денег. А что творят некоторые иерархи, даже писать не буду, это уже будет тема романа для извращенцев.

Привожу следующую цитату: «...Трагедия братоубийства, расколовшая Россию на две враждующие стороны и предательское сотрудничество с иноземными агрессорами и оккупантами, — явления несопоставимые и несовместимые...» С ваших слов получается, что все, кто боролся с большевиками с 1917 г., в 1941 г. за свою непримиримость становятся предателями. Вам, господина-товарищи, не понять, что для истинного борца быть немножко белым, немножко красным — вещь недопустимая. Да и СССР не имел ничего общего с Россией, это две противоположности, как убийца и убитый.

К вам, господина, я всегда относился с глубоким уважением за ту работу, которую вы делали, всегда с нетерпением ждал выхода в свет следующей книги из серии «Белые воины». Что же с вами произошло? Или лучше плыть по ветру, чем быть запрещаемыми и гонимыми за правду? Тогда бы уж смолчали. Зачем порочить память тех, кто боролся с советами в 1941–1945 гг. Примирения с красными не было и не будет, как и с их последышами: путинско-медведевскими чекистами, зюгановскими и удалцовскими коммунистами. Потому что невозможно примирение между Христом и Антихристом.

P.S.: «Посев» уже не тот, что был во времена Штамма. С трудом, но всё же надеюсь — письмо напечатают. Николай Бечин, Архангельская область